

Рудольф Штайнер
Евангелие от Луки

*Цикл из десяти докладов, прочитанный в Базеле с 15 по 26
сентября 1909 г.*
GA 114

Rudolf Steiner
Das Lukas-Evangelium
Ein Zyklus von zehn Vorträgen, gehalten in Basel vom 15. bis 26.
September 1909

Содержание:

ПЕРВЫЙ ДОКЛАД. Базель, 15 сентября 1909 г.
ВТОРОЙ ДОКЛАД. Базель, 16 сентября 1909 г.
ТРЕТИЙ ДОКЛАД. Базель, 17 сентября 1909 г.
ЧЕТВЕРТЫЙ ДОКЛАД. Базель, 18 сентября 1909 г.
ПЯТЫЙ ДОКЛАД. Базель, 19 сентября 1909 г.
ШЕСТОЙ ДОКЛАД. Базель, 20 сентября 1909 г.
СЕДЬМОЙ ДОКЛАД. Базель, 21 сентября 1909 г.
ВОСЬМОЙ ДОКЛАД. Базель, 24 сентября 1909 г.
ДЕВЯТЫЙ ДОКЛАД. Базель, 25 сентября 1909 г.
ДЕСЯТЫЙ ДОКЛАД. Базель, 26 сентября 1909 г.

ПЕРВЫЙ ДОКЛАД. Базель, 15 сентября 1909 г.

Когда некоторое время тому назад мы собирались здесь, и обсуждали более глубокие течения христианства с точки зрения Евангелия от Иоанна.* (*См. "Евангелие от Иоанна", 8 докладов, прочитанных в Базеле с 16 по 25 ноября 1907 г. в "Человеческом развитии и познании Христа" (GA (Gesamtausgabe, Полное издание), том 100)). Тогда перед нашим духовным взором выступили могучие образы и идеи, которые может обрести человек, углубляясь в это единственное в своем роде провозвестие человечества. Мы тогда должны были в разнообразных случаях подчеркивать, как выявляются глубочайшие истины христианства, когда в своих рассматриваниях исходят из этого провозвестия. И сегодня многие из тогдашних слушателей или слушателей какого-нибудь другого цикла о Евангелии от Иоанна вполне могли себя спросить: "Возможно ли, чтобы прозрения, которые нужно

обозначить как глубочайшие и которые можно найти с помощью Евангелия от Иоанна, можно было бы расширить и углубить путем исследования других христианских провозвестий, например, трех других Евангелий?" Тот, кто любит теоретическое удобство, может себя спросить: "Возможно ли вообще после того как мы поняли, что из Евангелия от Иоанна для нас выяснились величайшие глубины христианских истин, необходимо ли еще разбираться в сущности христианства, исходя из других Евангелий, в частности - как это легко можно было бы подумать, - исходя из точки зрения менее глубокого Евангелия от Луки?"

Тот, кто полагал бы, что подобным вопросом он высказал нечто важное, тот весьма ошибся бы. Верно не только то, что христианство неизмеримо в своем существе и что его можно освещать с различных точек зрения, но также верно и другое, и именно этот цикл докладов должен стать тому доказательством: хотя Евангелие от Иоанна и является бесконечно глубоким благовестием, но, исследуя Евангелие от Луки, например, можно изучить такие вещи, которые нельзя изучить с помощью Евангелия от Иоанна. То, что мы привыкли в цикле о Евангелии от Иоанна называть глубокими идеями христианства, оно, конечно, еще не христианство в его полной глубине; но в эти глубины христианства можно проникнуть и с другой исходной позиции. И эта другая точка зрения будет найдена именно тем, что теперь в центре наших исследований мы поставили Евангелие от Луки с антропософской, духовнонаучной точки зрения.

Поставим однажды нечто перед нашим взором, чтобы понять тезис о том, что из Евангелия от Луки можно еще нечто обрести, даже когда глубины Евангелия от Иоанна уже исчерпаны. При этом мы должны исходить из того, что нами обнаружилось уже при рассмотрении каждого отдельного стиха Евангелия от Иоанна, - что провозвестия, коими являются Евангелия, как раз для антропософского исследователя представляются как провозвестия, написанные людьми, глубоко прозревавшими в сущность жизни и бытия - как посвященные, как ясновидящие. Когда мы говорим абстрактно, мы можем употреблять выражения "посвященный" и "ясновидящий" как равнозначные. Но если мы хотим в ходе нашего антропософского исследования проникнуть в более глубокие слои духовной жизни, мы должны различать их как две категории людей, нашедших дорогу в сверхчувственные области бытия. В известном отношении между посвященными и ясновидящими есть разница, хотя это ничем, ровным счетом ничем не противоречит тому, что посвященный есть в то же время и ясновидящий, а ясновидящий до известной лишь степени есть посвященный. Если вы захотите сделать точное различие между этими двумя категориями людей, - вы должны вспомнить представления, данные в мной к книге "Как достигнуть познания высших миров"* (*"Как достигнуть познания высших миров" (GA, том 10)). Вы должны подумать о том, что по большому счету есть три ступени, выводящие за уровень обычного восприятия.

То познание, которое поначалу свойственно человеку, прежде всего является таким, которое взирает на мир через чувства, а через рассудок и другие душевные силы усваивают виденное; над этим лежат три другие ступени познания мира: имагинативная, инспиративная и интуитивная если слово интуитивная употреблять в его истинном, даже научном смысле.

Имагинативным познанием обладает тот, перед духовным оком которого сокрытое за чувственным миром раскинулось в образах, в мощной мировой картине образов, которые, конечно, не имеют ничего общего с тем, что именуют "образами" в обычной жизни. Помимо той разницы, что для образов имагинативного познания нет законов трехмерного пространства, есть и другие особенности, которые не так легко с чем-нибудь сравнить в обычном чувственном мире.

Имагинативный мир образован так, что мы получим о нем представление, если помыслим: перед нами растение, и мы в состоянии все то, что для чувственного глаза воспринимается как окраска, извлечь из растения так, чтобы она свободно от формы витала в воздухе. Если бы мы лишь извлекли из этого растения находящуюся в нем краску, чтобы она свободно витала перед нами, то мы имели бы перед собой лишь мертвый красочный облик. Для ясновидящего этот красочный облик не остается мертвым. Но, когда он извлекает из вещей то, что в них есть как окраска, то благодаря своей подготовленности и упражнениям, которыми он пользовался, этот красочный образ, подобно тому, как в чувственном мире он был оживлен веществом растения, становится духовно оживленным. И перед человеком уже не мертвый красочный облик, а свободно витающий красочный свет, многообразно переливающийся и сверкающий, но внутренне оживленный, так что каждый цвет является выражением особенности духовно-душевного существа, не воспринимаемого в физическом мире. Это значит, что для ясновидящего цвет в чувственном растении становится выражением особенностей духовно-душевного существа.

Теперь представьте себе такой мир, наполненный разнообразно отраженными красочными обликами, которые вечно изменяются и преобразуются, но не так, чтобы взор был ограничен красочным, как бы на картине с мерцающими красочными отблесками, но помыслите себе это как выражение духовно-душевных существ, так что вы скажете: "Когда здесь вспыхивает зеленый красочный образ, то для меня это является выражением того, что за ним имеется разумное существо; или когда вспыхивает ярко-красный цветовой образ, это выражение чего-то вроде некоего страстного существа". Представьте себе, что море переливающихся красок или переливающихся звуковых ощущений, ощущений обоняния или вкуса, - все это суть выражения духовно-душевных существ, - и тогда вы будете иметь то, что называют имагинативным миром. Это не то, что в обычной речи

называется "имагинацией", т. е. воображением, - это реальный мир. Это иной род восприятия, чем чувственное.

Внутри этого имажинативного мира для человека выступает все то, что скрыто за чувственным миром и чего он не воспринимает своими "чувственными" чувствами, как, например, эфирное и астральное тела человека. Ясновидящий, познающий мир благодаря имажинативному познанию, познает высшие существа как бы по их внешней стороне, подобно тому, как, идя по улице, познает проходящих людей по их внешней, чувственной стороне. Если вы поговорите с этими людьми, вы узнаете их ближе, и тогда тем, что люди говорят, они выражают еще нечто другое, помимо того, что вы видите, когда встречаете их на улице. Но того, мимо чего вы проходите, - чтобы быть конкретным - вы не можете видеть: есть ли в душе внутреннее страдание или радость, скорбь или восторг пронизывают душу. Но это можно узнать, поговорив с ним. В первом случае он возвещает вам лишь то, что вы можете видеть без его участия, - свою внешнюю сторону; во втором - он сам высказывается для вас. Также и с существами сверхчувственного мира.

Ясновидящий, путем имажинативных познаний видения, познающий существа сверхчувственного мира, видит лишь внешнюю духовно-душевную сторону. Но, когда он от имажинативного познания поднимается к инспиративному, он слышит их высказывающимися самих себя. И это действительно настоящее общение с этими существами. Они из своей собственной сущности сообщают ему, что они такое и кто они такие. Поэтому инспирация есть более высокая ступень познания, и о существах духовно-душевного мира узнают больше из инспирации, чем только из имажинации.

А еще более высокая ступень познания - интуиция, в той мере, в какой слово "интуиция" употребляется не в принятом словоупотреблении, когда интуицией называют все неясное, что приходит в голову, но когда берут понятие интуиции в истинном духовнонаучном смысле. Она является познанием, когда не только можно духовно прислушиваться к тому, что возвещают из себя существа, но когда можно с ними соединиться, погрузиться в их подлинную сущность. Эта высокая ступень познания требует, чтобы человек достиг такого раскрытия в себе любви ко всем существам, что не делает различия между собой и другими существами в духовном окружении, когда он излил свое существо во все духовное окружение, когда он поистине уже не находится вне существ, общающихся с ним духовно, но когда он находится в этих существах, пребывает в них. А так как это может быть лишь по отношению к духовно-божественному миру, выражение "интуиция", т. е. "пребывание в Боге", является совершенно правильным. Таковыми предстают нам поначалу эти три ступени познания сверхчувственного мира: имажинация, инспирация и интуиция.

Есть, конечно, возможность достигнуть этих трех ступеней сверхчувственного познания. Но возможно также, например, в какой-нибудь инкарнации достичь лишь ступени имагинации; тогда для данного ясновидящего останутся скрытыми те области духовного мира, которые достигаются инспирацией и интуицией. Такой человек является "ясновидящим". В наше время вообще не принято сразу вводить людей на высшие ступени сверхчувственного познания, пока они еще не прошли ступени имагинации; так что для современных отношений едва ли возможно, что кто-то, так сказать, "пропустит" ступень имагинации и сразу будет введен на ступень инспирации или интуиции. Но то, что теперь никоим образом не было бы правильным, это могло происходить в древние времена развития человечества, и это происходило.

Были такие времена в развитии человечества, когда между различными индивидуальностями были поделены, с одной стороны, имагинация, с другой - инспирация и интуиция. Были, например, места мистерий, где пребывали такие люди, духовные очи которых были открыты так, что они были ясновидящими для области имагинации, что им был доступен символический мир образов. Благодаря тому, что эти люди на данную инкарнацию отказались от достижения инспирации и интуиции, они делали себя способными точно и отчетливо видеть в имагинативном мире, они для этого особым образом тренировали себя.

Но одно было им для этого необходимо. Тот, кто хочет видеть только в имагинативном мире и отрешается от проникновения в мир инспирации и интуиции, тот некоторым образом живет в мире неуверенности. Этот мир текуче-имагинативного безбрежен, и люди в нем оказываются предоставленными самим себе, плавают своей душой туда-сюда, не зная точно ни цели, ни направления. Поэтому в те времена у народов, в которых некоторые люди отрешились от высших ступеней познания, была необходимость, чтобы имагинативно-ясновидящие вполне самоотверженно следовали своим руководителям, - тем, у кого была открыта возможность инспиративного и интуитивного видения, ибо лишь они давали уверенность в духовном мире, т. к. точно знали: здесь и именно здесь проходит дорога, а здесь - цель! А тот, кому недостает инспиративного познания, не может сказать себе этого, и в этом случае нужно довериться сведущему водительство такого человека, который может это знать. Поэтому часто справедливо подчеркивалось, что тот, кто поднимается к имагинативному познанию, должен внутренне прилепиться к гуру, Учителю, который даст ему направление и цель.

С другой стороны, опять-таки в древности (теперь этого не делается), было полезно некоторых людей заставляя известным образом перескакивать через имагинативные познания и приводить их сразу к инспирации или, где

возможно, - к интуиции. Такие люди отказывались от того, чтобы видеть вокруг себя имагинативные образы духовного мира, они отдавались лишь тем впечатлениям из духовного мира, которые суть изливания внутреннего духовного существа, духовным слухом они внимали речам существ духовного мира. Это подобно тому, как если бы между вами и другим человеком была стена и самого человека вы бы не видели, но вы слышали бы его говорящим за стеной. Эта возможность существовала, конечно, потому, что люди отказывались от видения в духовном мире, дабы благодаря этому быстрее быть приведенными к духовному слышанию высказываний духовных существ. Безразлично, видит ли кто-либо образы имагинативного мира или нет, но если он в состоянии воспринимать духовным слухом то, что возвещают о самих себе существа сверхчувственного мира, если он может это, то мы говорим о таком человеке, что он одарен "внутренним словом" в противоположность "внешнему слову", которому люди учатся в физическом мире. Итак, были люди, которые, не видя имагинативного мира, обладали "внутренним словом", воспринимали речи духовных существ и могли их сообщать.

В развитии человечества было известное время, когда в мистериях действовали совместно оба эти рода сверхчувственных опытов познания. И так как каждый из них отрекался от способа видения другого, а то, что ему было доступно, мог образовать точнее и отчетливее, то из этого получалось чудесное взаимодействие внутри мистерий древнего времени. Были имагинативные ясновидящие, тренировавшие себя для видения мира имагинативных образов. И были такие, которые перешагнули мир имагинативного и тренировали себя для восприятия в свои души внутреннего слова, того, что постигается инспирацией. Один мог сообщить другому то, что он испытал благодаря своей особой тренировке. Но это было возможно в те времена, когда к человеку была совершенно другая степень доверия, которое теперь просто прекратилось в силу развития нашего времени. Теперь один человек не "верит" другому так сильно, чтобы только слушать то, что другой описывает из образов имагинативного мира, прибавляя к этому то, что он сам знает из инспирации, с твердой верой в то, что описания другого правильны. Теперь каждый человек хочет видеть сам, и для нашего времени это правомерно. Мало людей довольствовались бы теперь односторонним образованием имагинаций, как это случалось в известные времена. Поэтому для современного человека также необходимо, чтобы он был постепенно проведен через три ступени высшего познания, не пропуская ни одной.

На всех ступенях сверхчувственного познания мы воспринимаем великие тайны, касающиеся События Христа; имагинативное, инспиративное и интуитивное познания могут сказать о Нем бесконечно много.

Если, исходя из этой точки зрения, мы обратим взор на четыре Евангелия, то мы должны сказать, что Евангелие от Иоанна написано с точки

зрения такого посвященного, который стоял внутри тайного мира, вплоть до интуиции, и описывал Событие Христа из интуитивного видения духовного мира. Но кто более точно вникает в особенности Евангелия от Иоанна - и это мы увидим как раз в этом цикле докладов, - должен будет сказать себе, что все то, что особенно ясно выражено в Евангелии от Иоанна, сказано с точки зрения инспирации и интуиции, а все, что дается в образах имагинаций, наоборот, неотчетливо и блекло. Так что автора Евангелия от Иоанна - помимо того, что он все же привнес из имагинаций, - мы должны назвать вестником всего того в Событии Христа, что открывается обладающему внутренним словом, вплоть до интуиции. Потому автор Евангелия от Иоанна в главнейшем характеризует нам тайны Царства Христова как обусловленные внутренним Словом, или Логосом. В основе Евангелия от Иоанна лежат инспиративно-интуитивные познания.

Иначе с тремя другими Евангелиями. И никто из авторов других Евангелий не выразил так ясно того, что он, собственно, хотел сказать, как автор Евангелия от Луки.

Ему предшествует удивительное короткое вступление, которое говорит о том, что многие люди до этого евангелиста делали то же самое: собирали, передавали различные рассказы о событиях в Палестине и, чтобы сделать точнее и по порядку, Евангелист берется передать то - и теперь следует полное значения выражение, - что сообщали те, которые с самого начала, как теперь принято переводить, "были очевидцами и служителями Слова" (Лк. 1, 1-2). Итак, автор Евангелия от Луки хочет передать то, что имели сказать те, кто видели собственными глазами - лучше сказать "личнозрящие" - и служители Слова. В духе Евангелия от Луки "личнозрящие" - это те, которые обладают имагинативным познанием, могут проникать в мир образов и там воспринимать Событие Христа, которые тренировали себя на видении таких имагинаций. Личнозрящие, которые видели точно и отчетливо. Именно такие сообщения автор Евангелия от Луки клал в основу своего повествования. И самозрящие в то же время были "слугами Слова". Многозначительное выражение. Он не говорит "обладателями Слова" (ибо это были бы люди, имеющие полное инспиративное познание), а "слуги Слова", т. е. слуги тех, которым не были доступны в той же мере имагинаций, как им в их личностном прозрении, но которым были доступны благо-вестования инспиративного мира. Им, слугам, сообщалось то, что воспринимал инспирированный, они могли это возвещать, ибо им это сказали их инспирированные Учителя. Они - слуги, а не обладатели Слова.

Итак, Евангелие от Луки восходит к сообщениям тех, которые суть самовидцы, самоиспытатели в имагинативных мирах, которые выучились выражать то, что они там увидели, средствами, которыми обладает инспирированный человек, которые таким образом сделали себя слугами Слова.

Здесь мы имеем пример того, как точно выражаются Евангелия и как мы должны понимать слова совсем буквально. В таких на основе духовознания составленных провозвестиях все точно и определенно, и современный человек часто не имеет никакого представления о той точности и определенности, с которой выбираются слова в подобных источниках.

На этот раз, как и всегда, когда мы приступаем к подобным исследованиям, мы должны вспомнить, что Евангелия не являются источниками познания для духовной науки. Только вследствие того, что что-то написано в Евангелиях, оно еще не становится истиной для того, кто строго стоит на почве духоведения. Духоиспытатель черпает не из писанных источников, а из того, что предлагает в его время само духоведческое исследование. То, что могут сказать в наше время ясновидящему и посвященному существа духовного мира, - это источники для самой духовной науки, для посвященных и ясновидящих. И в известном отношении эти источники в наше время те же, что и в те времена, которые я вам только что обрисовал. Поэтому и теперь ясновидящими можно назвать тех, которые имеют доступ в имагинативный мир, а посвященными - тех, которые могут подниматься до инспирации и интуиции. Так что для наших времен выражение "ясновидящий" не совпадает с выражением "посвященный".

Все, что мы находим в Евангелии от Иоанна, может покоиться лишь на исследовании посвященного, способного восходить до инспиративного и интуитивного познания. Все, что мы встречаем в других Евангелиях, может покоиться на сообщениях имагинативно ясновидящих, не способных самостоятельно восходить к инспиративному и интуитивному мирам. Если строго придерживаться сегодняшнего разграничения, то Евангелие от Иоанна опирается на посвящение, остальные же три, в особенности Евангелие от Луки, даже по признанию самого автора, - на ясновидение. И так как оно главным образом покоится на ясновидении, так как там собрано все, что мог видеть наиболее тренированный ясновидящий, то оно дает нам и точную картину того, что могло быть дано нам Евангелием от Иоанна лишь в блеклых образах. И чтобы еще точнее подчеркнуть различие, хотелось бы сказать следующее.

Представьте себе человека, способного познавать имагинативный мир, но не ясновидящего, посвященного так - что вообще-то теперь едва ли возможно, - что для него был бы открыт мир инспирации и интуиции. Такой человек встречается с другим, который, может быть, вовсе и не посвящен, но перед которым благодаря каким-нибудь обстоятельствам открыт имагинативный мир так, что он может иметь полный обзор имагинаций. Такой человек мог бы много сообщить первому из того, что он видит и чего первый не видит, но может объяснить из инспирации. Люди, ясновидящие без посвящения, теперь весьма многочисленны, обратное вряд ли возможно,

что какой-нибудь посвященный, хотя и обладает даром ясновидения, но в силу каких-либо причин в отдельном случае не может прийти к видению имажинативного, тогда ему многое для него еще не известное мог бы рассказать ясновидящий.

Антропософия, или духовная наука, опирается на источники посвященных, так что ни Евангелие от Иоанна, ни другие Евангелия не являются источниками ее познания, это всегда надо строго подчеркивать. То, что и теперь может быть исследовано без исторического документа, есть источник для антропософского познания. А затем уж мы переходим к документам и пытаемся сравнить с ними то, что теперь может найти духовное исследование. И то, что оно теперь может найти безо всякого документа о Событии Христа, и может найти ежечасно, это мы находим снова во всем величии в Евангелии от Иоанна. И это столь ценный документ потому, что он показывает нам, что тогда, когда он был написан, был некто, написавший его так, как его и теперь мог бы написать тот, кто посвящен в духовный мир. Те же голоса, которые можно воспринять теперь, доходят к нам из глубин столетий.

То же самое и с другими Евангелиями, и с Евангелием от Луки. Не образы, рисуемые нам автором Евангелия от Луки, являются для нас источниками познания высших миров, а то, что дает нам подъем в сверхчувственный мир. И когда мы говорим о Событии Христа, то источником для нас является также та великая панорама образов и имажинаций, которые нас окружают, когда мы обращаем взор на происшедшее в начале нашей эры. И то, что является нам самим, можно сравнить с образами и имажинациями, описываемыми нам в Евангелии от Луки. И этот цикл докладов должен показать нам, как выглядят имажинативные образы, обретаемые современным человеком, рядом с описаниями, которые нас встречают в Евангелии от Луки.

Поистине, для духовного исследования, направленного на события прошлого, есть лишь один источник - и он не во внешних документах. Ни камни, выкапываемые нами из земли, ни документы из архивов, ни то, что написали историки, под действием инспирации или нет, - все это не источники для духоведения. Наш источник это то, что мы можем прочесть в непреходящей хронике, - в Акаша-хронике. Это дает нам возможность без внешних документов познать то, что произошло.

Так современный человек может выбрать два пути, чтобы получить весть о прошлом. Он может взять исторические свидетельства, если он хочет узнать что-нибудь о внешних событиях, или религиозные свидетельства, если он хочет узнать что-нибудь о духовных отношениях. Или он может спросить: "Что могут сказать те, которые сами для своего духовного ока раскрыли Акаша-хронику, в которой непреходящими письменами

обозначено все, что когда-либо произошло в развитии вселенной, Земли и человека?".

Человек, поднявшийся в сверхчувственные миры, постепенно учится читать эту хронику. Это необыкновенное письмо. Представьте, что перед вашим духовным оком возникает ход событий так, как они протекли; представьте, что перед вашими глазами как в туманном образе возникает Кесарь Август со всеми его деяниями; все, что тогда случилось, является перед вашим духовным оком. Так является оно перед духоиспытателем, и ежечасно он может познать новое. Ему не надо внешних свидетельств. Ему надо лишь обратить взор на определенную точку становления мира или человечества, и перед его глазами в духовном образе встанут происшедшие события. Так может духовный взор проникать в прошлое, и то, что он там видит, обозначают как результат духовного исследования.

Что же произошло в те времена, с которых начинается наша эра? Увиденное духовным взором, может быть сравнено с тем, что нам говорит, например, Евангелие от Луки. И духоиспытатель познает, что тогда жили такие духовидцы, которые видели то, что было в прошлом; и мы можем сравнить, как то, что они могут передать нам как свое настоящее, относится к тому, что может увидеть взор, обращенный на Акаша-хронику того времени.

Нам нужно все снова и снова проникаться душой, что мы черпаем не из древних памятников, а из самого духовного исследования и что почерпнутое из духовного исследования мы заново разыскиваем в древних памятниках. Благодаря этому древние памятники обретают повышенную ценность, и мы можем судить об истинности того, что в них содержится, из нашего собственного исследования. Через это они возрастают как выражение истины, ибо мы сами можем познать истину. Нельзя высказывать вещи, подобные вышеописанным, без того, чтобы одновременно не указать, что это чтение в Акаша-хронике не так легко, как созерцание событий в физическом мире. Мне хотелось бы на отдельном примере сделать вам более наглядным, в чем состоят известные трудности при чтении Акаша-хроники. Мне хотелось бы сделать это для вас нагляднее на примере самого человека

Из элементарной антропософии мы знаем, что человек состоит из физического, эфирного и астрального тел и Я. Трудности начинаются с того момента, когда человека рассматривают уже не только на физическом плане, а поднявшись в духовный мир. Имея перед собой человека физически, вы имеете перед собой единство его физического, эфирного, астрального тел и Я; так происходит при рассмотрении человека в его дневном бодрствовании. Когда же для его наблюдения по необходимости приходится подниматься в высшие миры, в этот момент и начинаются трудности. Когда мы, например, ночью, желая видеть всего человека, должны подняться в мир имагинативного, если мы хотим видеть астральное тело, которое тогда вне

физического, то мы имеем существо человека разделенным на два отдельных друг от друга члена.

То, что я сейчас описал, хотя и редко случается, ибо наблюдение человека до известной степени еще легко, но из этого вы можете представить себе, в чем трудность. Представьте себе, что некто входит в помещение, где спит группа людей. Если он ясновидящий, он видит лежащие в постели физическое и эфирное тела, а восходя ясновидчески, он видит астральные тела. Но астральный мир есть мир взаимопроникновения. В нем астральные тела проходят друг сквозь друга. И хотя с опытным ясновидящим это не легко случается, но все же может случиться, что глядя на группу спящих людей, он может перепутать, какое астральное тело принадлежит какому физическому. Это случается не часто, потому что это видение до известной степени принадлежит к низшим ступеням, и человек, приходящий к нему, хорошо подготовлен, как нужно различать в данном случае. Но если в высших мирах наблюдать не человека, а другие духовные существа, то эти трудности весьма возрастают. Да, они велики уже и для человека, если его рассматривать не как современного человека, а во всем его существе.

Когда вы таким образом рассматриваете ныне живущего человека, проходящего через инкарнации, вы спрашиваете себя: "Где было его Я в предшествующей инкарнации?" К его предшествующим инкарнациям вы должны прийти через деваханический мир. Вы должны быть в состоянии установить, какое Я всегда принадлежало к прежним инкарнациям данного человека, сложным образом удерживать непреходящее Я и различные его ступени здесь, на земле. Тут уже возможна ошибка, легко впасть в заблуждение, ища пребывания Я в прежних телах. Восходя в высшие миры, не так-то легко удержать все, принадлежащее человеку, принадлежащее личности, связать с тем, что обозначено в Акаша-хронике как его прежние инкарнации.

Представьте себе, что перед ясновидящим или посвященным стоит человек, например, Ганс Мюллер, и он спрашивает себя: "Каковы физические предки этого Г. Мюллера?" Предположим, что все внешние физические документы потеряны, нужно положиться лишь на Акаша-хронику, из нее он должен установить предков, дабы посмотреть, как развивалось физическое тело по наследственной линии. Затем может возникнуть вопрос: "Какими были прежние инкарнации этого человека?". Тогда посвященный должен идти совсем другим путем, нежели когда он шел к физическим предкам человека. Ему, может быть, придется проследить вспять много времени, если он хочет прийти к прежним воплощениям этого Я. Вы уже имеете два течения: ни физическое тело, находящееся перед нами, не является совсем новым созданием, ибо оно происходит по физической линии наследования от предков, ни Я не есть совсем новое создание, ибо оно слагается из прежних воплощений.

Но то, что имеет значение для физического тела и для Я, то имеет значение и для промежуточных членов - эфирного и астрального тел. Я вам рассказывал, как эфирное тело тоже не является совершенно новым созданием, но оно может пройти известный путь через различные формы. Эфирное тело Заратустры снова появилось в эфирном теле Моисея; это то же самое эфирное тело.* (*В докладе "Реинкарнация и карма", прочитанном 3 февраля 1909 г. в Базеле; сохранились только отрывочные заметки (напечатаны в "Принципе духовной экономии в связи с вопросами перевоплощения" - GA, том 109)). И если теперь изучать только физических предков Моисея, то получишь одну линию, если же изучать предков эфирного тела Моисея, то получишь другую линию: придешь к эфирному телу Заратустры и другим эфирным телам.

Так же как для физического тела нужно исследовать совершенно другие течения, чем для эфирного тела, так же и для астрального тела. От каждого члена человеческой природы можно прийти к различным течениям. Можно сказать: эфирное тело есть эфирное перевоплощение эфирного тела, которое было в совершенно другой индивидуальности, вовсе не в той же самой, в которой было раньше воплощено Я. То же можно сказать и об астральном теле.

Когда мы поднимаемся в высшие миры, чтобы изучить человека в его прежних членах, то там отдельные течения расходятся друг с другом. Одно ведет по одному направлению, другое - по другому, и мы приходим к весьма сложным процессам в духовном мире. Если кто-нибудь хочет полностью понять человека с точки зрения духовного исследования, то он должен его описывать не просто как потомка его предков, что его эфирное тело унаследовало от того или другого существа или его астральное тело от того или другого существа, но он должен описать, как прошли свой путь все эти четыре члена, пока они полностью не воссоединились теперь в данном человеке. Это нельзя сделать сразу. Можно, например, проследить путь, совершенный эфирным телом, и прийти к важным заключениям. А другой человек может проследить путь астрального тела. Один может придать больше значения эфирному телу, другой - астральному и сообразно с этим составить свои описания. Для того, кто не принимает во внимание всего, что говорят ясновидящие о конкретном существе, совершенно все равно, говорит ли один одно, а другой - другое; ему будет казаться, что всегда описывается то же самое. Для него тот, кто описывает физическую личность, будет говорить то же самое, что и тот, кто описывает эфирное тело; он всегда будет думать, что описывается личность Г. Мюллера.

Все это может дать вам картину всей сложности отношений, встречающих нас, когда мы с точки зрения исследования ясновидящего, посвященного хотим описать сущность какого-либо явления мира, будь то

человек или иное существо. То, что я теперь сказал, должно быть сказано; из этого вы можете усмотреть, что лишь самое обширное, многостороннее исследование в Акаша-хронике может выявить перед нашим духовным взором какое-нибудь существо.

То Существо, Которое предстоит перед нами так же и в том духе, как Оно описано в Евангелии от Иоанна, Которое стоит перед нами со Своим Я, - безразлично, до или после Иоаннова Крещения; говорим ли мы о Нем как об Иисусе Назорее до крещения или как о Христе после Иоаннова Крещения, - Оно стоит перед нами со Своим Я, астральным, эфирным и физическим телами. Полностью описать Его мы можем только с позиции Акаша-хроники, проследив пути, которыми в развитии человечества прошли эти четыре члена тогдашнего существа Христа Иисуса. Лишь тогда мы можем их правильно понять. Здесь необходимо всеобъемлющее понимание сообщений о Христовом Событии с точки зрения современного духовного исследования, когда надо пролить свет на то, что кажется нам противоречивым в четырех Евангелиях.

Современное, чисто материалистическое исследование не может видеть высокой ценности, истинной ценности Евангелия от Иоанна, ибо оно не может понять того, что высокий посвященный видит иначе, глубже, чем другие. Для трех других, синоптических Евангелий, те, которым не кажется правомерным Евангелие от Иоанна, пытаются создать род созвучия между ними. Создать созвучие будет весьма трудно, если в основании лежат лишь внешние, материальные события. Ибо то, что в завтрашнем докладе будет для нас особенно важным - рассмотрение жизни Иисуса из Назарета до крещения Иоанном, - описано двумя евангелистами: автором Евангелия от Матфея и автором Евангелия от Луки. Для поверхностного материалистического способа исследования здесь есть различия, ни в чем не уступающие тем, которые существуют между Евангелием от Иоанна и тремя другими.

Рассмотрим факты. Автор Евангелия от Матфея говорит, что рождение создателя христианства было предвозвещено, что это рождение происходит, что волхвы, увидавшие звезду, приходят с Востока, что звезда вела их до места, где родился Спаситель, что это привлекло внимание Ирода и что, чтобы скрыться от избиения вифлеемских младенцев, совершенное по приказанию Ирода, родители Спасителя с Младенцем бегут в Египет. Когда Ирод умирает, Иосифу - отцу Иисуса - открывается, что он может вернуться; он возвращается, но из страха перед наследником Ирода идет не в Вифлеем, а в Назарет. Не буду сегодня касаться предсказания о Крестителе. Сегодня я хочу обратить внимание на то, что, сравнив Евангелия от Луки и от Матфея, мы найдем совершенно различное предвозвещение Иисуса из Назарета: один раз - Иосифу, другой раз - Марии.

Из Евангелия от Луки видно, что родители Иисуса из Назарета всегда жили в Назарете и лишь случайно пошли в Вифлеем для переписи. Пока они пребывали там, родился Иисус. Затем, через восемь дней, следует обрезание - ничего не говорится о бегстве в Египет, - а через немного времени ребенок приносится в храм; как видно, была по обычаю принесена жертва, и затем родители с младенцем возвращаются в Назарет и там живут. Затем нам рассказывается примечательный эпизод: как двенадцатилетний Иисус, при посещении Его родителями Иерусалима, остался во храме, как они Его искали и нашли в храме среди тех, кто излагал Писания, как Он выступил перед ними как знаток Писания, каким Он выглядел разумным и мудрым в кругу книжников. Затем говорится, что они снова взяли Отрока домой, как Он возрел, и более мы не слышим о Нем ничего примечательного вплоть до Крещения Иоанном.

Мы имеем две истории Иисуса из Назарета до принятия им Христа. Тот, кто хочет их соединить, тот должен прежде всего спросить себя, как он соединит рассказ о том, что сразу после рождения Иисуса родители принуждены были бежать с ним в Египет и затем снова вернулись, как он соединит это, следуя обычному материалистическому пониманию, с принесением младенца во храм, согласно Луке?

То, что для физического понимания кажется полным противоречием, является для нас правильным и верным в свете духовного исследования. Верно и то, и другое, хотя в физическом мире оно является кажущимся противоречием. Именно три синоптических Евангелия должны были бы пробудить людей к духовному пониманию фактов становления человечества. Люди должны увидеть, что ничего не достигается тем, когда в таких памятниках опускают кажущееся противоречие или говорят о "вымысле", когда не справляются с реальностями.

Евангелие от Иоанна не давало повода говорить подробно о событиях до Иоаннова Крещения, о проникновении Сущности Христа в три тела Иисуса Назорея. И многие важные загадки сущности Христианства разрешатся для нас именно сейчас, потому что на этот раз мы услышим исследование из Акаша-хроники того, каким было существо Иисуса Назорея, пока Христос не принял три его тела.

Завтра мы начнем с исследования из Акаша-хроники существа и жизни Иисуса Назорея, а затем спросим себя, как относится то, что мы узнаем из этого источника, к тому, что описано нам в Евангелии от Луки как исходящее от тех, которые тогда были "личнозрящими"* или "служителями Слова". (*Лк. 1,2: "Как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова". Оче-видец = Augen-Zeuge (свидетель) диген = zeugen = зачинать = совокупляться = смотреть "обладать" (присваивать себе) себя -

зрящий [лично] То есть, "я-видящие" и "ясно-видящие" (Посвященные)
(Прим. пер.).)

ВТОРОЙ ДОКЛАД. Базель, 16 сентября 1909 г.

На протяжении разных эпох развития христианства Евангелие от Иоанна было тем памятником, который всегда производил глубочайшее впечатление на всех, искавших особого, углубления внутреннего погружения в христианское мировое течение. Оно служило источником для всех христианских мистиков, которые стремились пережить то, что изображено в Евангелии от Иоанна в личности и сущности Христа Иисуса.

Иначе ставило себя христианское человечество в различные века по отношению к Евангелию от Луки. Это, в сущности, с другой точки зрения всецело соответствует уже вчера намеченной разнице между Евангелием от Иоанна и Евангелием от Луки. Если Евангелие от Иоанна было в определенном отношении провозвестием для мистиков, то Евангелие от Луки всегда служило родом назидательного чтения для всех вообще, для тех, кто могли достигать сферы христианских ощущений, исходя из простодушия и сердечной невинности. Как душеспасительное чтение проходит Евангелие от Луки через рубежи времен. Для всех отягченных горем и болезнями оно всегда было источником внутреннего утешения, потому что в нем возвещается так много о великом Утешителе и Благодетеле человечества, о Спасителе трудящихся и обремененных. Оно было книгой, к которой обращались особенно те, кто хотел проникнуться христианской любовью, потому что более, чем в каком-либо ином христианском памятнике, в Евангелии от Луки описывается сила и проникновенность любви. И те, которые так или иначе сознавали, что обременили сердце грехом (а это, в сущности, касается всех людей), всегда находили и назидание, и утешение, и возвышение обремененной души, когда они обращали взоры на Евангелие от Луки и его благовестие. И они могли сказать себе: "Иисус Христос пришел не только для праведных, но и для грешников, Он сидел за одним столом с грешниками и мытарями". Если для того, чтобы дать воздействовать на себя Евангелию от Иоанна, нужно высокое подготовление, то про Евангелие от Луки можно сказать, что нет души настолько неразвитой и незрелой, чтобы на нее не могло в полной мере воздействовать все тепло, излучающееся из Евангелия от Луки.

Оно издавна было книгой для всех, на которую могли опереться и детски простодушные. Все то, что в человеческой душе остается детским, начиная с самой ранней жизненной поры и вплоть до последней ступени старости, - все это всегда чувствовало влечение к Евангелию от Луки. И прежде всего, то, что из христианских истин было воплощено в образы, что

было взято искусством из христианских истин в качестве сюжета, - многое, конечно, проистекло из других Евангелий, - но что в искусстве, в живописи все же самым проникновенным образом говорило человеческому сердцу, мы находим в составе Евангелия от Луки и оттуда уже вливающимся в искусство. Все глубокие отношения между Христом Иисусом и Иоанном Крестителем, столь многократно изображаемые в произведениях искусства, имеют своим источником эту непреходящую книгу - Евангелие от Луки.

Тот, кто с этой точки зрения даст воздействовать на себя этому памятнику, найдет, что он от начала до конца словно пропитан принципами любви, сострадания, простодушия, даже до известной степени детскости. И где же еще проявится так тепло эта детскость, как не в истории детства Иисуса из Назарета, которую нам дает автор Евангелия от Луки! Почему это так, станет ясно, когда мы постепенно глубже проникнем в эту замечательную книгу.

То, что я скажу сегодня, может быть, покажется слушавшим другие мои доклады об этом предмете противоречием. Но в ближайшие дни оно будет приведено в соответствие с тем, что я раньше говорил о Христе Иисусе и Иисусе из Назарета. Нельзя сразу дать весь сложный объем истины, и сегодня мы укажем на одну из сторон христианской истины, которая находится в кажущемся противоречии с той частью истины, о которой я говорил раньше. Будут развиты отдельные направления истины и затем будет показано, что они вполне гармоничны и созвучны между собой. В разных циклах, в которых до сих пор исходной точкой намеренно бралось Евангелие от Иоанна, я мог указать, естественно, лишь на часть истины, но она все же остается истиной, и это мы увидим в ближайшие дни. Сегодня мы рассмотрим часть христианской истины, являющейся для большинства непривычной.

В Евангелии от Луки одно чудесное место повествует о том, что пастухам на поле явился Ангел, который возвестил им, что родился "Спаситель Мира". И затем говорится, что к этому Ангелу после его возвещения присовокупилось "многочисленное небесное воинство". (Лк. 2, 13). Представьте себе картину: пастухи глядят ввысь, и им является нечто вроде "отверстого неба", и перед ними в могучих образах появляются существа духовного мира. Что возвещается пастухам?

То, что возвещается, облачается в монументальные слова, произносимые на всем протяжении человечества и ставшие рождественским речением. Если их правильно передать, они гласят приблизительно так:

"Небесные существа открываются с вышей, дабы мир господствовал внизу на земле среди людей, проникнутых доброй волей" (Лк. 2, 14).

(*Синодальный перевод: "Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!" (Лк. 2, 14)).

Слово "слава", которым передается обыкновенно это место, является совершенно неверным переводом.* Он должен звучать, как я сейчас сказал. Тут должно быть дано резко подчеркнутым, что видимое пастухами есть проявление духовных существ и что оно происходит именно в тот момент для того, чтобы воцарился мир в человеческих сердцах, проникнутых доброй волей.

В этих правильно понятых словах заключено многое из тайн христианства, как мы это увидим. Но необходимо многое, чтобы внести свет в эти слова, ставшие парадигмой. Нужно попытаться прежде всего рассмотреть сообщения, получаемые из Акаша-хроники путем ясновидения. Надо сперва посмотреть открытым духовным оком на то время, в которое вступает для человечества Христос Иисус, и затем спросить себя: "Как представляется то, что тогда духовно вступило в земное развитие, если мы его проследим во всем его историческом становлении, если мы спросим: откуда оно пришло?".

Тогда в человечество влилось нечто, что представляет собой как бы слияние духовных потоков из различнейших направлений. В многочисленных странах земли выступали в течение времен самые разнообразные мировоззрения. Все это слилось тогда в Палестине и нашло тем или иным образом свое выражение в этих палестинских событиях, так что мы можем спросить: "Куда направляются потоки, которые мы видим точно слившимися в средоточии палестинских событий?".

Мы сказали, что через Евангелие от Луки дано имагинативное познание, приобретаемое в образах. В только что приведенных словах перед нами предстает образ того, как пастухам с высей дается откровение небесных существ: образ одного духовного существа - Ангела, а затем ангельского воинства. Как видит ясновидящий и в то же время посвященный в тайны бытия человек этот образ, который он во всякое время может воссоздать, оглядываясь на Акаша-хронику? Что предстало тогда перед пастухами? Что содержит в себе это ангельское воинство и откуда оно появилось?

В этом образе показано одно из великих духовных течений, прошедших через развитие человечества, поднимавшееся все выше и выше, так что во времена палестинских событий оно могло только с духовных высот светить на землю. Через прочтение в Акаша-хронике "откровения ангельского воинства" мы будем приведены назад к одному из величайших духовных течений в развитии человечества, которое под конец, перед появлением на земле Христа Иисуса, было уже несколько веков распространено как "буддизм". Тот, кто, исходя из откровения, данного пастухам, будет через

Акаша-хронику исследовать предшествующие времена человечества, тот будет приведен (как бы странно это ни звучало) к тому, что было "просветлением" великого Будды. То, что воссияло людям в Индии, что там некогда всколыхнуло души и сердца в качестве великого мировоззрения религии, сострадания и любви, и что еще и ныне служит духовной пищей большей части человечества - это проявилось вновь в откровении, данном пастухам. Ибо и это должно было влиться в Палестинское откровение. Мы сможем понять то, что нам говорится в начале Евангелия от Луки, лишь тогда, когда мы - опять-таки с позиций духовнонаучного исследования - оглянемся на то, чем был Будда для человечества и чего достигло откровение Будды в ходе развития человечества. Мы должны уяснить себе следующее.

Когда за пять-шесть веков до нашей эры на далеком Востоке родился Будда, в нем проявилась индивидуальность, которая очень, очень часто перевоплощалась и благодаря этому поднялась до высокой степени человеческого развития. Будда смог стать тем, кем он был, только потому, что он в своих прежних инкарнациях, в высшем смысле слова, достиг уже очень, очень высокой степени развития. Ту ступень развития какого-либо существа во вселенной, которой достиг Будда, обозначают восточным выражением как ступень "Бодхисатва (Bodhisattva)". Сущность Бодхисатв уже была освещена в разных циклах докладов. В цикле "Духовные иерархии и их отражения в физическом мире", Дюссельдорф, апрель 1909 г., показал, в каком отношении находятся Бодхисатвы ко всему космическому развитию; в Мюнхене в цикле "Восток в свете Запада", август 1909 г., я смог на это указать с другой точки зрения. Сегодня опять потребуется обсудить сущность Бодхисатв еще с другой точки зрения. Постепенно будет найдено созвучие этих отдельных истин.* (*См. GA, том 110 и том 113 соответственно.)

Тот, кто стал Буддой, должен был сперва быть Бодхисатвой. Это есть предыдущая ступень индивидуального развития к Будде. Теперь нам надо провести перед глазами существо Бодхисатв с точки зрения развития человечества. Последнее можно понять, только когда основательно обдумывают развитие человечества с точки зрения духовной науки.

То, на что способны люди в какое-либо время, что в них развито из способностей, - было не всегда. Близоруко то рассмотрение, которое не может заглянуть дальше собственной эпохи и верит тому, что уже в древности существовали те способности, которыми люди обладают теперь. Человеческие способности, то что люди осознают, знают, могут делать, - это все меняется от одной эпохи к другой. Теперь человеческие способности развиты настолько, что человек разумом может познать то или иное, он может познать умом, что нравственно и что безнравственно, что логично или нелогично. Но было бы ошибкой полагать, что эти способности были присущи человеческой природе всегда. Они появились, постепенно

развиваясь. То, что человек может сегодня через собственные способности, должно было ему быть сказано существами (как ребенку родителями), которые, хотя и были воплощены среди людей, но благодаря своим духовным способностям были более высоко развиты и в мистериях общались с божественно-духовными сущностями, стоявшими над ними. Такие индивидуальности существовали всегда. Прежде, чем люди приобрели, например, дар логического мышления, они должны были слушаться известных Учителей, которые тоже могли мыслить логически не путем известных способностей, развивающихся в физическом теле, а благодаря тому, что они в мистериях общались с божественными духовными Существами, находившимися в более высоких областях. Существовали Учителя, учившие логике, нравственности, исходя из откровений, получаемых ими из более высоких миров. Прежде, чем люди сами, путем своей земной природы, стали в состоянии мыслить логически или находить нравственное. Известная категория таких существ, которые, хотя и воплощены в физическое тело, но общаются с божественно-духовными существами для того, чтобы принести и сообщить людям взятое от них, и есть Бодхисатвы. Это воплощенные в Человеческом теле существа, которые благодаря своим способностям поднимаются до общения с божественно-духовными существами.

И прежде чем Будда стал "Буддой", он был именно Бодхисатвой, т. е. индивидуальностью, которая в мистериях имеет возможность общения с высшими, божественно-духовными существами. Сущность, являющаяся Бодхисатвой, в отдаленной древности земного развития получала определенную миссию в более высоких мирах и затем она выполняла эту миссию.

Если это применить к Будде, то он в качестве Бодхисатвы имел определенное задание. Когда Земля находилась в более ранних стадиях развития, еще до атлантического и лемурийского времени, тогда та сущность, которая в VI в. до н. э. была воплощена как Будда, получила определенную миссию. И Будда ее выполнял. На протяжении всех времен он должен был действовать из эпохи в эпоху и каждый раз сообщать земному развитию человечества столько, сколько оно могло воспринять в данное время. Поэтому для каждого Бодхисатвы существует время, когда он со своей прадревней миссией достигает определенной точки, где то, чему он мог дать влиться в человечество "сверху", становится собственной человеческой способностью. То, что является сегодня человеческой способностью, было раньше способностью божественно-духовных сущностей, и Бодхисатвы приносили ее из духовных высот на землю. Такой духовный миссионер подходит к точке, где может себе сказать: "Я выполнил свою миссию, человечеству дано то, к чему оно подготавливалось в продолжение долгих времен". И тогда Бодхисатва может стать Буддой. Это значит, что для него наступает такое время, когда он в качестве сущности с

той миссией, которую мы только что охарактеризовали, не нуждается больше в воплощении в физическом человеческом теле, когда он в последний раз еще воплощается в таком теле и когда ему затем уже больше не надо воплощаться в качестве такого миссионера. Подобное время наступило для Будды. То, что ему раньше приходилось творить, приводило его все снова и снова вниз, на землю. Но в то время, когда для него наступило просветление Будды, для него как Бодхисатвы наступило последнее воплощение. Он, наконец, вошел в такое человеческое тело, которое развило в высшей степени те способности, которым прежде приходилось учить сверху и которые потом постепенно должны были стать собственными человеческими способностями.

Если такой Бодхисатва путем своего прежнего развития достиг того, что создал такое совершенное человеческое тело, которое может развить способности, стоящие в связи с миссией Бодхисатвы, то тогда ему не надо больше воплощаться. Тогда он парит в духовных областях, направляя людей и помогая им, и уже оттуда действует на человечество. И тогда людям ставится задача развить дальше то, что раньше к ним притекало с небесных высот, и сказать себе: "Мы должны теперь так развиваться, чтобы выработать те способности, полное достижение которых мы в первый раз видим в той инкарнации, которая была достигнута способностями Бодхисатвы, и которые выступили в Будде". И когда существо в чередѣ эпох действовавшее как Бодхисатва являет себя человеком, совершенно индивидуальным человеком, воспринявшим в свою человеческую природу все, что ранее притекало с небесных высот, дабы в единичном человеке явлены были возможности Бодхисатвы, - это значит быть Буддой. Это и явил в себе Будда. Если бы Бодхисатва раньше отошел от своей миссии, то люди лишились бы части в притекающих к ним с высот определенных способностей. Но после того, как развитие продвинулось так далеко вперед, что эти способности смогли существовать на земле в конкретной человеческой индивидуальности, была создана почва для зародыша того, что люди смогут в будущем сами развивать в себе эти способности. Таким образом, индивидуальность, развившаяся ранее как Бодхисатва, и которая, будучи Бодхисатвой, не вполне входила в человека, но восходила до небесных высот, один раз совершенно входит в человека, так что совершенно поглощается этим воплощением. Но затем она снова уходит. Ибо теперь - с этой инкарнацией Будды - человечеству дана известная сумма откровений, которые теперь должны развиваться сами внутри человечества. Поэтому существо Бодхисатвы, ставшего Буддой, должно уйти с земли в известные духовные высоты, пребывать там и направлять дела человечества оттуда, где ее может узреть только определенная ясновидческая способность.

Какое же задание имела та чудесная, та могучая, великая индивидуальность, которую обычно называют Буддой? Если мы хотим по-настоящему узнать задачу, миссию Будды в смысле подлинной эзотерики,

мы должны сказать себе следующее. Вся познавательная способность человечества развивалась постепенно, но в атлантическое время значительная часть человечества могла ясновидчески видеть в духовных мирах; известные остатки древнего ясновидения существовали и в поелеатлантическом времени. В древнеиндийское время, в праперсидское время, египетско-халдейское, вплоть до греко-латинского времени мы нашли бы очень много людей, гораздо больше, нежели мнится современным людям, обладающих наследственным даром древнего ясновидения, которым был открыт астральный план, которые могли видеть в сокровенных глубинах бытия. Еще в греко-латинское время видеть эфирное тело человека было для большей части людей чем-то совершенно обычным, а именно: видеть головную часть человека, окруженную эфирным облаком, которое, правда, постепенно скрылось внутри головной части.

Но человечество должно было возвыситься до такого познания, которое постепенно стало совершенно чувственным и приобретается внешними чувствами и теми духовными способностями, которые направлены на внешние чувства. Человек должен был постепенно совершенно выйти из духовного мира и вступить лишь в чувственное рассмотрение, в рассудочное, логическое мышление. Он должен был постепенно достичь этого неясновидческого познания, пройти через него для того, чтобы в будущем снова достичь ясновидческого познания, но уже соединенного с тем, что человек приобрел себе в смысле чувственного и рассудочного познания.

Сейчас мы живем в такое время, что оглядываемся на прошлое, в котором люди обладали ясновидением, и заглядываем в будущее, когда люди снова будут обладать им. Но в нашем промежуточном периоде большинство людей обречено на то, чтобы воспринимать чувствами и понимать разумом и рассудком. Конечно, существует известная высота чувственного воззрения и рассудочного познания. Однако всегда существуют та или иная степень познания. Один так проходит в данной инкарнации свою земную жизнь, что мало вникает в то, что является нравственностью, так, что мало развивает в себе сострадание к ближним; такой человек стоит на низкой нравственной ступени. Другой мало развивает свои интеллектуальные силы - это человек низкой интеллектуальной ступени. Но эти интеллектуальные познавательные силы могут подняться до высокой ступени. От человека малонравственного или малоинтеллектуального до такого, которого мы в смысле Фихте называем нравственным гением и который развивается до высочайшей нравственной фантазии, есть всевозможные промежуточные ступени; и мы можем развиваться до высоты человеческого совершенствования современности, не имея ясновидческих сил, а лишь путем облагораживания сил, которыми располагает обыкновенный человек. В ходе земного развития человечество сперва должно было достичь этих ступеней. То, что сегодня познается человеком до известной степени через собственный ум, чего он достигает путем собственной нравственной силы, этого не мог бы достичь

человек древности тем же путем и понять то, что нужно иметь сострадание к горю и страданиям другого человека. Сегодня можно сказать, что здоровое нравственное чувство приходит к этому взгляду и без ясновидения, и люди смогут все больше возвышаться до понимания того, что высшая добродетель есть сострадание и что без любви человечество не смогло бы продвинуться вперед. Человеческое нравственное чувство сегодня может это познать, и это познание будет все больше расширяться. Но оглянемся на те времена, когда нравственное чувство было таково, что не могло само этого понять.

Были времена, когда люди сами никогда не могли бы понять, что сострадание и любовь могут иметь отношение к высочайшему развитию человеческой души. Поэтому в людей должны были воплощаться такие духовные сущности, как, например, Бодхисатвы, получавшие откровения из более высоких миров о действенной силе сострадания и любви, и которые могли сказать людям, как им поступать в любви и сострадании, потому что люди тогда не настолько созрели, чтобы понимать это собственными силами. То, что сегодня люди, исходя из личной силы, признают за высокую добродетель, сострадание и любовь, то, до чего возвышается нравственное чувство, - этому на протяжении целых эпох приходилось учить с небесных высот. И Учителем любви и сострадания в те времена, когда люди сами еще не постигали природы сострадания и любви, был этот Бодхисатва, который затем в последний раз воплотился в Гаутаме Будде.

Он раньше был тем Бодхисатвой, который был Учителем любви и сострадания, и всего того, что находится в связи с этим.

Он был им на протяжении тех эпох, когда люди по природе своей были еще ясновидящими. Он воплощался как Бодхисатва в таких ясновидческих человеческих телах. И когда он затем воплотился как Будда и ясновидчески увидел свои более ранние воплощения, тогда он мог сказать, как чувствовала себя душа, когда заглядывала в глубины бытия, скрытые призрачностью чувственного. Этой способностью он обладал в прежних воплощениях, и с этой способностью он родился в роду Шакья; из этого рода происходил отец Гаутамы Суддходана. При своем рождении Гаутама Будда был еще Бодхисатвой. Это значит, что он явился в виде сущности, до которой он развился в прежних инкарнациях. Тот, которого обычно называют Буддой, родился от своего отца Суддходаны и матери Махадеви как Бодхисатва и поэтому ребенком обладал высокой степенью ясновидения и мог заглядывать в глубины бытия.

Это "заглядывание" в ходе развития человечества приняло постепенно совершенно особые формы. То, что оставалось, например, в виде унаследованного остатка древнего смутного ясновидения, не было его лучшей частью, потому что миссией земного развития человечества было постепенно отступать от этого дара. Лучшие части ясновидения были

утрачены первыми. То, что осталось, было во многом низшее видение в астральном мире, именно видение тех демонических сил, которые притягивают человека в его желаниях и страстях в низшую сферу. Путем посвящения мы можем взирать в духовный мир и можем видеть те силы и сущности, которые связаны с лучшими чувствами и ощущениями человечества; но мы видим также и те духовные силы, которые стоят за разнузданной страстью, за дикой чувственностью, за разъедающим эгоизмом. То, что в широких кругах сохранилось у людей (не для посвященных, но для большего числа людей), это именно и было видение этих демонических сил, стоящих за влекущими вниз страстями. Тот, кто вообще видит в духовном мире, может, конечно, все видеть сам. Это зависит от развития человеческих способностей; человек не может достичь одного без другого.

Будда в качестве Бодхисатвы должен был воплотиться в человеческом теле, которое было организовано так, как были организованы в то время человеческие тела вообще. Он воплотился в теле, давшем ему способность глубоко взирать в астральные подосновы бытия. Уже ребенком он обладал способностью видеть все те астральные силы, которые лежат в основе диких, разнузданных страстей снедающей алчной чувственности. Его охраняли от знакомства с внешним миром с его физической пагубой, с его муками и страданиями. Заключенный во дворце отца, оберегаемый от всего, его баловали и нежили, исходя из того предрассудка, что этого требовал его сан царского сына. Но благодаря этой отрешенности его внутренняя сила видения тем более проявила себя. В то время как его заботливо охраняли и удаляли от него все, что напоминает о болезни и страданиях, его духовное око в этой отрешенности было открыто для астральных образов. Вокруг него носились тогда астральные образы всего того, что может увлечь человека посредством диких страстей.

Из экзотерических сообщений биографии многого нельзя понять, если нет проникновения в эзотерические глубины. И меньше всего из таких сообщений можно понять жизнь Будды. Кажется странным, когда ориенталисты и другие исследователи жизни Будды находят описание того, что Будду во дворце окружали "10000 танцовщиц и 84000 жен". Даже книги, которые можно купить за несколько копеек, уже отмечают это теперь, хотя незаметно, что их особенно удивляет такой гарем. Что же это означает? Этим указывается на то, что Будда переживал астральное видение в той мере, которую только может выдержать человеческое сердце. Этим указывается на то, как он с детства, хотя и не переживал имевшегося вовне, в физическом человеческом мире, горя и боли, так как вначале его от этого оберегали, видел все это в образе духовных действий в духовном мире; видел, потому что был рожден в теле, какое могло рождаться в те времена. Но он с самого начала был неуязвим, укреплен и возвышен над всем тем, что окружало его под видом ужаснейших призраков, потому что в своих прежних инкарнациях он поднялся до высоты Бодхисатвы. Так как Будда в качестве

индивидуальности Бодхисатвы жил в этой человеческой инкарнации, его влекло в мир, чтобы увидеть то, на что ему указывал каждый отдельный образ астрального мира, окружавшего его во дворце, побуждая его выйти и увидеть свет, покинуть, можно сказать, свою тюрьму. Это было движущей силой в его душе, потому что в нем как в Бодхисатве жила высокая сила духа, которая находится в связи с миссией, данной ему: учить человечество всей силе сострадания и любви и всему, что с этим связано. Для этого он должен был сам узнать в мире это человечество, увидеть его в том мире, в котором оно может пережить учение о сострадании и любви, исходя из моральных побуждений. Он должен был узнать человечество в физическом мире, должен был подняться от Бодхисатвы к Будде как человек среди людей. Сделать это он смог, только отказавшись от способностей, оставшихся в нем от прежних инкарнаций при нисхождении на физический план, и там так жить с людьми, чтобы среди этого человечества стать примером, идеалом, прообразом развития именно этих охарактеризованных свойств.

Для того, чтобы в этом смысле стать из Бодхисатвы Буддой, необходимы отдельные промежуточные ступени развития. Это происходит не за один день. Его влекло прочь из дворца. Легенда говорит, что когда он однажды вырвался из своего дворца-тюрьмы, он встретил старика. До тех пор он был окружен образами юности, он должен был думать, что существует лишь цветущая сила юности. В старике он узнал существование того, что на физическом плане отображается как возраст. Потом он встречает больного, затем труп, т. е. смерть на физическом плане. Все это выступает перед его душой теперь, когда он действительно мог охватить взором физический план. Для того, кем, собственно, является Будда, очень показательное следующее место в легенде (которая и здесь опять правдивее всякой науки): он выехал из дворца на лошади, которая так была опечалена тем, что он хочет покинуть все то, для чего родился, что с горя умирает, а затем в качестве духовной сущности остается в духовном мире. В этом образе выражена глубокая истина. Я не могу сегодня подробно объяснить, почему в качестве образа человеческой духовности здесь приведена именно лошадь; напомним лишь о Платоне, говорящем о лошади, которую он держит под узды, когда он хочет употребить образ для известных человеческих способностей, данных свыше, еще не развитых из внутренней сущности человека. Когда Будда выходит из дворца, то он оставляет те способности, которые не развились из внутренней сущности человека, оставляет их в духовных мирах, откуда они всегда его вели. На это и делается намек в легенде о лошади.

Но лишь постепенно может Будда стать тем, кем должен стать в течение своей последней земной инкарнации. Ведь он должен теперь на физическом плане познать то, чему он как Бодхисатва научился путем духовного видения. Так он сперва знакомится с двумя учителями. Один из них -

представитель того древнеиндийского мировоззрения, которое называется философией Санкхья, другой - представитель философии Йоги. Будда погружается в то, что они могут ему дать, он живет в этом, потому что, будь то какая угодно высокая сущность, ей все же приходится узнать то внешнее, что человечество уже завоевало себе, хотя Будда и может научиться этому скорее других. Бодхисатва, живший приблизительно за пять-шесть веков до нашей эры, если бы родился в наше время, все же должен был бы, как дети учатся в школе, сперва познать то, что за это время произошло на земле, пока он обитал в небесных высотах. Так и Будда должен был познакомиться с тем, что произошло со времен его последней инкарнации.

И он познакомился сперва с философией Санкхья, потом - Йогой. Тогда эти мировоззрения для многих разрешали жизненные загадки, и он мог ощутить, как чувствует себя душа, дающая им воздействовать на себя.

В Санкхье он мог воспринять тонко-логическое мировоззрение; но чем больше он в него вживался, тем менее оно его удовлетворяло. В конце концов, она была как бы безжизненной оболочкой. Он чувствовал, что источник того, что ему предстояло делать в данной инкарнации, он должен искать не в традиционной философии Санкхья.

Тогда Будда углубился в философию Йоги Патанджали, искавшей соединения с божественным путем известных внутренних душевных процессов. Он воспринял ее, сделал частью своего существа, но она не удовлетворила его, потому что он понял, что она является чем-то унаследованным от древних времен, но люди должны были достичь других способностей, дойти в самих себе до нравственного развития. Он, испытав ее на собственной душе, увидел, что она не могла стать источником его миссии.

Тогда он попадает к пяти отшельникам, старавшимся путем строжайшего самовоспитания, умерщвления плоти и лишений проникнуть в тайны бытия. Будда пошел и этим путем, но и о нем понял, что в то время он не мог служить источником его миссии. Некоторое время Будда подвергал себя голоду и умерщвлению плоти и этим пробудил более глубокие силы, поднимающиеся именно тогда, когда тело ослаблено постом, и которые из глубин человеческой телесности могут быстро ввести в духовный мир. Но именно потому, что Будда достиг своей ступени развития, он убедился в безрезультатности этого голодания и умерщвления Плоты. Будучи Бодхисатвой, он, благодаря своему развитию в прежних инкарнациях, смог свое человеческое тело своего времени довести до высшей точки развития, до которой тогда смог подняться человек. И он смог пережить то, что должен пережить человек, идущий именно этим путем к духовным высотам.

Тот, кто поднимается до известной ступени философии Санкхья или Йоги, не развив того, что прежде было пройдено Буддой, кто хочет

проникнуть к чистым высотам божественного духа путем логического мышления, не достигнув сперва высоты нравственного чувства в смысле Будды, тот стоит перед искушением, через которое (в виде опыта) прошел и Будда и о котором рассказывается как об искушении демоном Мара. Тогда человек доходит до того, что его пронизывают все демоны высокомерия, тщеславия и честолюбия. Это познал Будда. Перед ним встал образ Мара - образ тщеславия и честолюбия. Но так как Будда был на высокой ступени Бодхисатвы, он узнал его и сумел защититься. Он сказал себе: "Если люди станут развиваться по древнему пути, не восприняв нового импульса в учении любви и сострадания, самостоятельного нравственного чувства, то они должны (ибо они не Бодхисатвы) подпасть демону Мара, сеющему в человеческой душе силы гордости и тщеславия". Вот что пережил в себе Будда, когда прошел вплоть до последних выводов философии Санкхья и Йоги.

Когда Будда был у монахов, он пережил и иной облик демона Мара, показывающий человеку все внешние физические богатства, "все царства мира и славу их", чтобы отвлечь человека от духовного мира. Так как этому искушению поддаются на пути самоистязания, то Будда пережил его, когда был в обители отшельников. Тогда предстал ему демон Мара, говоря: "Не покидай всего, чем ты обладал как царский сын, вернись во дворец". Обыкновенный человек не устоял бы, но Будда был так высоко развит, что мог видеть искусителя насквозь, мог пережить то, что произошло бы с человеком, стремящимся ввысь лишь путем поста и самоистязания. Сам он был огражден от этого и поэтому мог показать теперь людям ту великую опасность, которая наступила бы, если бы они пытались проникнуть в духовный мир без самостоятельного нравственного чувства, лишь путем поста и прочих внешних средств.

Итак, будучи Бодхисатвой, Будда достиг двух предельных точек человеческого развития, которых должны избегать обыкновенные люди. Переводя это на обычный человеческий язык, можно сказать: высшее знание величественно и прекрасно, но приближаться к нему нужно с чистым сердцем, с благородными чувствами, с просветленным духом, иначе тобой овладеет дьявол гордыни, тщеславия и честолюбия. Не надо искать на внешних путях - самоистязанием или постом - духовного мира, не очистив предварительно соответствующим образом свое нравственное чувство, иначе искуситель подступит с другой стороны. Вот две истины, освещающие путь человечеству от Будды вплоть до наших дней. Так передает нам Будда то, что он, еще будучи Бодхисатвой, должен был даровать людям. Ибо принести человечеству нравственное чувство, когда люди еще не были способны его развивать из собственного сердца, - это и было миссией Будды. Поэтому, когда Будда познал опасность аскетизма для человечества, он покинул отшельников, чтобы путем внутреннего погружения в те человеческие способности, что могут развиваться без изжитого наследия древнего

ясновидения, найти то высшее, что когда-нибудь сможет найти себе человечество благодаря именно этим способностям.

Под деревом Боддхи на 29-м году жизни Будда, покинувший путь аскезы, познал в семидневном созерцании те великие истины, которые познает человек, когда в тихом внутреннем погружении пытается найти то, что могут ему дать теперешние человеческие способности. Он познал те великие учения, которым потом учил в так называемых "четырёх истинах", и то великое учение о любви и сострадании, которому он учил в "восьмичленном пути". К этим учениям мы еще вернемся. Сегодня удивляемся тем, что эти учения являются описанием нравственного смысла, чистейшего учения о сострадании и любви. Они возникли тогда, когда в Индии под деревом Боддхи Бодхисатва превратился в Будду. Тогда учение о сострадании и любви впервые возникло как собственная способность человека, и с того времени люди в состоянии из самих себя развивать это учение. Вот в чем самое главное. Поэтому незадолго до смерти Будда говорит ближайшим ученикам: "Не печальтесь, что Учитель покидает вас. Я оставляю вам закон мудрости и заповеди поведения; они должны заменить вам в будущем Учителя". Иными словами: "До сих пор вас учил Бодхисатва учению любви и сострадания, теперь человечество в собственном сердце имеет то, чему его прежде учил Бодхисатва, и из собственного сердца оно сможет развить религию сострадания и любви. Теперь, исполнив свою миссию, достигнув своего последнего воплощения на земле, я могу вернуться в духовный мир".

Мы должны были оглянуться на то, что произошло за шесть веков до нашей эры, ибо, если бы мы не проследили, руководствуясь Акаша-хроникой, развития событий от Палестины до Бенаресской проповеди, мы не поняли бы пути христианства, особенно того, который так блестяще изображен автором Евангелия от Луки. С тех пор, как Бодхисатва стал Буддой, он перестал нуждаться в новом возвращении на Землю, он стал духовной сущностью, парящей в духовных мирах и оттуда воздействующей на земные события. Это было явлено, когда в древней Индии Бодхисатва после семидневного внутреннего созерцания сделался Буддой. И это было тем, чему он в разных формах учил окружавших его питомцев. Формы, в которые это выливалось, будут нас еще занимать.

Мы должны обратиться сегодня к тому, что выступило за шесть столетий до нашего летосчисления, ибо если не проследить вспять, опираясь на Акаша-хронику, развитие от палестинских событий до Бенаресской проповеди, пути христианства будут непонятны - прежде всего путь, столь возвышенным образом описанный автором Евангелия от Луки. С тех пор как Бодхисатва стал Буддой, ему больше нет нужды возвращаться на землю; с тех пор он - духовное существо, парящее в духовных мирах и оттуда проникающее вовсе происходящее на земле. И когда подготавливалось

наиважнейшее событие на земле и пастухи были на поле, им явилась с духовных высей некая индивидуальность и возвестила им то, что описано именно в Евангелии от Луки: И приступило к Ангелу многочисленное небесное воинство. Кто это был?

Тот, кто в этом образе предстал перед пастухами, был просветленный Будда, Бодхисатва древних времен, в своем духовном облике, т. е. та самая сущность, которая в течение многих тысячелетий несла людям весть любви и сострадания. И теперь, покончив с земными воплощениями, она парила в духовных сферах и явилась пастухам в небесной выси рядом с Ангелом, возвестившем о палестинском событии.

Этому учит нас духовное исследование. Оно показывает нам парящего над пастухами просветленного Бодхисатву древних времен. Исследование Акаша-хроники подтверждает то, что описывается в Евангелии от Луки: в Палестине, во "граде Давидовом", от родителей - специально упоминаю об этом - происходивших, по меньшей мере по отцу, из священнической линии дома Давидова, родился ребенок, который был предназначен к тому, чтобы со своего рождения быть осиянным и пронизанным тем, что излучалось от Будды, когда тот взошел на духовные выси. Обращая вместе с пастухами взор на ясли, в которых был рожден Иисус из Назарета, мы видим над Младенцем сияние изначальной Славы - образ проявления силы Будды. Эта сила, с духовной высоты действовавшая на человечество, озаряла Вифлеемского Младенца, совершая деяние огромной важности и давая ему соответственным образом вступить в развитие человечества.

В то время, когда эта индивидуальность, что осияла из духовных высей Младенца Давидовой родительской пары, родилась в древней Индии, т. е. когда Будда родился в древней Индии еще Бодхисатвой, некий мудрец узрел всю мощь того, что я только что описал. И то, что этот мудрец Асита узрел в духовных мирах, заставило его войти во дворец и отыскать младенца Бодхисатву. И он предсказал этому младенцу его великую миссию Будды. К отчаянию царя-отца, Асита предсказал, что младенец царствовать не будет, а станет Буддой. Потом мудрец заплакал и на вопрос, предстоит ли младенцу какое-нибудь горе, ответил: "Нет. Я плачу от того, что я так стар и не доживу до того дня, когда этот спаситель - Бодхисатва - будет ступать по земле как Будда". Асита не дожил тогда до превращения Бодхисатвы в Будду, и с его тогдашней точки зрения его слезы были вполне законны. Этот самый Асита, который тогда видел Бодхисатву только младенцем во дворце Суддходана, родился вновь в той личности, которая изображена нам в Евангелии от Луки в сцене "Принесения младенца во храм" как Симеон (Лк. 2, 25 - 35). Евангелие говорит, что Симеон был "вдохновлен Святым Духом", когда ему принесли Младенца. Асита плакал, что он в своем тогдашнем воплощении не доживет до становления Бодхисатвы Буддой. Теперь ему суждено было пережить дальнейшую ступень развития этой индивидуальности. Будучи

вдохновлен Святым Духом, он, при принесении Младенца во храм, мог видеть сияние Славы просветленного Бодхисатвы над Младенцем Иисусом из рода Давидова. И он сказал себе: "Теперь тебе нечего больше плакать: то, чего ты не видел тогда, ты видишь теперь, ты видишь подателя спасения просветленным над этим Младенцем. Господи, ныне отпускаешь раба твоего с миром!".

ТРЕТИЙ ДОКЛАД. Базель, 17 сентября 1909 г.

Кто отдается воздействию Евангелия от Луки, тот поначалу сможет только почувствовать, только ощутить заключенное в нем. Но затем в нем возникнет предчувствие, что из этого Евангелия от Луки к нему устремляются поистине могучие, великие духовные миры. И после услышанного вчера ему станет ясно, что так оно и есть. Ибо мы видели, что духовное исследование показывает, как буддийское мировоззрение со всем тем, что было дано миру, влилось в Евангелие от Луки. Вполне можно сказать: из Евангелия от Луки струится буддизм, но в совершенно своеобразной форме, - форме, как было уже указано, понятной самой простой, наивной душе.

Как вы уже можете заключить из вчерашних разъяснений и как нам это особенно ясно станет сегодня, буддизм как таковой, каким он в качестве учения великого Будды вступил в мир, является мировоззрением, понять которое может лишь тот, кто восходит до известных высоких идей, до чистых эфирных высот духа. Чтобы понять сущность буддизма, необходима большая подготовка. Но в Евангелии от Луки собственная духовная субстанция такого рода, что может действовать на каждую душу, которая вообще научилась воспринимать в сердце самые элементарные человеческие представления и понятия. Почему это так, станет нам ясно, когда мы проникнем в тайны Евангелия от Луки. Но духовные завоевания буддизма, струящиеся в человечество из Евангелия от Луки, приняли в последнем некую высшую форму по сравнению с тем буддизмом, который был дарован человечеству в далекой Индии за шесть веков до нашей эры, словно этот буддизм, изливающийся из Евангелия от Луки, поднялся на еще более высокую ступень. Сущность этого возвышения буддизма выяснится нам из следующих двух примеров.

Мы назвали буддизм чистейшим учением сострадания и любви. И действительно: из той точки мира, где действовал Будда, струится Евангелие любви и сострадания ко всем Существам на земле. Когда истинный буддист переживает Своим горячим сердцем страдания всего живущего, встречаемые во внешнем мире, то в нем выражается Евангелие любви И сострадания. Здесь мы прежде всего соприкасаемся с буддийской любовью и

состраданием в полном смысле этих слов. Но из Евангелия от Луки к нам струится нечто большее, чем всеобъемлющее сострадание и любовь. И это нечто есть превращение сострадания и любви в необходимый душе поступок. Буддист стремится к состраданию в высочайшем смысле Слова; живущий же в духе Евангелия от Луки развивает активную, деятельную любовь. Буддист переживает страдание больного; в Евангелии от Луки человек находит призыв к активной помощи, к исцелению того, что он может исцелить. В буддизме мы находим ключ к пониманию всего, что Оживляет человеческую душу; в Евангелии от Луки звучит Призыв не судить, помогать ближнему, не считаясь с тем, что сделано тебе самому; давать больше, чем приобретать. Несмотря на то что в Евангелии от Луки мы имеем чистейший, подлинный Буддизм, эта любовь, превращенная в поступок, должна показаться нам еще более высокой, чем исполненный чистоты буддизм.

И описать эту сторону христианства, - буддизм, еще Выше вознесенный через христианство, - к этому подвигло автора Евангелия от Луки его сердце. Он мог прежде всего Понять Христа Иисуса как целителя тела и души. И именно В этом отношении ему, самому занимавшемуся врачеванием, удалось найти глубоко созвучную сердцу ноту. Это будет все больше выступать перед нами по мере погружения в глубины Евангелия от Луки.

Но в Евангелии от Луки мы находим еще нечто: это то, как оно действует даже на самую простую детскую душу. Высокое буддийское учение, которое в состоянии понять лишь вполне зрелый ум и вполне зрелые душевные способности, предстает перед нами в Евангелии от Луки как бы заново омоложенным, возрожденным из жизненного источника. Буддизм кажется нам как бы зрелым плодом на древе человеческого развития; когда же мы взираем на него в Евангелии от Луки, - первоцветом, омоложением старого. Каким же образом получилось это омоложение буддизма? Для того, чтобы понять это, взглянем на учение самого великого Будды и сначала проведем с нашей антропософской подголкой перед нашими духовными очами то, что двигало душой Будды.

Мы должны помнить, что Будда сделался таковым, пройдя ступень Бодхисатвы, т. е. высокой сущности, которая могла взирать на тайны бытия. Он был участником всех событий, имевших место в развитии человечества, начиная с древнейших времен. В послеатлантическую эпоху, когда человечество основывало первую послеатлантическую культуру, Будда в качестве Бодхисатвы уже принимал в этом участие и посылал людям из духовных миров то, что было указано в прошлом докладе. То же самое он делал в атлантическую эпоху и даже в лемурийскую. И так как он достиг столь высокой ступени развития, он мог, будучи Бодхисатвой, на 29-м году своей последней земной жизни, перед тем, как стать Буддой, вспоминать свои прежние воплощения, все содружества, пережитые им до того момента, когда он воплотился в последний раз в Индии. Оглядываясь назад, он видел

всю свою работу по содействию человеческому развитию, свое бытие в божественных духовных мирах, дабы из этих последних приносить людям то, что должен был принести. Но даже такая высокая индивидуальность должна еще раз, хотя и вкратце, проделать все то, что она уже однажды познала. Будда следующим образом изображает, как он, будучи Бодхисатвой, постепенно поднимался, как его духовное созерцание и просветление делались все совершенней.

Нам говорится, как он это описывал своим приверженцам. Он говорил им, дабы описать путь, пройденный его душой, что бы постепенно заново вспомнить пережитое в прадревные времена: "Монахи, было некогда время, когда я увидел в духовном мире всеобъемлющее сияние, но я не мог в нем еще ничего различать - ни формы, ни образа: мое просветление еще не было достаточно чисто. Затем я начал различать не только свет, но внутри этого света я стал видеть отдельные образы и формы, но я не мог еще понять значения этих образов: мое просветление еще не было достаточно чисто. Затем стал познавать я, что в этих образах и формах выражаются духовные существа, но я не мог еще различать, К каким сферам духовного мира принадлежат эти существа: мое просветление еще не было достаточно чисто. После этого Я научился распознавать, к какому из царств духовного мира принадлежат отдельные духовные существа, но я не мог еще Понять, путем каких деяний эти духовные существа приобрели занимаемое ими в царствах место, а также каков был Строй их душ, ибо мое просветление еще не было достаточно Чисто. Но пришло время, когда я стал различать, какие деяния духовных существ привели их в эти царства и каков был строй их душ, но я не мог еще узнать, с каким из этих духовных существ жил я в прежнее время и какова была наша совместная работа, ибо мое просветление еще не было достаточно чисто. Но пришло время, и я познал, с какими именно духовными существами жил я ранее в ту или иную Эпоху и какова была наша работа - я познал свои прежние Жизни; наконец мое просветление стало чистым". - Этими словами Будда указал, как он постепенно развил в себе познавательную способность, которая, хотя и была у него ранее, но которая должна была быть приобретена вновь В каждое воплощение, соответственно условиям эпохи этого Воплощения. Применительно к условиям воплощения Будды эти способности должны были быть выработаны вновь в связи с его полным погружением в физическое человеческое тело. Проникаясь этим, мы получаем представление о значении и величии той удивительной индивидуальности, которая воплотилась в царском роде Шакья. Будда знал, что мир, который он познавал таким образом, в который он мог взирать, будет в ближайшем будущем снова покинут человеком С его обычными средствами восприятия. Лишь посвященные, К которым принадлежал Будда, могли прозревать в эти духовные миры, для обычного же человека эта возможность была уже потеряна. Наследственные способности ясновидения становились все ничтожнее. Будда должен был передать человечеству не только то, о чем мог рассказать посвященный, но, прежде всего, на него была

возложена миссия сообщить человечеству о тех силах, которые должны были проистечь из собственной души человека; он сам не мог поэтому указать на плоды своего просветления, он говорил себе: "Я должен говорить о том, к чему может прийти человек путем высокого развития своей собственной сущности, развития того, что заключено в переживаемой им эпохе". В ходе земного развития люди будут все более собственной душой и сердцем познавать учение Будды; как то, что им подсказывает их собственный разум и душа. Но пройдет еще много времени, прежде чем человек станет настолько зрелым, чтобы из собственной души извлечь то, что первоначально было выражено в Будде как чисто человеческое познание.

Ибо воспринять нечто в тайниках человеческой души, - это одно, а развить из этого определенные способности - это другое.

Возьмем другой пример: в наше время даже молодежь следует правилам логического мышления; оно составляет в наше время обычную человеческую способность, которую человек развивает из своей внутренней сущности. Но было время, когда эта способность проявилась в человеке впервые, и этим он обязан великому духу греческого мыслителя Аристотеля. Выявить впервые нечто из недр человеческой души - это одно, а выявить это после долгой эволюции во всем человечестве - это другое.

То, что Будда должен был даровать человечеству, принадлежит к величайшим учениям на долгие времена. Лишь великий дух Бодхисатвы мог впервые создать в своей душе то, что на протяжении времени должно стать общим благом человечества, т. е. высокое учение любви и милосердия. То, что должен был сказать человечеству Будда, должно было быть облечено в слова, которые для тогдашнего человечества были обычны, в особенности для его соотечественников. В Индии во времена Будды изучались философские системы Санкхья и Йоги. Они дали ему выражения и понятия, бывшие тогда обычными. Этими общепринятыми выражениями должен был пользоваться тот, кто хотел даровать человечеству нечто совершенно новое. Эти представления и понятия Приобретали у Будды совсем иной, обновленный, образ, но Все же он должен был пользоваться ими. Всякое развитие должно протекать так, чтобы будущее основывалось на прошлом. И Будда заключил свою высокую мудрость в общепринятых выражениях распространенного тогда индийского учения.

Составим себе теперь представление о том, что пережил Будда в семидневном просветлении под деревом Боддхи и что влилось в его учение, сделавшееся глубочайшим учением человечества. Попробуем, хотя бы только в мыслительном Приближении, поставить перед нашей душой, что как мыслительное выражение глубочайших душевных переживаний проходило через дух Будды во время просветления под деревом Боддхи. Он мог сказать себе примерно следующее: было древнее время в человеческом

развитии, когда много людей обладало смутным, сумеречным ясновидением; и были времена еще более древние, когда все люди были ясновидящими. Быть ясновидящим - значит пользоваться органами своего эфирного тела. Когда вы пользуетесь лишь органами астрального тела, то, хотя вы и можете внутренне чувствовать, внутренне переживать глубочайшие тайны, но видеть их вы не можете. Лишь тогда, когда то, что переживается астральным телом, накладывает свой "отпечаток" на эфирное тело, начинается ясновидение. Древнее смутное ясновидение человечества было возможно потому, что тогдашнее человечество умело пользоваться органами эфирного тела, еще не совсем слившегося с физическим телом. Что же потеряло человечество в ходе времен? Способность пользоваться органами эфирного тела. Оно должно было довольствоваться лишь внешними органами физического тела, и то, что получалось через посредство последнего, переживать в астральном теле как мысли, ощущения, чувства и представления. Все это служит выражением того, что пережила тогда великая душа Будды. Он сказал себе: "Итак, люди потеряли способность пользоваться органами эфирного тела. Они переживают в астральном теле то, что они узнают во внешнем мире посредством органов физического тела.

Когда глаз воспринимает красный цвет, ухо слышит какой-либо звук, орган вкуса воспринимает вкус, тогда эти ощущения подступают к человеку и становятся его представлениями, переживаются внутри астрального тела. И если бы они переживались только так, то в нормальном положении не существовало бы того, что люди называют страданием и болью. Если бы человек просто впитывал в себя впечатления внешнего мира в том их виде, как они действуют на его чувства, как цвет, звук и пр., то он мог бы пройти через весь мир, воспринимая его своими чувствами, не ощутив при этом ни боли, ни страдания". Человек может ощутить страдания и боль лишь при известных условиях.

Над этими-то условиями, при которых человек может переживать боль и страдание, заботы и скорбь, бился великий Будда, исследуя их: когда же именно восприятия внешнего мира болезненны и почему в известных случаях они становятся таковыми?

И Будда говорил: "Оглядываясь вглубь древнего времени, мы находим эпоху первых инкарнаций человека на земле; внутри человеческого существа, в его астральном теле, действовали тогда известные существа двумя различными образами. В лемурийскую и атлантическую эпохи в человеческое существо вработывались люциферические существа; таким образом, человек на протяжении времен воспринимал в свое астральное тело отпечаток и влияние люциферических существ; начиная же с атлантической эпохи над человеком работали существа, находящиеся под влиянием Аримана. Итак, в своих ранних воплощениях человек узнал люциферических и ариманических существ. Если бы они не работали над человеком, то он не

имел бы свободы и не обладал бы свободной волей - даром отличать добро от зла. С высшей точки зрения даже хорошо, что человек находился под таким влиянием, но зато эти сущности в известных отношениях низвели человека с божественно-духовных высот в чувственное бытие глубже, нежели это было ему предопределено. Человек и теперь имеет в себе известные влияния, известное Наследие деятельности Люцифера, с одной стороны, и Аримана - с другой. Они остались в нем от его прежних воплощений, и он несет их ныне в себе." - Так мог сказать себе великий Будда.

"Когда человек мог еще посредством своего древнего смутного ясновидения видеть в духовных мирах, он мог вполне точно различать влияние Люцифера и влияние Аримана. Обладая этим видением в астральном мире, умея различать вредные люциферические и ариманические влияния, человек отдавал себе в этом отчет и мог защитить себя от таких Влияний. Он знал также, каким образом он соприкоснулся с ними, откуда идут эти влияния, которые он нес в себе с древних времен от одной инкарнации к другой. Но вместе с древним ясновидением было потеряно и знание об этих силах; на место прежнего ясновидческого знания пришло незнание. Над человеком распространилась тьма; он не может более взирать на то, откуда приходят эти люциферические и ариманические влияния. Но он несет их в себе, он несет в Себе нечто, о чем он ничего не знает. Было бы, конечно, неразумно отрицать реальность и действительность того, о чем ничего не знаешь. В человеке действуют влияния, передававшиеся от одной инкарнации к другой. Они заключены в человеке и действуют в продолжение всей его жизни, но человек ничего об этом не знает." - Так говорил себе великий Будда.

"Как же действуют в человеке эти влияния? Если даже человек и не в состоянии распознать их, то он все же чувствует их; в нем есть некая сила, служащая выражением того, что жило в нем от одной инкарнации к другой и что достигло настоящего момента. Человек, конечно, не может познать того, что представляют собой эти силы, их подлинную сущность; это - вожделение к внешней жизни, к восприятию мира, жажда жизни, жадность к жизни стремление К ней. Так действуют в человеке эти древние люциферические и ариманические влияния, и эта жажда жизни проходит через ряд инкарнаций." - Вот что говорил себе Будда, но лишь ближайшим ученикам объяснил он точно сущность всего изложенного.

Понять то, что Будда ощущал подобным образом, можно лишь имея представления, даваемые духовной наукой.

Мы знаем, что в момент смерти человека его Я и астральное тело покидают эфирное и физическое тела. В этот момент перед ним предстает огромная величественная панорама всех событий его последней жизни. Затем человек отбрасывает, как второй труп, большую часть своего эфирного тела

и остается лишь нечто вроде экстракта, эссенции, которую человек берет с собою на время своего пребывания в камалоке и девахане, и затем возвращается вместе с ней в свое следующее воплощение. Во время его пребывания в камалоке все пережитое человеком в поступках, все, что влияет на человеческую карму, все, чему он должен создать противовес в своей будущей жизни, - все это вписывается в этот экстракт эфирного тела, переходящего из одной инкарнации в другую. Все, что несет человек через ряды воплощений, связывается с этим экстрактом эфирного тела, и все это вступает вместе с человеком в новое воплощение. Восточная литература обозначает то, что мы называем эфирным телом, термином линга-шарира. И то, что человек берет с собой из воплощения в воплощение, есть экстракт из линга-шарира.

И Будда мог сказать: "Посмотрите на вновь рожденного человека: в своем линга-шарира он несет все то, что накопилось в нем в его прежних инкарнациях. Все записано в нем; в линга-шарира заключено все то, о чем человек в современном цикле развития ничего не знает, над чем распространяется мрак неведения и что в человеке, вступающем вновь в земное бытие, становится жадью бытия, вожделением к жизни". В вожделении к жизни Будда видел все, что побуждает человека к страстям, к наслаждению жизнью и что следует из прежних воплощений, - человек не проходит через этот мир путником, воспринимая краски, звуки и другие впечатления. Нет! Он домогается этого мира, это и есть та тенденция, та сила, которая заложена в человека в его прежних воплощениях. Эту силу ученики Будды называли самскара. И Будда говорил ближайшим ученикам: "Современного человека характеризует незнание того важного, что содержится в нем самом. Это незнание превращает в жажду жизни то, что иначе предстало бы перед человеком как нечто, исходящее от люциферических и ариманических существ, и к чему иначе человек должен был стать в определенные отношения, превращает дремлющие силы, зарытые в темных глубинах человеческого существа как наследие прежних воплощений". Это обозначалось термином самскара. Из самскар образовалось современное человеческое мышление, которое обуславливает то, что человек в современном цикле развития может объективно мыслить.

Заметьте хорошенько, что Будда поясняет ученикам тонкое различие, которое существует между объективным мышлением, имеющим лишь предмет перед глазами, и тем мышлением, которое находится под влиянием сил, исходящих из линга-шарира. Подумайте над тем, сколько мнений вы усваиваете о вещах, но спросите себя, сколько мнений приобретаете вы о вещах по причине того, что они вам нравятся, и сколько потому, что вы наблюдаете объективно. Все, что человек принимает как истину, он принимает не потому, что он мыслит о вещах объективно, а потому что он принес с собой из прежних Воплощений прежние склонности; все это, с точки зрения Будды, образует внутренний мыслительный орган, являющийся

совокупностью всего того, что мыслит человек, потому что он пережил то или иное в своих прежних воплощениях и потому что эти переживания остались как некий осадок в его линга-шарира. Итак, Будда видел во внутреннем человека некий внутренний орган мысли, образуемый совокупностью самскар. И Будда говорит: "Эта мыслительная субстанция в первую очередь образовала из современного человека то, что называется теперь индивидуальностью, а в буддизме именем и формой, или намарума. Это то самое, что в другом философском направлении называется ахамкара.

И Будда говорил: "Когда в древнее время люди обладали еще ясновидением и могли видеть мир, скрытый за физическим миром, то все они видели, некоторым образом, одно и то же, ибо объективный мир одинаков для всех. Когда же мрак незнания распростерся над миром, то каждый приносил свою индивидуальную предрасположенность, которая разнилась от другой. Это делало человека существом, которое лучше всего может быть обозначено как существо с той или иной формой души. Каждый человек имел определенное имя, отличавшее его от других, т. е. ахамкару.

То, что рождалось внутри человека под влиянием всего принесенного им из прежних воплощений, давало имя и форму, индивидуальность, это образует в нем теперь изнутри Манас и пять органов чувств, так называемых шесть органов. Заметьте, что Будда не говорит: "глаз образован изнутри", но "глазу приобщено нечто, что было в линга-шарире и что принесено из прежних ступеней бытия". Потому глаз видит нечисто; он видел бы иначе мир физического бытия, если бы он не был проникнут тем, что осталось от прежних ступеней бытия. Ухо тоже слышит нечисто: воспринимаемые им звуки замутнены и неблагозвучны из-за того, что осталось в человеке от его прежних жизней. Влияние этого последнего примешивается ко всем побуждениям человека: к желанию увидеть и услышать что-либо, вкусить и ощутить что-нибудь тем или иным образом. И так во все, что предстает перед человеком, проникает то, что осталось как желания от его прежних инкарнаций.

"Если бы этого не было, - говорил Будда, - то человек взирал бы на мир как божественное существо, предоставляя миру действовать на себя, но никогда не требуя, не желая более того, что ему дано. Его знания никогда не перешли бы пределов, указанных ему божественными силами; он не делал бы никакого различия между собой и внешним миром, ощущая себя частью этого внешнего мира. Ибо человек ощущает свою отделенность от остального мира только потому, что хочет наслаждения больше и иначе, чем внешний мир дает ему их добровольно. Лишь поэтому в его душе проснулось сознание, что он - нечто другое, чем остальной мир. Если бы он остался доволен тем, что было в мире, то он не мог бы отличить себя от мира. Он ощутил бы тогда во внешнем мире продолжение собственного бытия. Человек никогда не знал бы, что значит соприкосновение с внешним Миром;

он не был бы от него отделен и, следовательно, не мог бы с ним соприкоснуться. После образования шести органов появляется и соприкосновение с внешним миром, а через посредство соприкосновения - ощущения, а благодаря ощущениям возникает привязанность к внешнему миру, вследствие чего появляются боль, страдания, заботы и скорбь.

Вот что говорил Будда о внутреннем человека, являющемся причиной появления в мире боли, страданий, заботы и скорби. Это была утонченная, возвышенная теория, но она возникла непосредственно из жизни, ибо просветленный (Бодхисатва) ощущал ее как глубочайшую истину о современном человеке. Истинная природа страданий современного человечества и их первопричины предстали перед тем, кто как Бодхисатва в течение тысячелетий вел человечество своим учением любви и сострадания, лишь тогда, когда он стал Буддой. С этого момента он мог видеть причину человеческого страдания и объяснить ее ближним ученикам.

И когда он достиг того, что пережил суть человеческого бытия в современном цикле его развития, то он вложил это в знаменитую проповедь, с которой он начал деятельность как Будда, т. е. в Бенаресскую проповедь. Он учил в ней популярным образом тому, что ранее сообщал лишь ближайшим ученикам: "Тот, кто познал первопричину человеческого бытия, тот знает, что жизнь, какова она есть, должна заключать в себе страдание и боль. Первое учение, которое я должен вам передать, это учение о страданиях в мире. Второе учение - о первопричине этого страдания. Оно заключается в том остатке, который сохранился в человеке от его прежних инкарнаций, в том, что проникает в человека в виде желания, жажды жизни. Жажда жизни - вот истинная) причина всех страданий. Третье учение говорит о том, каким образом удалить из жизни это страдание. Несомненно, что оно исчезнет, как только будет удалена его первопричина из жизни; жажда жизни гаснет тотчас же, ибо она происходит из неведения. Ибо люди от прежней ясновидческой мудрости пришли к такому неведению, которое закрыло для них духовный мир. В жажде жизни повинно неведение. В свою очередь, жажда жизни есть причина страданий, боли, забот и скорби. Для того, чтобы они исчезли из мира, необходимо искоренить жажду жизни. Древняя мудрость исчезла, люди потеряли способность пользоваться органами эфирного тела. Но человеку доступна новая мудрость; человек усвоит ее, когда всецело погрузится в то, что может дать ему его астральное тело посредством своих глубочайших сил при помощи того, что позволяют наблюдать во внешнем мире внешние органы чувств. Но то, что затрагивается этим наблюдением в глубочайших силах астрального тела, развивается благодаря пользованию (но не из этого пользования) физическим телом, и это одно может помочь прежде всего человеку даровать ему мудрость, ибо эта мудрость даруется человеку прежде всего." Примерно так говорил Будда в своей великой речи, с которой он начал выход в мир.

Он хотел сказать: "Я должен помочь человечеству в приобретении той мудрости, которая достигается высочайшим развитием сил астрального тела". Поэтому Будда должен был учить тому, что может быть достигнуто сильным погружением, углублением в силы астрального тела. Таким путем человек достигает познания, подходящего ему в настоящий момент, но зато ничем не связанного с влиянием его прежних воплощений. Будда хотел дать человеку познание, не связанное с тем, что смутно дремлет в человеческой душе как самскара и чем мы обязаны неведению; познание, которое можно приобрести лишь при условии пробуждения в течение одной инкарнации всех сил, заключающиеся в астральном теле.

Будда говорил: "Первопричина страданий в мире та, что в человеке осталось нечто от его прежних воплощений, нечто, о чем он ничего не знает. Этот остаток от прежних воплощений есть источник незнания, распространившегося в мире; это и есть причина человеческих страданий, боли, забот и скорби. Если же человек познает силы, заключающиеся в его астральном теле, в которые он может погружаться, тогда он может, если хочет, приобрести истинное познание, совершенно независимое от всего прежнего, собственное познание".

Это знание Будда хотел передать людям. И он передал его в так называемом "восьмичленном пути". В нем Будда стремился объяснить те силы, которые должен развить человек для того, чтобы в настоящем цикле своего развития прийти к познанию, совершенно независимому от его прежних инкарнаций. Посредством этих сил сам Будда достиг того, что поднял свою душу до той ступени развития, до которой можно подняться посредством наиболее деятельных сил астрального тела. В "восьмичленном пути" Будда хотел предначертать человечеству тот путь, идя которым оно может достигнуть знания, совершенно независимого от самскар. Он определял это так: человек приходит к подобному знанию, когда он составляет себе правильное мнение о вещах, не связанное с симпатией или антипатией, или расположением к ним, руководствуясь исключительно тем, что ему дается вовне. Это есть первое - "правильное мнение" о вещи.

Второе - необходимо быть независимым от того, что осталось от прежних инкарнаций, необходимо судить об окружающем не под каким-либо влиянием, но единственно лишь на основании своих собственных правильных мнений. Итак, второе условие - это "правильное суждение".

В-третьих, мы должны стремиться к тому, чтобы, общаясь в миру, правильно выражать то, что мы желаем сообщить, о чем мы составили правильное суждение. В наших словах и, вообще, во всех способах нашего выражения мудрости должны заключаться лишь наши мнения. Это третье условие Будда называет "истинным словом".

В-четвертых, необходимо согласовать все наши поступки не с нашими симпатиями или антипатиями, не с тем, что смутно живет в нас как самскара, а с нашими правильными мнениями, суждениями и словами; четвертое условие есть правильное дело, "правильный образ действий".

Пятое, что необходимо человеку, чтобы освободиться от влияния самскары, - это необходимость занять правильное положение в мире. Существует столько людей, недовольных своим положением в мире, думающих о том или другом месте, которое они могли бы занять. Но человек должен стремиться к возможности взять от положения, в котором он родился или в котором он поставлен судьбой, все самое лучшее, что только возможно, т. е. достигнуть наилучшего "местоположения". Тот, кто недоволен своим положением в жизни, не может почерпнуть из него ту силу, которая необходима, чтобы вести в мире правильную деятельность. Будда называет это "правильное местоположение".

Шестое условие состоит в том, что мы должны все больше заботиться о том, чтобы усвоенное нами путем правильных мнений, суждений и т. д. приобретало в нас силу привычки. Приходя в мир, мы имеем определенные привычки. Ребенок проявляет ту или иную склонность или привычку, человек же должен стремиться к тому, чтобы не придерживаться привычек, которые являются следствием самскары, а вместо этого приобретать привычки, вытекающие из правильных мнений, суждений, слов и т. д. Это есть "правильная привычка", которую должен приобрести человек.

Седьмое условие заключается в том, чтобы мы за сегодняшними трудами, не забывали постоянно вчерашнее и тем вносили бы порядок в нашу жизнь. Если мы каждый раз будем приобретать заново известный навык в какой-либо работе, то мы не добьемся успеха. Человек должен стремиться к тому, чтобы каждая вещь из его окружения развивала его мышление и память. Он должен всегда применять уже изученное, должен соединять настоящее с прошлым. Говоря в буддийском смысле, человек должен усвоить себе "правильную память".

И восьмое условие состоит в том, что человек без всякого пристрастия к тому или иному мнению, не давая заговорить в себе тому, что осталось в нем от прежних воплощений, просто отдается вещи, которую он исследует, погружаясь в нее и давая говорить лишь ей одной. Это есть "правильное созерцание".

Таков этот "восьмичленный путь", о котором Будда говорил своим последователям, что человек, идущий им, постепенно гасит приносящую страдание жажду жизни и ведет душу к освобождению от того, что осталось от прежних жизней и что делает душу рабой. Таким образом, мы восприняли нечто от духа и источника буддизма. Мы уже знаем, какое значение имеет

факт превращения прежнего Бодхисатвы в Будду. Прежний Бодхисатва изливал в человечество то, что было связано с его миссией. До прихода в мир Будды человечество древних времен не было в состоянии преобразовать свои внутренние силы так, чтобы самостоятельно проявить правильное слово и правильное суждение. Для того, чтобы это стало возможным, необходимо было некое влияние духовного мира на человечество. Это влияние было силой Бодхисатвы, которую он изливал в мире. Вот почему это стало единственным, в своем роде, событием. Когда этот Бодхисатва стал Буддой и получил возможность учить людей тому, что ранее он изливал в человечество из духовных миров, т. е. когда он явил в мире такое тело, которое могло из самого себя развить силы, ранее проникавшие в мир только свыше. Будда проявился в мире как Гаутама Будда в человеческом теле, являвшемся первым телом такого рода. Тем самым все, что ранее он изливал в мир как Бодхисатва, единожды присутствовало в мире. Это событие имеет огромное значение во всем земном развитии, ибо то, что ранее от эпохи к эпохе изливалось на землю, однажды присутствовало в одном человеке, ходившего по земле. Здесь творится сила, распространяющаяся на все человечество. В теле Гаутамы Будды лежит источник на все времена, ибо с этого момента и на все будущее люди получили возможность развивать в себе силы "восьмичленного пути" так, что этот путь может стать собственностью каждого человека. Факт воплощения Будды дал людям возможность правильно мыслить. И всем тем, чего достигнет в этом направлении человечество в будущем, вплоть до усвоения всего "восьмичленного пути", всем этим человечество будет обязано Будде. То, что имел в себе Будда, он отдал людям как духовную пищу.

Современное внешнее знание обычно не замечает таких вещей. Зато часто эти великие истины из области человеческого развития содержатся в детских сказках и сказаниях, которые зачастую бывают мудрее нашей объективной науки. В глубине человеческая душа всегда ощущала следующую истину о Бодхисатве: сначала нечто изливается долу, затем делается собственностью человеческой души, затем из этой последней постепенно излучается в окружающий мир. И те, которые могли иметь более или менее смутные предощущения, говорили: "Как солнечные лучи пронизывают небесное пространство, так некогда пронизывали землю силы Бодхисатвы, силы учения любви и сострадания, силы "восьмичленного пути"; но затем Бодхисатва поселился в человеческом теле и отдал людям то, что некогда было его собственностью. С тех пор это живет в человечестве и излучается в окружающий мир, как луна отражает в пространстве солнечные лучи". И там, где эта истина выражалась в сказках и сказаниях, это ощущалось всегда как нечто особенно значительное. Поэтому в местности, где некогда действовал Будда, об этой истине - проявлении Бодхисатвы - сложилась удивительная сказка. Это великое событие было облечено в следующее простое повествование.

Однажды, когда Будда был воплощен в зайце, все остальные существа искали себе пищу, вся пища истощилась, а то, что служило пищей зайцу - растение - не годилось в пищу другим животным, питающимся мясом. Тогда заяц, т. е. Будда, решил пожертвовать собою, и когда пришел брамин, он предложил себя в пищу другим. В это мгновение появился бог Шакра и увидел потрясающий поступок зайца. В горе, на которой стоял заяц, образовалась трещина и поглотила его. Затем Бог взял тинктуру и нарисовал ею на луне образ зайца. И с тех пор на луне красуется изображение Будды в виде зайца. В западных странах говорят не о зайце, а о "человеке на луне".

Еще яснее говорится об этом в одной калмыцкой сказке: "На луне живет заяц, который попал туда потому, что Будда пожертвовал собой, и Дух Земли сам нарисовал на луне его изображение". В этой сказке выражается великая истина о том, как Бодхисатва стал Буддой, как он сам пожертвовал собой и как то, что было его собственным содержанием, он отдал в пищу людям, так что ныне это может излучаться из людских сердец во внешний мир.

Сущность, стоящая на столь высокой ступени развития как Бодхисатва, превращающийся в Будду - и этому учат все знающие, - переживает последнее земное воплощение, во время которого все существо этой индивидуальности переходит в человеческое тело. Такая сущность покончила навсегда с земными воплощениями. Поэтому, почувствовав, что означает эта его последняя жизнь, Будда мог сказать: "Это мое последнее воплощение, меня не ждут более земные жизни". Но было бы неправильно думать, что подобная сущность совершенно уходит от земного бытия. Она продолжает и далее работать в нем, хотя и не воплощается более непосредственно в человеческом теле; она облекается в другое тело, будь то астральное или эфирное, и продолжает в нем свою работу в мире. Способы работы такой сущности могут быть следующие.

Обыкновенный человек, состоящий из физического, эфирного и астрального тел и Я, может быть пронизан подобным существом, которое уже не спускается более вплоть до физического тела, но обладает еще астральным телом и может пронизать астральное тело другого человека. Тогда оно продолжает свою работу в таком земном человеке; последний станет тоже выдающейся личностью, ибо ведь в нем будут действовать силы существа, уже окончившего земные воплощения. Такое соединение выражается иногда в самых сложных формах. Когда Будда появился перед евангельскими пастухами в образе "многочисленного воинства небесного", он был не в физическом, а в астральном теле. Он облекся в тело, при посредстве которого он мог работать на земле. У существа, ставшего Буддой, различаются три вида тел:

1. Тело, которым он обладал до того, как стал Буддой, когда он как Бодхисатва из высших сфер воздействовал долу. Это тело еще не содержит в

себе всего того, через что может 'действовать' такое существо, т. е. тело находится еще далеко В вышине и связано с прежней миссией, как прежний Бодхисатва в Будде до того, как он эту миссию превратил в миссию Будды. Пока такая сущность живет в подобном теле, оно называется Дхармакайя (Dharmakaya).

2. То тело, которое образует себе это существо и сохраняет в себе, является таким, что все в нем содержащееся проходит к своему выражению в физическом теле. Такое тело называют "телом исполнения", Самбхагакайя.

3. Тело, в которое облачается существо, достигшее совершенства. При помощи этого тела оно получает возможность воздействовать сверху на землю указанным выше способом. Это тело называется Нирманакайя (Nirmanakaya).

Итак, то, что проявилось перед пастухами в виде ангельских ратей, было Нирманакайя Будды. В этом сияющем теле открылся он пастухам. Но он должен был искать и другой путь, чтобы влиться в то исключительное время в палестинские события, и происходило это следующим образом.

Но для того, чтобы понять дальнейшее, необходимо вкратце вспомнить то, что мы знаем о существовании человека из антропософских докладов. Мы различаем несколько "рождений" человека. При физическом рождении человек постепенно освобождается от физического материнского покрова; с достижением семи лет он освобождается от эфирного материнского покрова, который окружает его до смены зубов так же, как до рождения его окружает физический покров матери; с достижением же половой зрелости, которая наступает в настоящее время на 14-15-м году, человек освобождается и от астрального покрова. Значит, эфирное тело рождается как свободное тело лишь с достижением семилетнего возраста, а астральное тело - с наступлением половой зрелости. Тогда сбрасывается внешняя астральная оболочка.

Представим себе теперь то, что сбрасывается человеком с достижением половой зрелости. В условиях палестинских событий этот момент наступал несколько раньше, обычно в возрасте 12-ти лет; в этот момент сбрасывается астральный материнский покров. В обычной жизни этот астральный покров передается в астральный внешний мир. У того же ребенка, который происходил из священнической линии рода Давида, это случилось иначе. В 12 лет его астральный покров был сброшен, но он не растворился в общей массе астрального мира, а как защитная астральная оболочка Младенца со всеми животворящими силами, притекшими к нему в промежуток времени между сменой зубов и половой зрелостью, слился с Нирманакайя Будды, спустившегося на землю. То, что явилось пастухам как ангельские рати, слилось с высвобожденным астральным покровом двенадцатилетнего

Иисуса, слилось со всеми его юношескими силами, воспринятыми период между сменой зубов и половой зрелостью. Нирманакайя Будды, осиявшее Младенца Иисуса с момента его рождения, воссоединилось с юношеским астральным материнским покровом, сброшенным этим ребенком в момент его половой зрелости. Все это Нирманакайя восприняло в себя и благодаря этому омолодилось само. Таким образом, то, что оно ранее давало миру, получило возможность проявиться вновь в ребенке Иисусе детски-простым. И ребенок получил возможность по-детски просто говорить о высоком учении сострадания и любви, которое мы сегодня представили в его сложности. Поэтому мальчик Иисус в беседе с учителями в храме так поражает своих собеседников, ибо тогда его окутывало Нирманакайя Будды, освеженное, как из родника юности, астральным покровом мальчика.

Эта истина, знакомая духовным исследователям, скрыта автором Евангелия от Луки в удивительной сцене беседы двенадцатилетнего Иисуса с учителями в храме, когда Он неожиданно становится другим* (*Не путать с "Принесением Младенца во храм" (Лк. 2, 22)). Поэтому-то буддизм, заключавшийся в Евангелии от Луки, дается миру таким детски-простым, понятным образом. Это должно быть понято нами, и лишь тогда нам станет ясно, почему мальчик, не Говорит так, как Будда говорил до сих пор. Так, как Будда говорил до сих пор, говорит в его времена тот, кто в качестве владыки Тибета Канишке провозгласил на Синоде древний буддизм как ортодоксальное учение. Но ведь Будда сам шел за веком. Он воспринял астральные силы покрова ребенка Иисуса и через то получил возможность иным образом, чем раньше, взывать к сердцам людей.

Итак, Евангелие от Луки содержит в себе буддизм в его новом облике, буддизм, омытый "живой" водой, поэтому-то религия сострадания и любви говорит в нем самым простым сердцам в совершенно доступной форме; мы можем прочесть это. Вот какая тайна заключена в строках Евангелия от Луки. Мы описывали лишь часть того, что содержит в себе сцена в храме; дальше мы осветим еще более глубокие подосновы этой тайны, и новый свет упадет на жизнь Иисуса из Назарета.

ЧЕТВЕРТЫЙ ДОКЛАД. Базель, 18 сентября 1909 г.

Факты, лежащие в основе Евангелия от Луки, будут по ходу докладов становится все более тонкими, и я прошу принять во внимание, что мои доклады вытекают один из другого, что содержание каждого тесно связано с остальными. Это относится особенно к настоящему и завтрашнему докладу и к их связи с тем, что уже намечено в других циклах докладов.

Мы уже выяснили, что обновление буддийского мирозерцания, влившегося в христианство и вновь дарованное миру, произошло потому, что астральный материнский покров, сброшенный развивающимся ребенком Иисусом с достижением половой зрелости, слился с Нирманакайя Будды. С момента двенадцатилетия Иисуса мы имеем определенную сущность, состоящую из Нирманакайя, т. е. духовного тела Будды, и сброшенного Иисусом астрального материнского покрова.

Когда в обычной жизни развивающийся человек сбрасывает этот астральный материнский покров, при рождении в нем его настоящего астрального тела, то этот астральный материнский покров растворяется в общей массе астрального мира и не пригоден к тому, чтобы присоединиться к такой высокой сущности, какой была Нирманакайя Будды. Следовательно, тому астральному покрову, который, слившись с Нирманакайя Будды, обновил весь буддизм, предстояло нечто особенное. В ребенке Иисусе должно было находиться совершенно особенное существо. Для того, чтобы из тела Иисуса могли в течение первых двенадцати лет излучаться силы, воспринятые его материнским астральным покровом, для того, чтобы последнее обладало этими живительными силами, в теле Иисуса должно было быть воплощено совершенно особое существо. Итак, существо, развивавшееся в течение первых двенадцати лет в теле мальчика Иисуса и излучавшее силы, обновившие буддизм, было не обыкновенным человеческим существом.

Если мы хотим получить представление о том, как стало возможным, что этот ребенок иначе влиял на свой астральный покров, чем это бывает обычно в нормальных условиях, то такое представление мы получим лишь при помощи сравнения.

Если мы проследим человеческую жизнь так, как она развивается от рождения до 20-ти, 30-ти, и 40-ка лет (при условии, что она развивается нормально), то увидим, как отдельные силы, заложенные в зародыше и лишь намечающиеся при рождении, затем все более проявляются. Ребенок растет не только физически, но и духовно, все более развиваются его душевные силы, - о том, как это происходит, вы можете прочитать в моем "Воспитании ребенка с точки зрения духовной науки", - постепенно растут силы чувств и интеллекта; с наступлением 7-ми, 14-ти и 21-го года проявляются те или иные силы и растут в своем объеме. Представьте себе, как это происходит при нормальном ходе человеческого развития, и затем представьте себе, что мы хотим проделать своего рода жизненный эксперимент. Предположим, что мы предоставим только что родившемуся человеку развиваться ordinarily и заурядно, как это бывает и должно быть обычно в наше время при нормальных условиях жизни; что мы создадим этому человеку искусственную возможность особенно свежо воспринять все то, что обычно познается, например, между 12-тью и 18-тью годами, воспринять так, чтобы

это влилось в его душу с особою свежестью, чтобы душа могла творчески воздействовать на вещи с известной изобретательной силой. Предположим, что мы хотим искусственно сделать этого человека особенно продуктивным. В таком случае этого ребенка надо растить не так, как обычно растят других детей.

Мы желаем произвести некий гипотетический опыт, и я употребляю этот пример лишь для того, чтобы прояснить то, о чем мы говорим, и не следует думать, что он является как бы неким воспитательным идеалом. Итак, чтобы воспитать в человеке особо изобретательный дух, который не только оживляет человеческие мыслительные способности, но который может творчески действовать в человеке и с возрастом развивать эти способности до высокой степени плодотворности, для этого надо, начиная с 6-7-летнего возраста, уберегать такого ребенка, прежде всего от того, чтобы он учился так же, как и остальные дети, а также от изучения обычных школьных предметов. Надо стремиться к тому, чтобы такой ребенок как можно меньше соприкасался с тем, с чем обычно соприкасаются его сверстники. Надо стараться до 10-11-летнего возраста занимать его как можно больше детскими играми, оберегая его в то же время от школьных наук так, чтобы, будучи уже 9-летним, он еще не знал бы сложения, а в 8 лет еле умел бы читать. Этот ребенок 8-9-ти лет должен будет начать с того, с чего обычно начинают шестилетние и семилетние дети. Тогда человеческие силы разовьются совершенно иным образом, чем обычно, и думать он будет иначе, и перерабатывать иначе все то, что он воспринимает. Воспитанный так ребенок сохранит в себе, вплоть до 10-11 лет, все детские силы, которые подавляются обычным обучением, и в силу этого будет с большей душевной теплотой подходить к вещам, которым он обучается, и будет воспринимать их совершенно иным образом. Его способности станут особенно плодотворными. Итак, в этом ребенке следовало бы удержать возможно дольше его детскость, и тогда ясновидящий заметил бы, что астральный покров такого ребенка, сброшенный по достижении половой зрелости, обладает совершенно иными, чем обычно, юношески свежими силами. И подобный астральный покров сделался бы пригодным для соединения с той высокой сущностью, как в нашем случае Нирманакайя Будды. Путем такого опыта достигается не только удлинение юношеского периода человека; таким путем материнский астральный покров человека пронизывается детскими, юношескими силами, и затем эти силы вновь могут быть использованы в мире, так что существо, спускающееся с духовных высот, как бы питается этими силами и обновляется.

Но люди еще не должны делать такого опыта. Потому это не может служить воспитательным идеалом. Современные люди должны еще предоставить свершение некоторых вещей Богам. Боги могут выполнить эту задачу, люди же пока еще не в состоянии сделать этого правильно. И если вы услышите когда-либо, что какая-то личность, призванная к плодотворной

деятельности в той или иной области, долгое время казалась бездарной и глупой и лишь позже проявился присущий ей талант, то знайте, что Боги устроили это. Они сохранили детскость этого человека до определенного возраста, дав ему возможность лишь много позже изучить то, что в нормальных условиях изучается в более юном возрасте. Это особенно заметно, когда развитой ребенок легко схватывает все, что ему рассказывают, а затем, придя в школу, он совершенно не желает учиться. Это Боги проделывают с ним тот жизненный эксперимент, о котором мы уже говорили.

Нечто подобное, но в бесконечно более широком масштабе, имело место с мальчиком Иисусом, передавшим Нирманакайя Будды такой бесконечно плодотворный астральный покров. Здесь мы подходим к таинственному факту, в который каждый волен верить или нет, и который в настоящее время может быть предложен каждому подготовленному антропософу и может быть им проверен. Исследуйте события всеми доступными вам из Евангелий или внешней истории фактами, и вы найдете всему подтверждение через внешние факты физического плана, если только их правильно собрать и воздерживаться от поспешного суждения. То, что говорит оккультист и что ведь является фактами из высших миров, он передает как залог человечеству; и если оно получено из подлинных источников, он говорит тогда: "Вы можете проверять сколь угодно строго; если вы проверяете правильным образом, вы найдете подтверждение повсюду - через письменные документы или другие естественнонаучные факты, которые можно установить в физическом мире".

Итак, у родительской четы, описанной в Евангелии от Луки, должен был родиться совершенно особый ребенок, который должен был принести с собой детские и юношеские силы совершенно особого рода и сохранить их мощными, свежими и здоровыми. Это должно было произойти.

В обычных условиях жизни ни у каких родителей не могло быть ребенка, у которого оказались бы те свежие юношеские силы, та детскость, которые были необходимы. И если бы произошло нечто совершенно исключительное, было бы немислимо найти среди всего тогдашнего обширного человеческого окружения ни индивидуальности, пригодной для такого воплощения, ни соответствующих родителей. Что тогда произошло, мы сможем понять, если только припомним многое, что нам уже известно из нашей антропософской подготовки.

Обратившись к истокам современного человечества, мы приходим к первобытному человечеству древней атлантической эпохи, произошедшего, в свою очередь, от другого, еще более древнего человечества лемурийской эпохи. Духовная наука может нам указать на совершенно другие факты относительно хода развития человечества, нежели внешнее естествознание,

которое привязано только к чувственным фактам. Духовная наука указывает нам, что человечество последовательно проходило через стадии культур: греко-латинской, египетско-халдейской, древнеперсидской и древнеиндийской. Таким путем мы приходим к грандиозной катастрофе, совершенно изменившей лик Земли. На месте нынешнего Атлантического океана существовал огромный континент - Атлантида. Там, где ныне живут европейские, азиатские и африканские народы, большая часть земли была еще покрыта морем. До атлантической катастрофы, разразившейся в водной стихии Земли, человечество жило и развивалось большей частью в Атлантиде. Люди той эпохи обладали иной организацией, чем теперешние. Предвидя приближение катастрофы, великие вожди и жрецы тогдашнего человечества повели людей на Восток и частью - на Запад. Эти последние и есть предки позднейшего американского населения. Так что предков нашего нынешнего человечества мы должны искать среди древних атлантов. Люди, жившие в Атлантиде, были потомками еще более ранних людей, отличавшихся, в свою очередь, своей организацией от атлантов; они жили в древней Лемурии - материке, находившемся между Азией, Африкой и Австралией. Детальное описание вы сможете найти в моем скоро появляющемся "Тайноведении"; я приведу только необходимые извлечения.

Рассматривая Акаша-хронику, мы чудесным образом находим в ней удивительные доказательства всего того, что мы находим в библейских и, вообще, религиозных источниках. Как труден был, например, для внешнего естествознания вопрос: истинно ли то, что говорит Библия о "первой человеческой чете" - Адаме и Еве, от которых, произошло все человечество. Это вопрос, которым особенно в середине девятнадцатого века много занимались с естественнонаучной точки зрения.

Читая то, что записано в Акаша-хронике, мы узнаем, что Земля весьма древнего происхождения и что до лемурийской эпохи она прошла другие периоды развития. Земля является перевоплощением планетарных состояний: Луны, Солнца и Сатурна. Земля в ее развитии была предназначена к тому, чтобы к трем телам человека, образованных в течение трех первых воплощений Земли - физическому (Сатурн), эфирному (Солнце) и астральному (Луна), - прибавить четвертый член человеческого существа - Я. То, что происходило до лемурийской эпохи, было лишь подготовкой к осуществлению этой миссии Земли. В лемурийскую эпоху человек уже был сформирован так, что смог образовать в себе Я. Лишь тогда начал образовываться зародыш, дабы выработать Я в трех членах, которые человек постепенно приобрел. Преобразования, происшедшие на Земле, повлияли на человека так, что он смог стать носителем Я. Земля была населена и до лемурийской эпохи, но люди тогда имели совсем иной вид. Они еще не были носителями Я, они развивали в себе лишь то, что было принесено ими с Сатурна, Солнца и Луны, т. е. физическое, эфирное и астральное тела. И мы

знаем, какие имеются процессы во всей вселенной, приведшие к тому, что человек был доведен до этой зрелости в своем развитии.

В начале своего нынешнего воплощения Земля была соединена с Солнцем и Луной, затем Солнце отделилось, оставив планетарное тело, объединявшее в себе современную Землю и Луну. Вследствие отделения Солнца оставшиеся на этом планетарном теле человеческие существа отвердели, мумифицировались и одеревенели. Чтобы предотвратить окончательное уплотнение человеческого облика, была выделена Луна вместе с соответствующим ей веществом и существами. Таким путем человеческий облик был спасен от затвердевания, и человек получил возможность воспринять свой внешний облик; лишь после отделения Луны человек получил возможность стать носителем Я. Но все это произошло не сразу. Сначала медленно отделилось от Земли Солнце. Следовательно, положение было такое: в то время, когда еще Луна была соединена с Землей, когда дальнейшее человеческое развитие было невозможно, физическая материя делалась все плотнее, и человек фактически получил толчок к затвердеванию. Человеческие души, бывшие на более низкой ступени развития, проходили длинный ряд воплощений, наподобие современных человеческих душ, оставляя время от времени физическое тело, чтобы пройти через духовный мир снова появиться на Земле в новом воплощении. Но до того, как Луна отделилась от Земли, выступило нечто, затруднившее дальнейшее развитие Земли. Некоторые человеческие души, оставившие свои тела и находившиеся в духовном мире, должны были вновь воплотиться на Земле, но со времени их последнего воплощения человеческая "глина" сделалась настолько плотной и твердой, что эти души не имели возможности воплотиться. Наступило время, i Когда покинувшие Землю души лишились возможности вновь воплотиться на Земле, ибо они не могли воплотиться в уплотнившиеся одеревеневшие земные тела. Лишь сильнейшие ¶ души могли преодолеть затвердевшую в их отсутствие материю и воплотиться на Земле. Остальные же, не имея возможности снизойти на Землю, должны были оставаться в духовных мирах. Таково было положение до отделения Луны. И все меньше становилось тех сильных душ, которые могли преодолеть материю и населять Землю. Перед лемурийской эпохой был период, когда земля пустела, все меньше людей появлялось на ней, ибо долженствовавшие воплотиться души не могли найти себе подходящих тел.

Что же с этими душами случилось? Они были направлены на другие планеты, образовавшиеся тем временем из общей субстанции: на Сатурн, Юпитер, Марс, Венеру и Меркурий. Итак, было некогда время "великой земной зимы", когда на Земле могли воплощаться лишь сильнейшие души, а более слабые были приняты под покровительство других планет нашей солнечной системы.

Было время в течение лемурийской эпохи, когда действительно существовала единственная человеческая чета, имевшая возможность преодолеть грубую человеческую субстанцию и воплотиться на Земле, то есть как бы продержаться в течение всей жизни Земли. Наконец наступил момент, когда Луна отделилась от Земли и вследствие этого человеческая субстанция утончилась и стала вновь пригодной воспринимать более слабые человеческие души; таким образом, потомки этой "первой человеческой четы" стали воплощаться в более мягкой материи. Понемногу на Землю стали возвращаться все те, кто раньше направлялись на другие планеты, и, при увеличивающемся народонаселении Земли, они стали рождаться как потомки первой человеческой четы.

Так Земля стала населяться вновь. И, начиная от последних времен лемурийской эпохи, вплоть до конца атлантической, на Землю продолжали спускаться души, выжидавшие на других планетах возможности воплотиться на Земле. Так образовались на Земле те атлантические народности, которыми руководили атлантические Посвященные в особых Оракулах, которые можно охарактеризовать так.

В древней Атлантиде были великие места водительства. Они были поделены таким образом, что одни назывались оракулами Марса, другие - Юпитера, Сатурна и т. д. Эти разнообразные оракулы вполне соответствовали тогдашнему человечеству. Для человеческих душ, выжидавших земных воплощений на Марсе, обучение и руководство было сосредоточено в оракуле Марса и т. д. В атлантическую эпоху лишь немногие избранные могли обучаться в центральном Великом Солнечном оракуле. Это были ближайшие потомки той первой человеческой четы, которая перенесла кризис Земли, тех великих прародителей, которых Библия называет Адамом и Евой. Таким образом, даже то, что кажется нам в Библии таким невероятным, оказывается совершенно верным и вполне соответствует фактам, записанным в Акаша-хронике. Во главе Великого Солнечного оракула, надзиравшего над всеми остальными, стоял величайший из атлантических посвященных - солнечный посвященный, великий Ману, вождь атлантических народов. Он имел задание при приближении Атлантической катастрофы вывести подходящих людей на Восток и основать там исходную базу для послепланетарной культуры. Между разнообразными людьми, непосредственно группировавшимися вокруг великого посвященного, были также и такие, которые непосредственно происходили от родоначальных душ, переживших кризис земной эволюции, т. е. прямых потомков Адама и Евы; их там особенно оберегали и охраняли. Все их обучение управлялось и направлялось таким образом, чтобы в соответствующие моменты времени в развитии человечества всегда имелась возможность из Центра, которым руководил посвященный Солнечного оракула, великий Ману, проистекали истинные влияния.

Предположим, что в каком-нибудь моменте человеческого развития являлась необходимость обновить какую-либо культуру, некую традицию, уже устаревшую, и что для того, чтобы дать человечеству новый культурный элемент, необходимо было сообщить этой традиции новый импульс. Об этом именно и заботились в Центре посвященных Солнечного оракула, и осуществлялось это самым различным образом.

В первое время после Атлантической эпохи люди, специально к этому подготовленные, непосредственно посылались в разные места, чтобы сообщить тому или иному народу то, что ему было необходимо. В этом Центре Оракула, сокрытом в определенном районе, заботились о том, чтобы отдельные культуры были оплодотворены соответственным образом.

Пять или шесть веков спустя после вступления в мир великого Будды настало совершенно особое время. Явилась необходимость омолодить буддизм. Древнее зрелое мирозерцание, возведенное на высочайшую высоту Буддой, должно было быть омыто живой водой, чтобы явиться перед человечеством в юношески свежем образе. В человечество должны были войти совершенно особые юношеские силы; таковых не было ни у одной индивидуальности, работавшей во внешнем мире.

Каждый, работающий во внешнем мире, расходует свои силы, и это расходование называется старением. Идя назад, к истокам времен, мы находим возникающие одну за другой культуры: древнеиндийскую, персидскую, египетско-халдейскую и т. д. Все они имели великих вождей, отдавших свои лучшие силы эволюции человеческого рода. Святые риши, Заратустра - вдохновитель персидской культуры, Гермес, Моисей, вожди халдейской культуры - все они были лучшими водителями и правителями своего времени. Возьмем какую-либо индивидуальность древней Индии; по мере того, как она перевоплощалась, проходила через ряд следующих друг за другом культур, ее душа становилась все старше, созревала все более, но силы юности она теряла. Старая душа, работавшая над собой длинный ряд инкарнаций, может быть вполне созревшей, может чрезвычайно много сделать, но не может вернуть своей юношеской силы и юношеской свежести.

Можно учить великому, можно многое совершить для человечества - и все же не иметь возможности вернуть расходуемые юношеские свежие силы.

Возьмем одного из величайших вождей человечества, действовавших когда-либо в человеческой эволюции, - Заратустру. Он принес своей эпохе из великих глубин духовного мира великую весть о Солнечном Духе. Он указал своим современникам на Великого Духа, явившегося позже как Христос, он первый сказал великие, знаменательные слова: "Аура Маздао ныне находится на Солнце, но настанет время, и Он приблизится к Земле".

Лишь глубочайшее духовное познание, лишь высоко развитое ясновидение Заратустры могли воспринять То Существо, о Котором говорили еще святые риши, утверждавшие, что Вишва-Карман находится по ту сторону сферы их восприятия. То Существо, Которое Заратустра называл Аура Маздао и чье значение в эволюции человечества он возвестил. В теле Заратустры, еще в период основания им древнеперсидской культуры, был воплощен чрезвычайно зрелый дух.

Проходя через следующие воплощения, эта индивидуальность становилась все выше, созревала все более, и, вместе с этим в ней развивалась способность жертвовать собой ради человечества. Те, кто слушали мои другие доклады, знают, что позднее Заратустра отдал свое астральное тело вождю древнеегипетской культуры Гермесу, а свое эфирное тело - вождю древнееврейского народа Моисею. Все это может совершить лишь вполне развитая могучая душа. И лишь тогда душа может стать высокоразвитой индивидуальностью, как Заратустра, который за шестьсот лет до наше эры, в то время, когда Будда действовал в Индии, воплотился в Халдее в великом Учителе Назаратосе, или Заратосе, который был учителем Пифагора. Все это могла совершить лишь та великая душа, которая была вождем и вдохновителем древнеперсидской культуры.

И она становится все более зрелой, но совершить то, что стало необходимым, т. е. обновить буддизм, эта душа уже не могла, - не могла дать той юношески свежей силы, которая развивается в детстве до момента половой зрелости, для того, чтобы передать ее Нирманакайя Будды. Этого никогда не смогло бы совершить существо Заратустры именно потому, что оно поднималось от одного воплощения к другому все выше и достигла такой высоты. И потому ему было невозможно в начале нашего летосчисления пройти в теле ребенка такое развитие, чтобы ставшее необходимым стало возможным.

Итак, между всеми индивидуальностями, сложившимися к означенному моменту, мы не найдем ни одной, которая бы обладала силой развить себя так, чтобы в 12 лет проявить юношески свежую силу, способную обновить буддизм. Мы намеренно остановились на великой, единственной в своем роде индивидуальности - на Заратустре, - чтобы помянуть нечто сверхординарное и сказать, что и она была неспособна так оживить тело Иисуса, чтобы сброшенный им астральный материнский покров мог соединиться с Нирманакайя Будды. Откуда же произошла та великая творящая сила тела Иисуса?

Она произошла от великой Материнской Ложи человечества, руководимой великим солнечным посвященным Ману. В Ребенке, родившемся у родителей, обозначенных в Евангелии именами Иосифа и Марии, была ниспослана огромная индивидуальная сила, сохранявшаяся и

пестовавшаяся в великой Материнской Ложке, в великом Солнечном оракуле. В ребенке были заложены силы самых лучших, самых сильных индивидуальностей. Но каких?

Если мы хотим узнать индивидуальность, что была тогда ниспослана в Младенца Иисуса, мы должны далеко углубиться вспять, вплоть до предшествовавших времен, предшествовавших люциферическому влиянию на человечество, проникающему в астральное тело человека. Это влияние началось тогда, когда древняя первая человеческая чета населяла землю. Эта чета была достаточно сильна, чтобы преодолеть сопротивление человеческой субстанции и воплотиться на земле, но, вместе с тем, она была слишком слаба, чтобы противостоять люциферическому влиянию. Последнее вошло в человечество, распространив свое влияние в астральном теле этой человеческой четы; следствием этого явилась невозможность передать через кровь потомкам все силы, приобретенные Адамом и Евой. Физическое тело должно было размножаться через поколения, но от эфирного в ходе человеческого развития нечто должно было быть удержано, так как люди "вкуснули от древа познания добра и зла", т. е. от того, что проистекало от люциферического влияния; поэтому было сказано: "Теперь мы должны лишить их возможности вкушать от древа жизни", - т. е. ныне известная сумма сил эфирного (жизненного) тела должна быть удержана. Эти силы более не передаются потомкам. Итак, в Адаме была некая сумма сил, отнятая у него после грехопадения. Эта еще невинная часть Адама была сохранена в великой Материнской Ложке человечества и всячески там лелеялась и пестовалась. Это и была, так сказать, душа Адама, еще не затронутая человеческим грехом, еще не погрязшая в том, что привело к падению. Эти первоначальные силы индивидуальности Адама тщательно сохранялись. Эти-то силы как временное Я были направлены в Ребенка Иосифа и Марии. Поэтому уже в первые годы жизни в Нем были заключены силы прародителей человечества.

О, эта душа была задержана на очень юной ступени. Она не была проведена через ряд разнообразных воплощений; она была задержана на ступени, оставшейся далеко позади от остального человечества, точно так же, как когда мы в нашем гипотетическом воспитательном опыте искусственно задерживали развитие ребенка. Кто же воплотился в Ребенке Иосифа и Марии? Прародитель человечества - "древний Адам" - родился "новым Адамом". И это знал уже Апостол Павел* (* Кор. 15, 45). за словами которого скрывается эта истина. Это знал также и Евангелист Лука - ученик Павла. Потому-то он говорит об этом совершенно особым образом. Он знал, что необходимо нечто особое, чтобы внедрить эту духовную субстанцию в человечество: что необходимо кровное родство, вплоть до Адама. Поэтому он сообщает родословную Иосифа, ведущую к Адаму, который происходит непосредственно из духовного мира; эта истина о том, что Адам происходит от Бога, выражена у Луки словами: "Сын Божий".

Итак, родословная у Луки восходит к Богу* (* Лк. 3, 23-38). За этой родословной скрывается глубокая тайна: общая кровь должна была излиться через поколения и сохраниться в своей непрерывности, вплоть до позднейшего потомка, дабы, когда исполнятся времена, на потомков мог быть излит и дух.

Таким образом, этот бесконечно юный, не затронутый никакими земными судьбами дух, эта молодая душа, силы которой надо искать еще в древней Лемурии, была соединена с телом, рожденным от Иосифа и Марии. Лишь один этот дух был достаточно силен, чтобы целиком просиять свой астральный материнский покров и, сбрасывая его, передать ему силы для плодотворного соединения с Нирманакайя Будды.

Что же говорит нам описывающее Иисуса из Назарета Евангелие от Луки? Во-первых, оно изображает нам человека, физическое тело которого было в кровном родстве с Адамом и происхождение которого восходит вплоть до времени, когда некая человеческая чета, воплотившись на обезлюдившей земле, спасла все человечество. Затем оно описывает нам, всецело придерживаясь точки зрения реинкарнации, воплощение души, которая дольше всех ожидала этой возможности воплощения. Душу Адама до грехопадения, душу, которая ждала дольше всех, находим мы в Ребенке Иисусе. Как ни фантастично звучит это для современного человечества, но мы должны сказать, что индивидуальность, исшедшая из великой Материнской Ложи человечества и воплотившаяся в ребенке Иисусе, происходила не только физически от древнейшего человеческого рода, но и вообще была перевоплощением первого члена человечества. Теперь мы знаем, кого увидел в храме Симеон. Это был "Сын Божий", как его именует Евангелие от Луки. Не о современном человеке говорит автор последнего; он говорит о перевоплощении древнейшего кровного прародителя всего человечества.

Подводя итоги, мы должны теперь сказать следующее: В VI -V вв. до н. э. в Индии воплотился Бодхисатва, имевший миссию дать человечеству ту истину, которая все снова будет рождаться среди людей. Он дал человечеству соответствующий импульс и, став Буддой, перестал нуждаться в земных воплощениях. Отныне он проявляется уже не ниже эфирно-астрального мира - в теле преображения, в Нирманакайя. Пастухи, сделавшиеся на мгновение ясновидящими, чтобы воспринять то, что им возвещалось, увидели его в образе "небесного воинства". Он парит над ребенком Иосифа и Марии, и то, что он парит именно над этим ребенком, имеет особое значение. То, что было даровано человечеству Буддой, было заключено в очень зрелую форму, было трудно понимаемо, стояло на большой духовной высоте. Для того, чтобы оно стало широко плодотворным, в то, что было даровано Буддой, должна была влиться совершенно свежая,

юная сила. И эту силу Будда должен был взять у Земли, склонившись над тем Ребенком, от астрального покрова Которого он мог воспринять эти юные силы. Он знал, что происхождение Ребенка, прошедшего длинный ряд человеческих поколений, связанных кровью, восходило вплоть до праотца человечества, до древне-юной души лемурийской эпохи. Зная все это, Будда понимал, что в новорожденном Иисусе воплотился новый Адам. Это Младенец, бывший материнской душой всего человечества, душой, сохранившей свою юность на протяжении всех эпох, жил, пронизывая своими свежими силами свой астральный покров, который позднее должен был соединиться с Нирманакайя Будды.

Но это еще далеко не все факты, путем которых мы можем постигнуть удивительную Палестинскую мистерию; это лишь одна ее сторона. Теперь мы знаем, Кто родился в Вифлееме во время путешествия туда Иосифа и Марии и Кто был там возведен пастухам. Но это еще не все. В начале нашей эры произошло особенно много чрезвычайных, значительных событий, дабы осуществилось величайшее событие в эволюции человечества. Чтобы сделать понятным то, что постепенно подведет нас к пониманию этого великого события, обратим внимание еще на следующее.

В древнееврейском народе существовал род Давида. Все те, кого мы называем "потомки Давида", имели одного общего предка - царя Давида. Из Библии мы знаем, что Давид имел двух сыновей - Соломона и Натана* (* 2 Царств, 5, 14). Таким образом, от него произошли две ветви: соломоновская и натановская. Опустив все промежуточные ступени этих поколений, можно сказать: в начала нашей эры в Палестине существовали потомки как соломоновской, так и натановской линии Давида. В Назарете жил один из потомков натановской линии по имени Иосиф. Женою его была некая Мария. В Вифлееме же жил потомок Давида по соломоновской линии, носивший то же имя Иосифа. В том, что тогда жили два человека из рода Давида, по имени Иосиф, женатые на двух женщинах, носивших по Евангелию имя Марии, нет ничего удивительного. Итак, в исходный момент нашей эры в Палестине существовали две родительские четы, причем обе носили одинаковые имена - Иосифа и Марии. Одна из них происходила из соломоновской линии, то есть из "царственной" линии, другая же, жившая в Назарете, - из натановской, т. е. "священнической" линии. Эта последняя и родила того Ребенка, о котором мы говорили, что он имел такой астральный материнский покров, который мог быть воспринят Нирманакайя Будды. Родительская чета натановской линии отправилась ко времени рождения младенца из Назарета в Вифлеем для переписи (Лк. 2, 4 - 5). Все изложенное явствует из родословной Евангелия от Луки.

Другая же родительская чета первоначально жила вовсе не в Назарете, а в Вифлееме, что и описывается автором Евангелия от Матфея (Мф. 2, 1). Евангелия описывают всегда только истину, надо не мудрствовать, а лишь

принимать Евангелие буквально, и люди придут через антропософию снова к буквальному пониманию Евангелий.

У родителей соломоновской линии тоже родился ребенок с именем Иисус. В теле этого ребенка была также воплощена могучая индивидуальность, но она имела совершенно иную задачу. Поистине велика мудрость мира! Этот ребенок не был призван дать своему астральному покрову юные силы; его задачей было дать человечеству то, что в состоянии дать зрелая душа. Силами, в задачу которых это входило, этот ребенок был образован так, чтобы в нем могла воплотиться индивидуальность, которая некогда известила в Персии об Ауро Маздао, отдавшая свое астральное тело Гермесу, а эфирное - Моисею и появившаяся затем в Халдее как великий учитель Пифагора Заратос, или Назаратос, великий учитель в древней Халдее - индивидуальность Заратустры. "Я" Заратустры было вновь воплощено в ребенке, о котором нам в Евангелии от Матфея рассказывается, что он родился от Иосифа и Марии, происходивших от царя Соломона и живших первоначально в Вифлееме.

У Матфея мы находим одну часть истины, у Луки - другую. И оба Евангелия должны быть приняты буквально, ибо мировая истина сложна. Мы знаем теперь, кто родился у потомков священнической линии дома Давида, мы узнали также, что у потомков царственной линии родилась индивидуальность, действовавшая раньше под именем Заратустры в Персии и основавшая там магию древнего Персидского царства, царственную магию. Так жили друг подле друга две индивидуальности: юный Адам в ребенке натановской линии и Заратустра в ребенке царственной линии дома Давида.

Как это происходило и для чего, и каково было их дальнейшее развитие - об этом мы скажем в следующем докладе.

ПЯТЫЙ ДОКЛАД. Базель, 19 сентября 1909 г.

Каждое из великих духовных течений человечества, проложившее себе путь в мире, имеет свою особую миссию. Они кажутся нам разъединенными друг от друга, ибо они отдельно проходят через известные эпохи. В действительности же, они пересекаются между собой самым разнообразным образом и оплодотворяют друг друга. Такое великое, мощное слияние духовных течений в человечестве проявляется особенно ярко в палестинском событии. Ведь наша задача - провести это событие перед своей душой с наибольшей ясностью. Но пути мировоззрений проходят не так, как это можно себе представить абстрактно: будто бы они носятся в воздухе и затем сливаются в одной точке. В действительности, мировоззрения проявляются через существа, через индивидуальности. Впервые выступающее

мировоззрение должно быть принесено некой индивидуальностью. Там, где сливаются взаимно оплодотворяющиеся духовные течения, там, в носителе их, должно происходить нечто особенное.

Возможно, что многим из слушателей прошлого доклада показалось сложным то, как встретились в палестинском событии духовные течения Будды и Заратустры. Если говорить об этом событии лишь абстрактно, не подходя к нему конкретно, то нам надлежало бы лишь показать, как связываются воедино оба эти духовные течения. Но перед антропософами лежит задача не только указать на носителей этих двух мировоззрений, но также и на то, что, собственно, в этих носителях имеет место быть, ибо мы должны все более переходить от абстрактного к конкретному. Поэтому не надо удивляться, что там, где произошло нечто великое, мощное, явилась также и великая внешняя сложность фактов; что буддизм и зороастризм не могли так просто слиться, а что это подготавливалось медленно и постепенно.

Таким образом, мы видим, как буддизм излился и действовал в личности, родившейся от Иосифа и Марии - потомков Давида по натаповской линии, описанной в Евангелии от Луки. С другой стороны, мы имеем другую чету: Иосифа и Марию с их ребенком Иисусом, происходившую от Давида соломоновской линии, жившую первоначально в Вифлееме и описанную в Евангелии от Матфея. Мальчик Иисус из соломоновской линии был носителем индивидуальности Заратустры. Итак, в начале нашей эры мы находим проявленными в двух реальных индивидуальностях оба течения: буддизм, каким он описан в Евангелии от Луки, и зороастризм, каким оно описано в Евангелии от Матфея. Моменты рождения этих двух мальчиков не совсем совпадают. Того, что я излагаю в настоящем докладе, в Евангелиях нет, но вы поймете последние именно тогда, когда узнаете нечто из Акаша-хроники. Причины и следствия того, о чем я сейчас говорю, выражены в Евангелиях достаточно ясно, но прямо об этом в них не говорится. Вспомним конец Евангелия от Иоанна, который в полной мере относится и к остальным Евангелиям: "Многое и другое сотворил Иисус, но если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг" (Ин. 21, 25). Кроме того, откровения, полученные человечеством путем христианства, вовсе не таковы, чтобы их можно было подытожить, занести в книгу и дать миру как нечто вполне законченное. Истинны слова: "Я с вами во все дни, до конца Земли" (Мф. 28, 20). Христос здесь, с нами, не мертвый, а вечно живой. И те, духовные очи которых открыты, могут непрестанно познавать от Него то, что Он желает передать человечеству. Христианство есть живое духовное течение, и его откровения будут длиться до тех пор, пока люди в состоянии будут их воспринимать. Так и сегодня будут упомянуты некоторые факты, которые можно отыскать в Евангелиях только по их результатам, но сами они там не приводятся. Но вы можете проверить их на любых внешних фактах, и они подтвердятся.

Итак, всего несколько месяцев отделяют друг от друга моменты рождения обоих мальчиков Иисусов. Иисус Евангелия от Луки, а также Иоанн Креститель родились позже "Вифлеемского избиения младенцев". Задумывались ли вы над тем, читая об этом избиении, как объяснить тогда существование Иоанна? Эзотерические факты таковы, что несмотря ни на что вы находите их подтверждение. Ведь Иисус Евангелия от Матфея был увезен родителями в Египет, и вскоре после этого - или даже в это самое время - родился Иоанн Креститель. Согласно обычным воззрениям, он остается в Палестине, где его должно было застать устроенное Иродом избиение и он должен был умереть. Ибо, если тогда действительно были убиты все дети младше двух лет, то в их числе должен был быть убит и Иоанн. Если принять во внимание факты, содержащиеся в Акаша-хронике, то станет ясно, что события в Евангелии от Матфея и события в Евангелии от Луки не совпадают во времени и что Натанов Иисус родился уже после избиения младенцев. Также и Иоанн. Несмотря на то, что между рождениями двух Иисусов лежит промежуток лишь в несколько месяцев, этого было достаточно для того, чтобы Натанов Иисус избежал этого избиения.

Таким же образом, исходя из более интимных фактов, вы научитесь постигать Иисуса Евангелия от Матфея. В этом мальчике воплотился Заратустра, давший персидскому народу учение об Аура Маздао - великом солнечном существе. Мы представляем себе это Существо как духовно-душевную часть того, физической частью чего является наше видимое физическое солнце. И Заратустра говорил: "Вы видите в солнце лишь физически сияющее светило, тогда как вы должны видеть в нем то могущественное Существо, которое посылает на землю свои духовные благодетельные влияния, как физическое солнце посылает на землю свет и тепло". Заратустра возвестил Персии Аура Маздао, или Христа, как Его назвали позже; он возвестил Его как Существо, еще не переместившееся на землю; Заратустра мог лишь указать на солнце и сказать: "Там, в небесной выси, живет Он, постепенно приближаясь к земле, и наступит некогда момент, когда Он будет жить на ней, воплощенный в физическом теле".

Здесь перед нами предстает великое важное различие между учениями Будды и Заратустры. До тех пор, пока они были разъединены, между ними существовало глубокое различие, но в момент слияния их в палестинском событии различие это сглаживается и оба учения обновляются.

Учение Будды мы изложили как "восьмичленный путь", как то, что должно было стать внутренним содержанием человеческой души, если она хотела противостоять дурному действию кармы. То, что дал миру Будда, это было то, что человек в ходе времени должен был выработать из своего настроения и морали как сострадание и любовь. В факте проявления сущности Бодхисатвы в Будде лежит единственный в своем роде момент. Если бы

этого тогда не случилось, если бы Бодхисатва не проявился вполне в теле великого Гаутамы Будды, то в душе каждого человека не могло бы возникнуть то, что мы называем законом, дхармой, и что может быть развито лишь изнутри, когда человек исключает свое астральное содержание, чтобы освободиться от дурного действия кармы. Это прекрасно показано в легенде о Будде, где говорится о том, что он "вращает колесо закона". От просветления Бодхисатвы до степени Будды через все человечество действительно прошла волна, и следствием этого было то, что отныне люди сами из собственной души могут развивать "дхарму", могут подниматься все выше и выше, вплоть до глубины "восьмичленного пути". И истоки этого лежат в том моменте, когда Будда впервые развил свое учение, долженствовавшее лечь в основу нравственного настроя земного человека.

Это и было заданием того Бодхисатвы. Каким образом отдельные задания распределяются между великими индивидуальностями, мы понимаем лишь тогда, когда находим в первоначальном буддизме великим и могучим все то, что переживает человек в своей собственной душе как некий великий идеал. Проповеди Будды содержат в себе идеал человеческой души, понятие о том, что такое человек и чем он может стать. Но здесь и проходят границы этой индивидуальности. В буддизме все внутреннее; в нем все касается человека и его развития, и в подлинном первоначальном буддизме мы не найдем того, что можно назвать "космологическим учением" и что было принесено в него позже. Ведь все должно быть соразмерным. Истинной миссией Бодхисатвы было именно принести людям учение о внутреннем - истонном человеческой души. В некоторых проповедях Будда избегает даже говорить что-либо важное о космических связях. Его проповеди таковы, что, когда человеческая душа отдается их воздействию, она становится все лучше. В буддизме человек рассматривается как "существо-в-себе" и не обращает внимания на великое материнское лоно вселенной, из которого он вышел. Поэтому учение Будды, правильно понятое, так тепло воздействует на человеческую душу; это воздействие и было особенностью миссии Будды. Вот почему это учение, выступающее обновленным в Евангелии от Луки, пронизывает погружающуюся в него душу такой теплотой внутреннего чувства.

Совсем иное, противоположное задание имела индивидуальность Заратустры, воплощенная в древнеперсидском народе. Заратустра учил Богу вовне, учил духовно постигать великий космос и духовно пронизать его. Направляя свой взор на внутреннее, Будда говорил: "Когда человек развивается, то из неведения постепенно выступают шесть органов", - обозначаемые нами как пять органов чувств и Манас. Но все то, что есть в человеке, родилось из великого мира. Мы не имели бы глаз, воспринимающих свет, если бы свет не образовал последних в организме. "Глаз создан светом для света", - сказал Гете (* См. "Набросок учения о свете. Дидактическая часть. Вступление": "Глаз возник благодаря свету. Из

безразличных животных вспомогательных органов свет вызывает орган, равнозначный себе, и так строится глаз светом для света, дабы внутренний свет встречал внешний"). И это глубокая истина. Из безразличных органов, которыми обладало человеческое тело, свет образовал глаз. Точно так же строят в человеке все духовные силы мира. Все, что есть в нем как внутреннее, - образовано первоначально божественно-духовными силами. Поэтому всему внутреннему соответствует внешнее. Силы, заключающиеся в человеке, пришли извне. И заданием Заратустры было указать на внешнее, на окружение человека. Поэтому он говорил, например, об Амшаспандах, о великих гениях, из которых он упоминает первых шесть (в действительности их двенадцать, но остальные шесть скрыты). Эти Амшаспанды действуют на человека извне организующим образом как создатели и строители человеческих органов. Заратустра указывал на то, что за чувственными органами человека стоят их творцы. Он указывал на великих гениев, на силы, находящиеся вне нас. Напротив того, Будда указывал на силы, скрытые в человеческом существе. Далее Заратустра указывал на силы и сущности, стоящие ниже Амшаспанд, на 28 Изардов, или Изед, которые тоже извне действуют на человека, работая совместно над его внутренней организацией. Итак, Заратустра указывал на духовное в космосе, на внешние взаимосвязи. И в то время как Будда указывал на собственно мыслительную субстанцию, откуда восходят в человеческой душе мысли, Заратустра указывал на Фарохаров, или Фэруеров, или на Фрававршайев, на окружающие нас, рассеянные повсюду мировые творческие мысли. Ибо все, что мыслится человеком, содержится во внешнем мире. Таким образом, Заратустра должен был возвестить мировоззрение, которое стремилось к постижению, к анализу внешнего мира. Он должен был дать персидскому народу мировоззрение, при котором была необходима внешняя деятельность, переработка внешнего мира. Миссия Заратустры была созвучна с характерными особенностями древнеперсидского народа. Ему было поручено внести энергичность и практичность во внешней деятельности в мире, даже если поначалу они выражались в отталкивающей для современного человека форме. Его миссией было родить в человеке энергичность, практичность и уверенность во внешней деятельности путем познания того, что он покоится в лоне божественно-духовного мира. Заратустра должен был так повлиять на человека, чтобы тот мог сказать себе: "Ты не один во вселенной; находясь в пронизанном духовностью космосе, ты составляешь часть мира богов и духов; ты рожден из духа и пребываешь в нем; с каждым вздохом ты впитываешь в себя божественный дух, выдыхая, ты приносишь жертву великому духу". Поэтому посвящение Заратустры, соответствующее его миссии, должно быть иным, чем посвящение других великих миссионеров человечества.

Вспомните теперь, что должна была совершить индивидуальность, воплощенная в Заратустре. Она достигла такой высоты развития, что могла позаботиться о следовавшей за древнеперсидской культурой египетской

культуре. Заратустра имел двух учеников: первый позже стал известен как египетский Гермес, второй - как Моисей. И когда обе эти индивидуальности снова воплотились в человечестве для последующих деяний, то астральное тело Заратустры, принесенное им в жертву, воплотилось в Гермесе. В египетском Гермесе мы должны видеть перевоплощение астрального тела Заратустры. Заратустра пожертвовал свое астральное тело Гермесу для того, чтобы все, что воспринял в себя Заратустра в смысле познания внешнего мира, могло вновь быть явлено во внешнем мире. Моисею же было передано эфирное тело Заратустры, так как с эфирным телом связано все то, что развивается во времени; Моисей, узнав тайну своего эфирного тела, мог переживать в великих, могучих образах события прошлого в той форме, в какой мы находим их в книге Бытия. Таким образом, Заратустра мощью своей индивидуальности действовал далее в развитии человечества, вдохновляя и влияя на египетскую культуру и на вышедшую из нее древнееврейскую культуру.

Но и Я такой индивидуальности как Заратустра также призвано к великим свершениям. Я Заратустры неоднократно воплощалось в других личностях, ибо подобная, столь высокоразвитая индивидуальность может, отдав кому-либо свои эфирное и астральное тела, заново освящать себе астральное тело и укреплять эфирное. Таким образом, родившись вновь в 600 г. до Р. Х., Заратустра появляется в Халдее под именем Заратоса, или Назаратоса. Он был руководителем Халдейской тайной школы и учителем Пифагора. Он достиг великого, могучего проникновения во внешний мир. Погружаясь с истинным пониманием в халдейскую мудрость, что возможно только через антропософию, а не антропологию, мы получаем понятие о том, чему учил Заратустра как Заратос в тайных школах древней Халдеи.

Все, чему Заратустра учил и что даровал миру, было направлено на внешний мир для того, чтобы внести в него порядок и гармонию. Потому на него также была возложена миссия даровать миру искусство образовывания и организации государства, ибо это соответствовало поступательному движению человечества и делало возможным социальное строительство. Потому ученики Заратустры могут быть с полным правом названы не только великими магами и великими посвященными, но и царями, т. е. людьми, посвященными в искусство установления внешней социальной организации и порядка.

В халдейских школах развилась огромная привязанность к индивидуальности - но не к личности - Заратустры. Эти мудрецы Востока чувствовали себя сродни с их великим вождем. Они видели в нем "звезду человечества", и "Зороастр" означает в переводе "золотая звезда" или "звезда сияния". В нем они видели отблеск самого солнца. От их глубокой мудрости, конечно, не могло укрыться новое воплощение их учителя в Вифлееме. Они отправились туда, ведомые своей "звездой", и принесли ему внешние знаки

того лучшего, что он дал людям. Самое лучшее, что было даровано людям учением Заратустры, это было познание о внешнем мире, о тайнах космоса, воспринятое в человеческое астральное тело в чувствах, ощущениях и воле. Ученики Заратустры хотели пропитать свои мысли, чувства и волю, все силы своей души той мудростью, которая изливалась из глубочайших подоснов божественно-духовного мира. Символами такого познания, впитанного из предельных тайн, являлись золото, ладан и смирна. Золото было символом мышления, ладан - благоговения, пронизывающего нас как чувство, и смирна - силы воли. Так ученики Заратустры проявили взаимосвязь со своим учителем, возродившемся в Вифлееме. Поэтому автор Евангелия от Матфея передает нам точные факты о том, как мудрецы, среди которых учил Заратустра, узнав о его новом воплощении, выразили посредством трех символов - золота, ладана и смирны - то лучшее, что он даровал им, выразили свое сродство с ним (Мф. 2, 11).

Итак, Заратустра получил возможность могущественно действовать в облике Иисуса из соломоновской линии дома Давида для того, чтобы вновь в обновленной форме даровать человечеству то, что он давал ему раньше. Для этого он должен был собрать все силы, которыми он обладал. Поэтому он и не мог войти в тело, происходившее из священнической линии дома Давидова, а должен был родиться именно в Иисусе, происходившем от царской линии дома Давида. Тем самым в Евангелии от Матфея выражено сродство списков царей в древней Персии с генеалогией Младенца, в котором воплотился Заратустра. На это событие всегда указывали древние книги мудрости Передней Азии. Тот, кто действительно понимает эти мудрые книги, тот читает их совершенно иначе, чем тот, кто не знаком с истинными фактами и потому все смешивает. В Ветхом Завете мы имеем, например, два пророчества: одно - в апокрифе Еноха, которое более указывает на натановского Мессию из священнического рода, и другое - в псалмах, говорящее о Мессии из царского рода. Все, что высказано в подобных книгах, согласуется вполне с фактами, воспринимаемыми нами из Акаша-хроники. Все то, что было некогда в Заратустре как его силы, все это должно было теперь слиться воедино. Он отдал египетской и древнееврейской культуре - Гермесу и Моисею - все то, что было в его астральном и эфирном телах, и теперь он должен был соединиться с этим вновь. Он должен был как бы вернуть себе из Египта все силы своего эфирного тела. И здесь перед нашими глазами разворачивается глубокая тайна: Иисус соломоновской линии дома Давида, т. е. перевоплотившийся Заратустра, должен был быть привезен в Египет, и Он действительно туда направляется, ибо там находятся силы, истекшие из его астрального и эфирного тел, силы, отданные Им сначала Гермесу, а потом Моисею. Некогда они воздействовали на египетскую культуру, и теперь он должен был постепенно вобрать в себя силы, отданные им этой культуре. Оттого-то и произошло "бегство в Египет", духовный смысл которого состоял в том, чтобы вобрать в себя те силы, в которых он теперь нуждался, чтобы в

обновленном виде передать людям все то, чему он учил человечество в прежние времена.

Итак, мы видим, что вифлеемский Иисус, родители которого ранее постоянно жили в Вифлееме, совершенно верно описан евангелистом Матфеем. Лука же рассказывает, что родители его Иисуса, постоянно проживавшие в Назарете, отправились в Вифлеем на перепись и что в это короткое время там родился Иисус, после чего родители возвратились снова в Назарет. В Евангелии от Матфея только указывается на то, что Иисус родился в Вифлееме и что Он должен был быть приведен в Египет, и лишь после возвращения из Египта родители его поселились в Назарете для того, чтобы Иисус, являвшийся перевоплощенным Заратустрой, был вблизи другого духовного течения, представлявшего буддизм. Так фактически были сведены эти два мировоззрения. Там, где Евангелия становятся особенно глубокими, они раскрывают нам факты во всей их сложности и глубине. Посвященные в тайны бытия люди знали, что все то, что зависит от воли и силы, от "царственного" элемента - употребляя это выражение в техническом смысле, - передается во внешнем наследовании через отцовский элемент. То же, что связано с внутренним элементом, с мудростью и внутренней живостью духа, - это передается через материнский элемент. Эту истину вы найдете часто подтвержденной в мире. Гете, глубоко заглядывавший в тайны бытия, указывает на эти связи в таких словах:

В отца пошел суровый мой

Уклад, телосложение;

В мамашу - нрав всегда живой

И к рассказням влеченье.*

(* "Кроткие Ксении" VI, 32. (Пер. Д. Недовича)).

Это истина, которая столь часто подтверждается в мире. Стан, внешний облик и то, что непосредственно выражается во внешнем облике, серьезное отношение к жизни, все то, что связано с характером, - все это наследует человек от отцовского элемента. Соломонов Иисус должен был прежде всего наследовать от отцовского элемента силу, ибо его извечной миссией было низведение в мир того, что озаряет мир в пространстве божественными силами. Это чудесно выражено в Евангелии от Матфея. И факт воплощения в мир особенной индивидуальности был возведен из духовных миров именно отцу Иосифу, а не Марии (Мф. 1, 20 - 21). За всем этим скрыты величайшие истины; эти вещи не следует воспринимать как нечто случайное. К Иисусу же натаповской линии перешли внутренние качества, передаваемые по наследству от матери. Поэтому Иисус Евангелия от Луки должен был быть

возвещен матери, что мы и находим в Евангелии от Луки (Лк. 1, 26 - 38). Так глубоко запечатлены события в религиозных источниках.

Но и во всех остальных описаниях в евангельских событиях выражены совершенно особые вещи. Человечеству должен был явиться предтеча Иисуса из Назарета - Иоанн Креститель. Приблизиться к индивидуальности Крестителя мы сможем только в ходе времени. Возьмем его сперва таким, каким он описан в Евангелиях: как возвещающий Того, Кто должен прийти в Иисусе. Он возвещает это, когда с беспредельной мощью возвещает то, что заключено во внешнем законе, в старых провозвестиях. Иоанн Креститель стремится внушить человечеству, чтобы оно держалось закона, т. е. того, что существует издревле, и что люди уже забыли, того, что уже созрело, и на что люди уже не обращают более внимания. Поэтому он должен был, прежде всего, обладать силой, свойственной зрелой, даже перезрелой душе, родившейся в мире. Он рождается от старой родительской четы, и так как у подобных родителей страсти и вожделения не играют роли, то его астральное тело с самого начала, наперекор всем силам, влекущим человека вниз, было совершенно чисто и просветлено. Это еще одна глубокая истина, явленная нам в Евангелии от Луки (Лк. 1, 18). Об этой индивидуальности заботились в великой Материнской Ложке человечества. А там, где духовными процессами руководит великий Ману, там духовные потоки направляются всегда туда, где в них нуждаются. Я, подобное Я Иоанна Крестителя, рождается в человеческом теле под руководством великой Материнской Ложки человечества - центра земной духовной жизни. Я Иоанна происходило из того же центра, из которого изошло душевное существо Младенца Иисуса Евангелия от Луки, но Иисусу было передано больше свойств, еще не пронизанных сделавшимся эгоистичным Я, т. е. молодая душа была направлена туда, где должен был воплотиться возрожденный Адам.

Вам покажется странным, что из великой Материнской Ложки человечества могла быть, из некоего центра направлена душа без настоящего выработанного Я. Ибо то самое Я, которого, в сущности, был лишен Иисус Евангелия от Луки, осеняет тело Иоанна Крестителя; и эти обе сущности - то, что живет как душевное существо в Иисусе Евангелия от Луки, и то, что как Я живет в Иоанне Крестителе, - с самого начала имеют некую внутреннюю связь. При развитии человеческого зародыша в теле матери Я обычно соединяется с остальными членами человеческого существа на третьей неделе, но деятельность свою оно начинает лишь в последние месяцы перед рождением. Лишь тогда впервые Я делается внутренней движущей силой. И в обыкновенном случае, когда Я, приводя в движение человеческий зародыш, действует обычным образом, мы имеем дело с Я, происходящим из прежних воплощений. В рассматриваемом же случае с Иоанном Крестителем мы имеем дело с Я, находящимся в связи с душевным существом натовского Иисуса. Поэтому-то в Евангелии от Луки мать Иисуса направляется к матери Иоанна, находящейся на шестом месяце беременности, ибо то, что

стимулируется обычно посредством собственного Я в собственной личности здесь совершается посредством другого человеческого зародыша. Ребенок Елизаветы пришел в движение при приближении к нему женщины, несшей в себе Иисуса, ибо в этом последнем было Я, которое должно было возбудить его (Лк. 1, 39 - 44). Так глубока была связь между Тем, Кто должен был осуществить слияние обоих духовных потоков, и тем, кто должен был возвестить Его миру.

В начале нашей эры действительно произошло нечто чрезвычайно величественное. Люди, стремясь к известному умственному удобству, не желая обременять себя многочисленными понятиями, предпочитают обычно совершенно "простые" истины; но величайшие истины доступны лишь ценою величайшего напряжения духовных сил. Если для того, чтобы описать какую-либо машину, человек должен делать значительные усилия, то нельзя требовать, чтобы величайшие истины были в то же время простейшими. Истина велика и потому она бесконечно сложна. Мы должны напрягать все наши духовные силы, чтобы постигнуть те истины, которые связаны с палестинским событием. Не следует возражать против сложности всех этих вещей; они изображены такими, каковы они в действительности, а таковы они потому, что здесь мы имеем дело с величайшим событием земного развития.

Таким образом, мы видим подрастающими двух детей Иисусов: один из них - сын натановских родителей; он был рожден от молодой матери (на древне-еврейском употребляют слово "альма"), ибо Тот, Который должен был действовать как юная душа, должен был родиться от совершенно юной матери. По возвращении из Вифлеема в Назарет эти родители жили вместе с сыном, других детей у них не было. Эта мать была предназначена быть матерью лишь одного Иисуса. Затем мы имеем чету других родителей из Соломоновой линии. Они после возвращения из Египта поселились в Назарете, где у них родилось еще несколько детей, упоминаемых в Евангелии от Марка: Симеон, Иуда, Иосия, Иаков и две сестры (Мф. 6, 3). Мальчики Иисусы подрастали. Ребенок, таивший в себе индивидуальность Заратустры, развивал в себе, чрезвычайно быстро созревая, те силы, которые могли быть развиты такой могучей индивидуальностью. В теле другого Иисуса действовала индивидуальность иного рода, и важнейшей в ней была Нирманакайя Будды, покоившаяся на этом ребенке. Поэтому сказано: когда родители возвратились из Вифлеема, "Младенец возрастал и укреплялся духом, исполняясь мудрости" (Лк. 2, 40), т. е. его эфирное тело пронизывалось мудростью, и "благодать Божья была на Нем". Но этот ребенок рос так, что обыкновенные человеческие способности, касательно понимания и познания внешнего мира, развивались в нем чрезвычайно медленно. Филистер назвал бы такого ребенка "отстающим", если бы обратил внимание лишь на силы понимания и познания внешнего мира. В этом ребенке развивалось именно то, что струилось из осенявшего его

Нирманакайя Будды. В нем развивалась такая глубина внутреннего чувства, какая несравнима ни с чем в мире. В этом мальчике, развивалась особенная глубина чувства, необычайно действовавшая на все окружение. Итак, в натановском Иисусе возрастало глубоко чувствующее существо, в соломоновском же - существо чрезвычайной зрелости, с глубоким миропониманием.

Матери натановского Иисуса, этого глубоко чувствующего ребенка, было сказано нечто знаменательное. Когда Симеон предстал перед новорожденным и увидел осиянным того, кого он не успел увидеть Буддой в Индии, он предсказал то великое и могучее, что должно было ныне случиться. Он произнес также знаменательные слова: "И Тебе Самой меч пронзит душу" (Лк., 2, 35), - эти слова касаются именно того, что мы стремимся понять сегодня.

Оба мальчика подрастали при непосредственном соседстве и дружественном отношении родителей. Так развивались они приблизительно до двенадцатилетнего возраста. Перед тем, как натановскому Иисусу исполнилось двенадцать лет, его родители отправились в Иерусалим, "по обычаю", как сказано в Евангелии, чтобы принять участие в празднике Пасхи, взяв с собой и ребенка, как это было принято по отношению к детям, достигшим зрелости. В Евангелии от Луки есть чрезвычайно таинственный рассказ о "двенадцатилетнем Иисусе во храме". Там написано: Возвращаясь с праздника домой, родители заметили отсутствие мальчика; не найдя его среди спутников, они вернулись обратно и нашли его в храме среди великих учителей, пораженных его мудростью (Лк. 2, 41 - 50).

Что же здесь произошло? Спросим об этом непреходящую Акаша-хронику. Явления мира не так просты. То, что случилось здесь, происходит в мире, но иначе. Бывает, что индивидуальность на известной ступени своего развития нуждается в перемене условий, которые были ей даны с самого начала. И происходит следующее: человек, достигший известного возраста, вдруг впадает в обморочное состояние и делается точно мертвый. В этом случае происходит превращение: его собственное Я покидает его тело, и другое Я занимает его место, в теле. Подобное переселение Я имеет место и в других случаях, которые знакомы каждому оккультисту. В настоящем случае с двенадцатилетним Иисусом произошло следующее: Я Заратустры, пользовавшееся телом соломоновского Иисуса, дабы достичь вершин своего времени, вышло из этого тела и вошло в тело натановского Иисуса, который с этого момента выглядел совершенно изменившимся. Родители его не узнавали и не понимали его речей. Ибо теперь в натановском Иисусе говорило вошедшее в него Я Заратустры. Это было моментом соединения Нирманакайя Будды со сброшенным астральным покровом натановского Иисуса, и это было моментом слияния Я Заратустры с натановским Иисусом. Отныне Я Заратустры жило в натановском Иисусе. И этого Ребенка,

преобразившегося настолько, что его не могли понять родители, привели они домой из Иерусалима.

Немного времени спустя умерла мать этого Иисуса. Мы увидим позже, что этот факт смерти матери и сиротства указывает на некую особенно глубокую связь. Другой ребенок после того, как его оставило Я Заратустры, не мог жить далее при обычных условиях. Иосиф соломоновской линии - его отец - умер еще раньше, а мать соломоновского Иисуса со своими остальными детьми была принята в дом натановского Иосифа. Итак, Заратустра вновь в той семье, в которой был воплощен, за исключением отца. Таким образом, обе семьи слились в одну, и мать тех детей - их можно назвать братьями и сестрами натановского Иисуса, ибо по Я они действительно его братья и сестры - жила в доме натановского Иосифа с Иисусом, который, однако, по месту своего рождения телесно происходил из Назарета.

Итак, мы конкретно увидели слияние учений Будды и Заратустры. Ибо тело, в котором жило зрелое Я - душа Заратустры, - могло воспринять и слиться с тем, что стало вследствие того, что Нирманакайя Будды восприняло сброшенный астральный покров натановского Иисуса. Отныне мы видим одну подрастающую Индивидуальность - "Иисуса из Назарета", несущую в себе Я Заратустры, пронизанное и одухотворенное омоложенной Нирманакайя Будды. В душе Иисуса из Назарета мы видим живущим то, что было слиянием буддизма и зороастризма. Затем сравнительно рано умирает Иосиф натановской линии, и ребенок, носитель Заратустры, стал поистине круглым сиротой. Но круглым сиротой не по телесному происхождению, а по духу новоявленного Заратустры. По телесному происхождению его отцом являлся Иосиф из натановской линии, и по внешним признакам мир должен был таковым его признавать. Далее Лука точно передает нам некое событие, и мы должны буквально принимать его слова: "Когда же крестился весь народ и Иисус, крестившись, молился, - отверзлось небо и Дух Святой сошел на Него в телесном виде, как голубь, и был глас с небес, глаголющий: "Ты Сын Мой возлюбленный, сегодня я тебя зачал"

Иисус, начиная Свое служение, был лет тридцати. И теперь уже не говорится просто, что Он сын Иосифа, но "... и был, как думали, сын Иосифа" (Лк. 3, 21-33), ибо его первоначальное Я было воплощено в соломоновском Иисусе и, следовательно, по существу оно не имело отношения к натановскому Иосифу.

Итак, в Иисусе из Назарета мы имеем единое существо с великим, мощным содержанием, в котором соединилось все благодатное буддизма и зороастризма. Эта внутренняя сущность была позднее призвана к великому и могучему. С ней должно было случиться нечто совершенно иное, чем с теми, кого крестил Иоанн на Иордане. И позже мы увидим, что это внутреннее

должно было принять в себя на Иордане Христа. При этом бессмертное начало первоначальной Матери натановского Иисуса, спустившись в Мать соломоновского Иисуса принятой в дом Иосифа из натановской линии, совершенно преобразило ее и сделало вновь девственной; таким образом, душа той Матери, которую потерял Иисус, была дарована Ему вновь при крещении Иоанном. Эта оставшаяся при нем Мать носила, таким образом, в себе душу первой Матери, названной в Библии Благословенной Марией (Лк. 1, 28).

ШЕСТОЙ ДОКЛАД. Базель, 20 сентября 1909 г.

Нам станет относительно легко уяснить себе подробности Евангелия от Луки, если мы после предварительной проработки живо представим себе соответствующие существа и индивидуальности, если точнее узнаем, с кем именно мы в данном случае имеем дело. Поэтому мы не должны досадовать на обилие всевозможных предыстории. Прежде всего мы должны научиться познавать великий образ, стоящий в центре Евангелий, и всю сложность его существа, а также нечто другое, без чего мы никогда не смогли бы охватить того, что явлено нам во всей простоте в Евангелии от Луки. Мы должны вспомнить сказанное в последние дни о великом значении того единственного в своем роде существа, - Будды, - которое в пятом-шестом веке до нашей эры поднялось со ступени Бодхисатвы до Будды. Мы охарактеризовали, что это значит для человечества, и хотим еще раз, точнее поставить это перед нашей душой.

Содержание учения Будды должно было стать собственностью человечества. Оглядываясь на древние времена до появления Будды, мы можем сказать, принимая во внимание все эпохи развития человечества: в то время на всей нашей земле не было человека, который мог бы из себя самого открыть учение любви и сострадания, заключенное в "восьмичленном пути". Человеческое развитие еще не достигло столь высокой ступени, чтобы какая-либо душа могла путем погружения в собственные мысли и ощущения найти эти истины. Все в мире имеет свое начало, свое возникновение и причины. Каким образом, например, люди в прежние времена могли следовать правилам "восьмичленного пути"? Это было возможно лишь путем передачи этих правил, через излитие их из оккультных школ посвященными и провидцами. Внутри мистерий, внутри оккультных школ, подготовлявших провидцев, учил именно Бодхисатва, ибо в этих школах существовала возможность подниматься в высшие миры и воспринимать то, что не могло быть дано внешнему человеческому рассудку, поверхностной человеческой душе. В древние времена это должно было быть влито в остальное человечество теми, которые были причастны к благодати непосредственного общения с Учителями в оккультных школах. Независимо от того, могли ли

сами люди прийти к этим основам, но под влиянием посвященных жизнь должна была протекать в духе этих основ. Итак, люди, жившие вне мистерий, следовали до известной степени бессознательно тому, что давалось им из оккультных школ. На земле не было еще такого человеческого тела, организованного так, что даже если в нем было вобрано все духовное, дало бы человеку возможность найти изнутри себя самого содержание "восьмичленного пути". Это должно было быть откровением свыше, пришедшим соответствующим путем. Из этого следует, что такое существо, как Бодхисатва, не было в состоянии до появления на земле Будды вполне использовать человеческое тело. Оно не могло найти на земле такого тела, в котором можно было бы воплотить все способности, посредством которых оно должно было воздействовать на людей. Такого тела тогда не существовало. Что же было необходимо? Как же воплощается подобный Бодхисатва?

Бодхисатва не мог вполне воплотить того, что он представлял собою как духовное существо. Если ясновидчески наблюдать подобное одухотворенное Бодхисатвой тело, то видно, что последнее лишь частично заключает в себе существо Бодхисатвы и что его эфирное тело далеко выходит за пределы человеческого тела, сохраняя, таким образом, связь с духовным, которое Бодхисатва не вполне покидает. Он жил одновременно и в теле духовном, и в теле физическом, не вполне покидая духовного мира. И когда Бодхисатва впервые воплотился в таком теле, в которое он мог вполне погрузиться и в котором он мог развить свои способности, то этот момент и был переходом от Бодхисатвы к Будде. Бодхисатва являл миру такую человеческую форму, к которой стремились люди, желавшие ему уподобиться; этим путем они в самих себе находили учение о "восьмичленном пути" так же, как некогда Бодхисатва нашел его в себе под деревом Боддхи. Если бы проследили существо, воплотившееся в Будде, в его прежних воплощениях, то увидели бы, что раньше оно лишь частично погружалось в физическое тело, оставаясь другой своей частью в духовном мире. И лишь тогда, в пятом-шестом веке до нашей эры, имелся первый человеческий организм, в который мог целиком войти Бодхисатва и тем дать пример, как человечество само из нравственного строя человеческой души может найти "восьмичленный путь".

Факт существования подобных человеческих существ, пребывающих одной частью своего существа в духовном мире, был известен всем религиям и мировоззрениям. Они знали, что существуют такие существа, для которых человеческие тела были слишком тесны, чтобы вместить в себе всю индивидуальность такой сущности, долженствовавшей работать на земле. В малоазиатских мировоззрениях-подобный способ соединения высоких индивидуальностей с физическим телом называется "исполнением Святого Духа". Это совершенно определенное техническое выражение. О существе вроде Бодхисатвы, воплощенном на земле, говорили в принятом малоазиатском словоупотреблении, что он "исполнился Святого Духа", т. е.,

что силы, наполняющие подобную сущность, не вполне заключены в ней самой: на нее также должно воздействовать извне нечто духовное. Поэтому можно было бы сказать, что Будда в своих прежних воплощениях был исполнен Святого Духа.

Если мы уясним себе все это, то мы поймем также и то, что мы читаем в начале Евангелия от Луки и чего мы вчера уже касались. Мы знаем, что в эфирном теле Иисуса из натановской линии* (* Исправлено по смыслу; в изданиях 1949, 1955 и 1968 стоит "в астральном теле") жила незатронутая до той поры часть эфирного тела, которая была отнята у человечества при грехопадении. Эта эфирная субстанция, извлеченная из Адама до его грехопадения, была сохранена и погружена в ребенка натановской линии. Это было необходимо для того, чтобы это юное, не затронутая никакими событиями земного развития, существо могло воспринять все то, что должно было воспринять. Мог ли быть осенен Нирманакайей Будды .обыкновенный человек, воплощавшийся в течение лемурийской эпохи? - Никогда! И еще менее мог бы он воспринять то, что должно было позже снизойти на него. Такое облагороженное человеческое тело могло возникнуть лишь путем того, что эта незатронутая земными событиями эфирная субстанция Адама должна была быть погружена в эфирное тело именно этого ребенка Иисуса. Но так как его эфирная субстанция была связана со всеми силами, действовавшими на земное развитие до грехопадения, - эти силы мощно развернулись в этом ребенке. Потому-то и стало возможным удивительное влияние матери натановского Иисуса на мать Иоанна Крестителя и на самого Иоанна до его рождения.

Что за существо имеем мы в Иоанне Крестителе? Для уяснения этого представим себе различие между своеобразным провозвестием, излившимся в Индии через Будду - для наших целей мы его достаточно охарактеризовали, - и тем, которое дано древнееврейскому народу через Моисея и его последователей - древнееврейских пророков.

Благодаря Будде человечество получило возможность найти доступную душе собственную закономерность, необходимую для того, чтобы очиститься и развиваться до той ступени нравственной высоты, какой только можно достигнуть на земле. Закон души, дхарма, был возведен Буддой в такой форме, в какой он может быть возведен человеком из самой человеческой души на высочайшей ступени развития человеческой природы. И Будда первый пустил его в ход. Но развитие человечества не идет по прямой линии. Разнообразные культурные течения должны оплодотворять друг друга.

Явление Христа, долженствовавшее произойти в Передней Азии, делало необходимым, чтобы переднеазиатское развитие оставалось в известном смысле позади индийского для того, чтобы позднее оно могло свежее

воспринять то, что было дано Индии несколько иначе. В Передней Азии должен был быть создан народ, более отсталый, чем другие, живущие к Востоку, народ, который развивался бы совершенно иным образом. И если народы Востока в смысле мировой мудрости были доведены до столь высокой ступени, что они могли лицезреть Бодхисатву, ставшего Буддой, то, наоборот, народы Передней Азии, особенно древние евреи, должны были остаться на низкой, детской ступени развития. Это было необходимо. В развитии человечества должно было произойти в широком масштабе то, что мы наблюдаем в малом в отношении человека, который развился до определенной зрелости к 20-ти годам, усвоив к этому зрелому возрасту определенные способности. Но в известном отношении усвоенные способности являются также сковывающим препятствием.

Приобретенные в известный момент жизни способности имеют особенность задерживаться на своей ступени развития и этим удерживать человека на соответствующей высоте. И они держат его очень крепко. Позже, к 30-ти годам жизни, человеку не легко переступить через ступень, которой он достиг, будучи 20-летним юношей. Наоборот, человек, еще мало усвоивший к 20-му году жизни, дольше задержавшийся на детской ступени развития, может легче переступить через эту ступень и к 30-ти годам достичь более высокой ступени, чем первый. Тот, кто умеет наблюдать жизнь, знает, что это так. Приобретенные способности, ставшие, так сказать, личным достоянием, образуют в то же время и оковы для будущего, тогда как то, что меньше связано с душой, то, что воспринято более внешне, образует эти оковы в меньшей степени.

Для того, чтобы человечество могло двигаться вперед, постоянно должно иметь место такое устройство, чтобы одно духовное течение внутренне воспринимало и перерабатывало определенную сумму способностей, а другое протекало рядом, будучи в известном отношении удержанным в развитии. Тогда мы имеем культурное течение, развивающее известные способности до определенной ступени, причем эти способности соединены с внутренней сущностью этого течения и с человеческой природой. Но развитие продолжается, а это течение не в состоянии подняться из самого себя на высшую ступень, потому-то и необходимо, чтобы другое течение шло рядом с первым; это второе течение остается в известном смысле неразвитым. Оно не достигает высоты первого, оно продвигается далее, заимствуя у первого то, чего само не достигло; но так как оно тем временем сохранило свою юность, то вследствие этого оно может достичь большего. Так одно оплодотворяет другое. Духовные течения должны протекать друг подле друга в развитии человечества, духовное же водительство мироздания наблюдает за правильностью этого процесса.

Каким же образом это водительство осуществило то, что рядом с течением, в котором нашел выражение Будда, явилось и другое, которое

лишь позже восприняло все то, что принес человечеству буддизм? Это можно было осуществить лишь путем того, что древнееврейскому течению была предоставлена возможность выдвигать из себя людей, которые из собственного нравственного состояния могли развивать дхарму, т. е. как бы могли прийти к "восьмичленному пути". Это течение не должно было иметь Будды. То, что принес Будда в своем духовном течении как внутреннее, это должно было быть дано извне в этом другом духовном течении. Именно потому, чтобы дело делалось особенно мудро, этому переднеазиатскому племени, задолго до явления Будды. Закон был дан не изнутри, а извне - через откровение в Декалоге, в Законе десяти Заповедей. (Исход 20, 2 - 17). То, что другое духовное течение человечества должно было получить как внутреннее достояние, было дано древнееврейскому народу в "Законе десяти заповедей" как сумма внешних норм, как нечто, что надо было воспринимать извне, как то, что еще не срослось с душой. Поэтому в силу инфантильности своей ступени развития древний еврей воспринимал заповеди как нечто дарованное с небес.

Индийский народ был приготовлен к тому, чтобы познать, что человек из себя самого образует дхарму как закон души. Древнееврейский же народ внимал лишь закону, данному ему извне. Таким образом, еврейский народ образовал удивительное дополнение к тому, что сотворил Заратустра для своей культуры и для всех остальных культур, вышедших из нее.

Надо подчеркнуть, что Заратустра направлял взор на внешний мир. В то время как у Будды мы находим проникновенное учение об облагороживании внутреннего человеческого мира, у Заратустры мы имеем великое, могучее учение о Космосе, т. е. то, что дает объяснение всему миру, из лона которого мы произошли. И если взор Будды был направлен на внутреннее, то взор последователей Заратустры направлялся на внешний мир в стремлении пронизать его духовно. Углубимся в то, что дал Заратустра со времени своего первого выступления, когда он возвестил миру Аура Маздао, вплоть до того момента, когда он появился как Назаратос. Он всегда давал проникновенное учение о великих духовных законах и о существах Космоса. То были поначалу своего рода указания, которые Заратустра дал персидской культуре относительно Духа Солнца; позже эти указания были им преобразованы в целую систему, и в таком виде мы встречаем их как удивительные, еще и поныне малопонятные халдейские учения о Космосе и духовных первопричинах, из коих мы произошли. Если мы исследуем эти учения о Космосе, то увидим в них важную особенность.

Когда Заратустра говорил древнеперсидскому народу о внешних духовных первопричинах чувственного мира, то он противопоставлял две силы: Ормузда и Аримана. Эти две силы противоборствуют друг другу во всей вселенной. Но в этом учении вы не найдете того, что можно назвать проникающей душу нравственной теплотой. По древнеперсидскому

воззрению человек вплетен в космический процесс, и это есть следствие борьбы Ормузда и Аримана, раскрывающейся в человеческой душе. Следствием этой борьбы являются страсти, неистовствующие в человеческой душе. Внутреннее содержание человеческой души еще не было познано. Было дано лишь космическое учение. Когда в те времена говорили о добре и зле, то под этим подразумевали полезные или вредные противодействия, в космосе, отражающиеся также и в человеке. Нравственное мировоззрение еще не было в известной степени включено в учение о созерцании внешнего мира. В нем учили познавать всех существ, господствующих над чувственным миром, как прекрасных и светоносных, так и темных и вредоносных. Люди чувствовали себя как бы опутанными ими. А собственно моральное, к чему причастен человек своей душой, еще не ощущалось душой, как это случилось позже. Например, когда в те времена встречались со злым человеком, то чувствовали, что через него в мир струятся силы злых существ; его воспринимали тогда как "одержимого" злыми существами мира. Потому в те времена нельзя было сказать, что грех лежит на таком человеке. Его ощущали вплетенным в мировую систему, еще не пронизанную нравственными качествами. Это было особенностью учения, направляющего взор, хотя и духовный, прежде всего на внешний мир.

Потому-то еврейское учение и образует столь удивительное дополнение к космологическому учению Заратустры, ибо оно в то, что открывается извне, заложило нравственный элемент, давший возможность связать с понятием вины, человеческого греха, известный смысл. До этого еврейского элемента о злом человеке говорили лишь, что он одержим злыми силами. Возвешение "Закона десяти заповедей" сделало необходимым различие между людьми, соблюдавшими эти заповеди, и людьми, не соблюдавшими их. Выступило понятие вины, человеческого греха. Как вошло это понятие в развитие человечества, может почувствовать лишь тот, кто отчетливо осознает, как неясно еще представляют себе люди, что собственно выражает понятие греха и как трагична эта неясность. Отдайтесь воздействию книги Иова, и вы заметите неясность понятия греха, отсутствие правильного понимания того, как надо относиться к случившемуся с кем-либо несчастью, но все же и там вы найдете проблески нового понятия о грехе.

Итак, нравственность была дана древнееврейскому народу путем откровения извне (подобно другим откровениям о других царствах природы). Это могло случиться лишь благодаря тому, что Заратустра заботился о продолжении своего дела, для чего он передал Моисею свое эфирное тело, а Гермесу - астральное. Этим путем Моисей получил способность воспринимать то, что действует во внешнем мире так, как это мог Заратустра, но при этом он воспринимал уже не только безразличные, нейтральные силы, но и то, что нравственно управляет миром, то, что может стать заповедью. Потому древнееврейский народ жил так, что в его культуре заключалось то, что мы можем назвать послушанием, покорностью закону. Другое же

духовное течение - буддизм - несло в себе как идеал направлять человеческую жизнь по "восьмичленному пути".

Но древнееврейский народ также должен был быть удержан в своем развитии до определенного момента, до появления Принципа Христа. Он должен был быть огражден от откровения Будды, он должен был быть, так сказать, задержан в некоем незрелом состоянии культуры. Потому внутри древнееврейского народа должны были существовать личности, которые постольку, поскольку они были людьми, не могли принять в себя всю полноту существа такой индивидуальности, которая могла представлять "Закон". Внутри древнееврейского народа не могла появиться индивидуальность, подобная Будде. Была лишь возможность прийти к закону путем озарения извне, ибо Моисей обладал эфирным телом Заратустры и мог воспринимать то, что не было рождено в его собственной душе. Древнееврейский народ не обладал возможностью родить закон из своего собственного сердца. Но дело Моисея должно было быть продолжено так, чтобы в определенный срок оно могло бы дать нужный плод. Поэтому в древнееврейском народе были явлены такие индивидуальности, как пророки и провидцы. Одним из замечательных провидцев был Илия.

Илия должен был стать в еврейском народе как бы блюстителем того, что было учреждено Моисеем. Но из народной массы не мог родиться человек, целиком вплетенный в то, что содержал в себе закон Моисея, что можно было воспринять лишь путем откровения извне. То, что мы охарактеризовали как необходимое для индийской эпохи, как своеобразную природу Бодхисатвы, - это должно было также выступать все снова и снова и в еврейском народе. И в нем также должны были быть индивидуальности, не вполне погруженные в человеческую личность, находившиеся одной частью своего существа в земном человеке, другой же - в духовном мире. Такой индивидуальностью был Илия. То, что находилось на физическом плане как личность Илии, содержало лишь часть всего существа Илии. Я Илии не могло полностью проникнуть в физическое тело Илии. Его нужно назвать личностью, "исполненной Духа Святого". И было бы невозможно вызвать в мире явления, подобного Илие, посредством обыкновенных простых сил, какими обычно вызывается появление в мир человека.

Обычно, когда человек должен вступить в мир, физическое человеческое существо развивается в материнском из физических процессов таким образом, что в определенный момент индивидуальность, воплощавшаяся уже ранее, просто соединяется с этим физическим существом. У обычного человека развитие течет по обыкновенному руслу, не затрагивая тех особых сил, которые лежат вне обычного пути. Но с такой индивидуальностью как Илия дело обстоит иначе. В этом случае затрагиваются другие силы, работающие над той частью индивидуальности, которая остается в духовном мире. На такого человека должно быть оказано

воздействие извне. Потому, воплощаясь в мире, эти индивидуальности появляются инспирированными, гонимыми духом. Они являются экстатическими личностями, далеко превосходящими то, что им может подсказать их обыкновенный разум. Таковыми являются все пророки Ветхого Завета. Их ведет дух, и их Я поэтому не всегда может дать себе отчет в том, что оно делает. Дух обитает в личности, но получает силы извне.

Такие личности по временам уединяются, и тогда происходит то, в чем нуждается такая личность: отходит часть Я, и Дух глаголет свыше. В экстатических, бессознательных состояниях такое существо внимает вдохновению свыше. Этой способностью особенно отличался Илия. То, что жило в нем в течение его земной жизни, что произносили его уста, на что указывали его длани, - все это исходило не только из той части его существа, что жила в нем, но это были также откровения божественно-духовных существ, стоящих за Илией.

Перевоплощаясь, Илия должен был соединиться с телом ребенка, рожденного Захарией и Елизаветой. Из Евангелия мы знаем, что мы должны воспринимать Иоанна Крестителя как перевоплощенного Илию. (Мф. 17, 10-13). Но эта индивидуальность в своих прежних перевоплощениях не приучилась при посредстве заложенных в ней при нормальном течении жизни сил развить все то, что должно было быть развито. При обычном течении жизни во время развития физического человеческого тела в материнском лоне пробуждается внутренняя сила Я. Но это не было сделано индивидуальностью Илии в прежние времена, ибо она не спускалась еще столь низко долу. Я Илии приводилось в движение путем воздействия извне, а не посредством своих собственных сил, как это бывает обычно. И теперь это должно было повториться. Сильнее выступившим из духовного мира, уже приближенным к земле, является Я этого существа, которое теперь гораздо больше связано с землей, нежели те существа, которые дотоле водили Илией. Теперь должен был быть создан переход к слиянию духовных течений Будды и Заратустры. Все должно было быть обновлено. Теперь должна была действовать извне сущность, связанная с Землей и ее развитием так, как и был связан с ней Будда, соединенный с натановским Иисусом посредством своего Нирманакайя. Эта сущность, связанная, с одной стороны, с землей, а с другой, ведь опять-таки отозванная, ибо действовала только в Нирманакайя, жившем "по ту сторону" земли, ибо она была снова вознесена и парила над головой натановского Иисуса, она должна была теперь действовать извне и раскрывать силы Я Иоанна Крестителя.

Итак, Нирманакайя Будды действовало на развитие силы "Я" Иоанна так, как ранее духовные силы действовали на Илию. В те времена существо Илии в известные моменты впадало в экстатическое состояние, тогда говорил Бог, исполняя его Я реальной силой, которую Илия мог затем

сообщать внешнему миру. Теперь было вновь духовное существо, которое как Нирманакайя Будды парило над натановским Иисусом; теперь оно воздействовало на Елизавету, когда она должна была родить Иоанна: привело в движение зародыш Иоанна в теле матери на шестом месяце беременности и пробудило его Я. Итак, эта сила, поскольку она теперь стояла ближе к Земле, повлекла за собой уже не просто вдохновение, но истинное формование Я Иоанна. Под влиянием посещения Марии, Я Иоанна Крестителя пришло в движение. Таким образом, Нирманакайя Будды действовало пробуждающе и высвобождающе - вплоть до физической субстанции - на Я бывшего Илии - Иоанна Крестителя. Чего же должны мы ожидать теперь?

Подобно тому, как некогда в девятом веке до нашей эры Илия произносил мощные слова, бывшие в действительности "словами Бога", подобно тому, как указующий жест его длани был, по существу, указом самого Бога, в тот момент, когда оживало все, что было заключено в Илие, то же самое должно было произойти с Иоанном Крестителем. Все, что заключалось в Нирманакайя Будды, влияло как вдохновение на Я Иоанна Крестителя. То, что открывалось Евангельским пастухам, что парило над натановским Иисусом, это распространило свою силу на Иоанна Крестителя. И его проповедь была прежде всего возрожденной проповедью Будды. При этом выявляется нечто в высшей степени своеобразное, долженствующее глубоко влиять на нашу душу. Вспомним Бенаресскую проповедь, в которой Будда говорит о страданиях в жизни и об освобождении от них при помощи "восьмичленного пути", к которому должна стремиться человеческая душа. Тогда Будда возвестил то, что он познал как "восьмичленный путь". Часто к этой проповеди Будда присовокуплял следующее: "До сих пор вы имели учение браминов, которые говорят о том, что они происходят из самого Браммы и уверяют, что вследствие происхождения от этого благородного источника они обладают особым преимуществом перед всеми остальными людьми. Они говорят, что человек ценен именно благодаря происхождению. Я же говорю вам, что ценность человека зависит исключительно от того, что он совершает из себя самого, а вовсе не обусловлена его происхождением. Человек становится достойным великой мудрости мира лишь благодаря тому, что совершил он из себя самого как индивидуальный человек". Потому-то Будда и возбуждал гнев браминов, что указывал на личные качества человека, говоря: "Истинно говорю вам, можно сколь угодно называть себя брамином, но не в этом дело, а в том, чтобы человек собственными личными силами сделал себя просветленным". Это, хотя и не буквально, было смыслом многих проповедей Будды. И обычно в продолжение он указывал на то, что человек, постигший мир страданий, способен ощущать сострадание и сделаться утешителем и помощником, а также может принимать участие в судьбе других, ибо он знает, что воспринимает наравне с ними их страдание и боль.

И теперь Будда, облеченный в Нирманакайя, осеняющий натановского Иисуса, продолжил свою проповедь, вкладывая свои слова в уста Иоанна Крестителя. То, что говорил Иоанн, было инспирировано Буддой. И следующие, например, слова Иоанна звучат как непосредственное продолжение проповеди Будды: "Вы называете себя потомками тех, которые в служении духовным силам именовались сынами Змеи, и ссылаетесь на мудрость Змеи; кто вам дал право на это? Думаете ли вы принести достойные плоды покаяния, говоря: Отец наш - Авраам? - Не говорите: отец наш Авраам."

И здесь Иоанн продолжает проповедь Будды: "Но стремитесь сделаться истинными людьми в тех условиях, в какие поставила вас жизнь. Истинный человек может быть воздвигнут на месте, попираемом вашей ногой. Поистине, Бог может из камней воздвигнуть детей Аврааму" (Лк. 3, 7 - 8). И затем он говорит, поистине продолжая проповедь Будды: "У кого есть две одежды, поделись с тем, у кого нет никакой" (Лк. 3, 11). "Пришли к нему и спросили: Учитель, что нам делать? (Лк. 3, 12) - в точности, как монахи однажды пришли к Будде, чтобы спросить: что нам делать? Все эти изречения выглядят как слова Будды или их продолжение.

Так проявляются существа на физическом плане, разрушая преграды времени. Устанавливая эти вещи, мы познаем единство религий и духовных провозвестий. Мы учимся понимать истинную сущность Будды не тогда, когда держимся общепринятого, а когда прислушиваемся к тому, что Будда действительно говорил. В пятом-шестом веке до нашей эры Будда говорил то, что мы знаем из его Бенаресской проповеди. Но уста Будды не умолкли. Он продолжает свою проповедь даже тогда, когда находится вне физического плана, инспирируя своим духовным телом Нирманакайя. И из уст Иоанна Крестителя слышим мы то, что хочет сказать нам Будда шесть веков спустя после своего воплощения в физическом теле. Таково единство религий. Каждую религию в ходе развития человечества мы должны брать в соответствующий момент и в ней искать живое, но не мертвое, ибо все развивается далее. Это мы должны учиться понимать и постигать. И тот, кто из уст Иоанна Крестителя не слышит речений Будды, подобен человеку, который, посадив однажды росток розы, и затем, когда последний, взойдя, покрывается цветами, не желает видеть то, что этот розовый куст произошел из посаженного им ростка, и говорит: "Это нечто совершенно другое". В действительности же то, что жило в ростке, цветет теперь в розах. То, что жило в Бенаресской проповеди, расцвело в Иорданской проповеди Иоанна Крестителя.

Так мы научились познавать другую индивидуальность в существе Иоанна Крестителя, о которой столь проникновенно говорит нам автор Евангелия от Луки. Мы учимся познавать это Евангелие лишь тем, что мы действительно проникаем к пониманию каждого слова в том смысле, в каком

оно употреблено. В своем вступлении Лука говорит, что хочет пересказать сообщение тех, кто был "личнозрящими". Но эти последние видели не просто то, что происходит на физическом плане, но истинные духовные соотношения, которые давались в откровениях всех времен. Тот же, кто видит лишь события физического плана, скажет: за пять-шесть веков до нашей эры в Индии жил человек, бывший сыном царя Суддходаны и прозванный Буддой, жил также некогда Иоанн Креститель. Такой человек не видит того, что тянется от одного к другому. Ибо это можно увидеть лишь в духовном мире. Лука же говорит, что он рассказывает со слов "видевших", свидетелей. Недостаточно лишь принять то или иное слово религиозного провозвестия - мы должны научиться читать его в истинном свете. Выступающие при этом индивидуальности должны совершенно ясно стоять перед душой. А это может случиться лишь тогда, когда мы знаем все, что впитали в себя.

Одно должно быть еще сказано: индивидуальность, которая не спускалась на землю, должна развиваться в смысле тех способностей, которыми обладает тело, в котором она воплощена. И воплощающееся существо должно с этим считаться. Предположим, что сегодня захотело бы воплотиться некое высокое существо; ясно, что оно могло бы рассчитывать лишь на то, чем сегодня может обладать человеческое тело. Познать истинную сущность такой индивидуальности может лишь ясновидящий, наблюдающий то, как сплетаются сокровенные нити внутри существа. Подобное существо, стоящее на высокой ступени развития, должно, однако, с самого детства работать над созданием такого зрелого тела, при посредстве которого в определенный момент развития могло бы выявиться то, чем было это существо в прежних воплощениях. Если такое существо должно пробудить в людях совершенно особые ощущения, то этому должно соответствовать и его земное воплощение так, чтобы его тело могло вынести то, что является содержанием его миссии. В духовных мирах это выглядит совершенно иначе, чем в физическом мире. Если какое-либо существо хочет возвестить людям исцеление от боли, освобождение от страданий, то для того, чтобы найти истинные слова, соответствующие человеческим чувствам, оно должно оценить всю глубину страданий.

То, что позже смогло сказать существо, скрытое в теле натановского Иисуса, было благовестием для всего человечества. Это было нечто, что должно было увести человечество от прежнего узкого кровного родства. Не отнять должно было оно кровное родство, не отринуть то, что станет между отцом и сыном, между братом и сестрой. Оно должно было присоединить к любви кровных родственников всеобщую человеческую любовь, связывающую души независимо от уз кровного родства. Все это должно было принести миру существо, явленное позднее в натановском Иисусе. Оно должно было принести такую любовь, такую углубленность любви, что не имеет ничего общего с тем, что связано с кровным родством. Но для этого

существо, обитавшее в теле натановского Иисуса, должно было впервые узнать на земле, что означает не ощущать никаких кровных связей, не быть связанным с другими кровными узлами. Лишь тогда оно действительно могло без примесей ощутить то, что действует от человека к человеку. Прежде всего оно должно было почувствовать себя совершенно свободным от всех кровных связей. Индивидуальность натановского Иисуса должна была сделаться не только "безродным" человеком, как Будда, который ушел с родины на чужбину, но прежде всего она должна была себя почувствовать свободной от всех кровных связей, даже возможностей каких-либо кровных связей. Она должна была ощутить всю глубину страданий, которые только может испытать одинокий человек, простившийся со всеми своими близкими. Индивидуальность, живущая в натановском Иисусе, должна была предстоять миру из глубин великого одиночества и несемейности. Кем же было это существо?

Мы знаем, что оно обитало до двенадцатилетнего возраста в соломоновском Иисусе; это была индивидуальность, дух Заратустры, ранее живший в соломоновском Иисусе. Отец его умер рано, и мальчик остался сиротой. Кроме него в этой семье были братья и сестры. Он остается в этой семье, пока Заратустра пребывает в теле соломоновского Иисуса. Достигнув 12-ти лет, он покидает эту семью, мать, братьев и сестер, и переходит в тело натановского Иисуса. Затем умирает Мать последнего, а затем и отец. И, приступая к своему служению в мире, он простился со своими кровными родственниками. Он не только совершенно осиротел, не только покинул братьев и сестер, но он должен был как существо Заратустры также отказаться от возможности основать свою собственную семью, иметь собственных потомков. Ибо существо Заратустры покинуло не только отца и мать, братьев и сестер, но также собственное тело, перейдя в тело натановского Иисуса. Это существо подготовляло воплощение другого, еще более высокого Существа, долженствовавшего возвестить человечеству из тела натановского Иисуса великий призыв к всеобщей человеческой любви. И когда Мать и братья пришли к этому Существо, и когда ему передали: "Мать и братья Твои стоят снаружи и желают Тебя видеть", - то Оно могло из глубины души Своей, не оскорбляя ничего благочестия, сказать, чтобы не было недоразумения, перед всем народом: "Это не они!", - ибо Заратустра покинул даже свое собственное тело, связывавшее его с этой семьей. И, указывая на тех, кто был с Ним в живом душевном родстве, Он поистине мог сказать: "Вот эти люди, внимающие словам Господа и исполняющие их, - они Мои мать и братья". (Лк. 8, 20 - 21). Столь буквально надо брать слова религиозных источников.

Для того, чтобы иметь возможность возвестить всеобщую человеческую любовь, надо было однажды воплотиться как Существо, которое могло действительно испытать покинутость во всем касающемся кровных связей. К этому Существо устремляются наши чувства, как бы по-человечески

приближаясь к Нему, спустившемуся с горних духовных высот и выражающему все испытанное и выстраданное им как обыкновенным человеком. Потому-то наши сердца стремятся к Нему. И чем духовнее мы будем Его постигать, тем сильнее будут стремиться к Нему наши сердца и тем радостнее будет ликование наших душ.

СЕДЬМОЙ ДОКЛАД. Базель, 21 сентября 1909 г.

В минувшие дни мы попробовали составить представление о наиболее важных существах, о которых нам говорит Евангелие от Луки. Мы составили всеобъемлющее понятие о том, что лежит в основе этого провозвестия. Но одно теперь нам еще необходимо: теперь мы должны проследить дальнейшее развитие Существа, стоящего в центре Евангелий и в центре нашей Земли, т. е. Христа Иисуса. Вспомним, что Христос Иисус, описанный в Евангелии от Луки, телесно родился как Иисус из натановской линии дома Давида. Этот ребенок рос примерно до 12-ти лет. В этот момент, когда его развитие достигло этой ступени, в его тело вступило Я, которое некогда было воплощено в Заратустре. Так что с двенадцатилетнего возраста мы имеем Я Заратустры в теле натановского Иисуса. Теперь мы должны проследить развитие именно этого существа. Теперь нам нужно припомнить нечто, к чему мы уже подготовлены благодаря нашим предшествующим духовнонаучным рассмотрениям.

Мы знаем, что обычно развитие людей распадается на ряд важных периодов: первый - со дня рождения до 7-ми лет, второй - от 7-ми до примерно 14-ти (т. е., до половой зрелости), третий - от 14-ти до 21-го, четвертый - от 21-го до 28-ми лет, пятый - от 28-ми до 35-ти лет. Эти периоды не следует принимать педантично, в предположении, что их окончание непременно совпадает с моментом достижения того или иного возраста. Но в развитии человека есть важный переходный момент, приблизительно совпадающий с семилетним возрастом, т. е. со временем смены зубов. Он происходит не внезапно, но постепенно, во все время смены зубов. С такой же постепенностью приходят и остальные периоды. Мы знаем, - точнее это представлено в моей небольшой книжке "Воспитание ребенка с точки зрения духовной науки", - что с достижением семилетнего возраста духовно совершается нечто подобное рождению ребенка из тела матери, нечто вроде эфирного рождения. По достижении человеком 14-ти лет, т. е. периода половой зрелости, происходит астральное рождение, астральное тело человека становится тогда свободным. При более точном рассмотрении, рассмотрении духовными очами, развитие человека выглядит гораздо сложнее, чем при обычном рассмотрении. Когда человек наблюдает жизнь обычным образом, от него ускользают те важные перемены в человеческой жизни, которые ведь происходят и в поздние периоды жизни.

Теперь полагают, что после определенного момента с человеком больше ничего не происходит. Но таково мнение лишь грубого исследования. В действительности же при уточненном наблюдении и в поздних периодах человеческой жизни просматриваются определенные перемены в развитии человека.

Когда отбрасывается физический материнский покров, тогда, собственно, рождается только физическое тело человека. Оно в течение первых 7-ми лет выступает как свободное тело. В разных докладах по воспитанию ребенка подчеркивалось, как важно именно для воспитания знать это. Когда отбрасывается эфирный покров, освобождается эфирное тело, и, наконец, когда с достижением 14-ти лет сбрасывается астральный покров, освобождается астральное тело человека. Выражаясь точно, мы можем понять человеческое существо, лишь исходя из того описания, что дано в моей "Теософии". Там еще дальше разделены и высшие душевные члены человеческого существа. К эфирному телу присоединяется, прежде всего, тело ощущений, и, собственно, до 21-го года, говоря точно, впервые освобождается по отношению к внешнему миру тело ощущений. С достижением 21-го года в человеке постепенно освобождается душа ощущающая; с достижением 28-ми лет - душа рассудочная, или душа характера, и затем - душа сознательная. Так протекает этот процесс у современного человека. И оккультист отлично знает, что стадии человеческого развития протекают именно так. Великие вожди человечества знают, почему так важен в развитии человека 35-й год. Данте знал, почему он, объясняя мощное мировое видение, изложенное им в его великой поэме, указал на свой 35-летний возраст, непосредственно в начале "Божественной комедии", что эти видения он имел в 35-летнем возрасте. К этому моменту человеческое существо достигает того, что оно может использовать в качестве орудий способности, связанные с телом ощущений, душой ощущающей, а также с душой рассудочной, или характера.

Такое разделение было всегда известно тем, кто говорил о человеке в смысле современного развития. На Востоке это было несколько иначе, там эти сроки несколько различались. Потому совершенно правы те, кто для восточной культуры не делает тех же самых разделений. На Западе же их надо было делать всегда. Греки, например, то же самое лишь обозначали другими словами. Когда они хотели обозначить душевное, то они начинали с того, что известно нам как эфирное, или жизненное, тело и называли его трептикон; то, что мы называем телом ощущений, они обозначали очень выразительным словом эстетикой; нашу душу ощущающую они называли оректикон, душу рассудочную - кинетикой и, наконец, душу сознательную - это ценнейшее благо, приобретенное тогда человечеством, - они называли дианетикой. Таким образом, мы имеем перед собой развитие человека, когда рассматриваем его подробно и точно.

Нормальные соотношения; Натановский Иисус

Физическое тело

Эфирное тело (Трептикон) 1-7

Астральное тело, или тело ощущений (Эстетикой) 7-14; 12

Душа ощущающая (Оректикон) 14-21; 19

Душа рассудочная (Кинетикой) 21-28; 26

Душа сознательная (Дианетикой) 28-35; 33

Вследствие известных условий, которые нам сегодня еще частично прояснятся, развитие натановского Иисуса как бы убыстрилось, ускорилося. Это отчасти явилось следствием того, что в местности, где родился Иисус, половая зрелость наступала ранее обычного. Но у него, кроме того, были особые основания для того, чтобы то, что обычно наступает на 14-ом году, наступило на 12-ом; то, что наступает на 21-ом году, наступило у него на 19-ом, и, наконец, то, что наступает обычно в 28 и 35 лет, у него наступило в 26 лет и 33 года. Таким образом, мы имеем схему развития существа, стоящего в центре земной эволюции. До 12-ти лет мы имеем собственно натановского Иисуса, после этого момента в ната-новском Иисусе живет Я Заратустры. А это значит, что зрелое Я, начиная с 12-ти лет, работало над телом ощущений, душой ощущающей и рассудочной натановского Иисуса и выработало эти способности человеческой природы так, как только могло сделать столь зрелое Я, которое через разные реинкарнации проходило судьбу Заратустры. Таким предстоит нам тот удивительный факт, что в теле натановского Иисуса с двенадцатилетнего возраста воплотилось Я Заратустры, что оно выработало способности души самым утонченным образом. В связи с таким развитием тела ощущений возникла возможность глубоко проникать в Космос и прочувствовать в нем духовное пребывание древнего Аура Маздао. Далее развилась душа ощущающая, которая могла сберегать в себе все знания, всю мудрость, из коих постепенно развились первые основания учения об Аура Маздао в человечестве. Затем развилась душа рассудочная, которая все постигала, т. е. в понятиях, в словах, в легко усваиваемых словах могла охватить все то, чего человечество раньше достигало через духовные течения извне.

Так развивался натановский Иисус, неся в себе Я Заратустры. Так протекало его развитие, пока не приблизился 30-й год жизни. Тогда произошло нечто иное. Явление, происшедшее известным образом уже с двенадцатилетним натановским Иисусом, когда его внутреннее исполнилось новым Я, повторилось, но теперь уже в универсальном, многозначном,

космическом виде. Когда натановскому Иисусу исполнилось 30 лет, Я Заратустры исполнило свою задачу в его душе, развив и ее способности до высшей степени. Тогда оно завершило свою миссию, ибо оно привило ей все то, чего оно достигло в своих прежних воплощениях, и могло теперь сказать: Моя задача выполнена. Настал день, когда Я Заратустры покинуло тело натановского Иисуса.

Это Я Заратустры ранее жило в соломоновском Иисусе, пока ему не исполнилось 12 лет. Этот мальчик после того, как его покинуло Я Заратустры, не мог уже далее развиваться на земле. Он остановился на определенной ступени развития, но все же достиг высокой и редкой зрелости, ибо в нем жило столь высокое Я. С внешней стороны соломоновский Иисус показался бы чрезвычайно рано созревшим. Но после того, как его оставило Я Заратустры, он остался на месте, потеряв способность развиваться дальше. И когда сравнительно рано умерла мать натановского Иисуса, отозванная своим духовным существом в духовный мир, она взяла с собой все то, что имело ценность вечности, что являлось творческой силой в соломоновском Иисусе. Этот мальчик умер приблизительно в то же время, что и мать натановского Иисуса.

Соломонов Иисус сбросил с себя драгоценный эфирный покров. Эфирное тело человека слагается преимущественно после семилетнего возраста, в период между 7-мью годами и половой зрелостью. Эфирное тело соломоновского Иисуса было образовано под влиянием сил, коими обладало Я Заратустры. С момента смерти эфирное тело оставляет физическое тело; все то, что не пригодно для вечности в жизни обычного человека, отбрасывается, и Я берет с собой экстракт эфирного тела. У соломоновского Иисуса большая часть эфирного тела была пригодна для вечности. Все эфирное (жизненное) тело этого ребенка было взято матерью натановского Иисуса в духовный мир.

Но эфирное тело - это строитель и творец физического человеческого тела. В действительности, между этим отозванным в духовный мир эфирным телом соломоновского Иисуса и Я Заратустры существовало глубокое сродство, ибо в течение 12-ти лет земного странствования они составляли одно целое. И когда Я в ходе развития Иисуса из Назарета покинуло его тело, вышло из тела натановского Иисуса, тогда проявились силы притяжения между Я Заратустры и эфирным телом, оставшимся от умершего соломоновского Иисуса. Они соединяются вновь и строят себе новое физическое тело. Я Заратустры было столь высоко развито, что не нуждалось в дальнейшем прохождении через девахан. Потому через сравнительно короткое время оно могло с помощью описанного уже эфирного тела построить себе новое физическое тело. Таким образом, впервые родилось то существо, которое после этого появлялось все снова и снова, причем между его смертью и новым рождением протекало сравнительно короткое время.

Вскоре после оставления своего физического тела это существо появлялось на земле в новом воплощении.

Это существо, нашедшее описанным образом свое эфирное тело, прошло после этого через историю человечества. Оно было величайшим помощником тех, кто стремился постигнуть великое палестинское событие. Как Учитель Иисус эта индивидуальность проходит через все времена. Таким образом, Я Заратустры, найдя свое эфирное тело, начало под именем Учителя Иисуса свое продвижение по пути человеческого развития, все снова и снова воплощаясь на земле для руководства христианским духовным течением. Он - инспиратор всех желающих понять живое развитие христианства; он инспирировал внутри эзотерических школ всех тех, кто способствовал непрестанному пестованию христианского учения. Он стоит за великими духовными фигурами христианства, разъясняя истинное значение великого палестинского события.

Я Заратустры, живившее в теле натановского Иисуса с 12-ти до 30-ти лет, было теперь вне этого тела. В это последнее низошло теперь другое Существо. Момент, когда высочайшее Я заменило в теле натановского Иисуса Я Заратустры, описано во всех Евангелиях как крещение Иоанном на Иордане. Уже в связи с обсуждением Евангелия от Иоанна* (*См. "Евангелие от Иоанна в отношении к другим трем Евангелиям, в особенности к Евангелию от Луки" (GA, том 112)) обращалось внимание на то, что в те древние времена крещение было чем-то совершенно иным, чем ныне, когда оно стало лишь символом. Во времена Иоанна Крестителя крестившиеся погружались в воду всей своей телесностью, всем телом; а вам уже известно из разных подготовительных антропософских докладов, что в подобном случае может произойти нечто совершенно особое. Даже в обыкновенной жизни, когда утопающий переживает шок, вся прожитая им жизнь проходит перед ним как бы в огромной панораме. Это происходит потому, что на мгновение случается то же, что иначе наступает только после смерти: эфирное тело изымается из физического и освобождается от власти физического тела. То же самое происходило у большинства крестимых Иоанном и, в особенности, при крещении натановского Иисуса. Эфирное тело последнего было извлечено из физического тела, и в этот момент в его тело могло низойти и овладеть им высокое Существо, которое мы называем Существом Христа.

Таким образом, с момента своего крещения Иисус проникнут Христом. Это обозначается словами, стоящими в древнейших списках Евангелий: "Это Сын Мой возлюбленный, которого я ныне зачал", т. е. ныне зачат Сын Небес Христос. Оплодотворявшим было единое Божество, проникающее мир, а восприемником - тело и вся организация натановского Иисуса, подготовленная к принятию в себя зародыша с Небес. "Это Сын Мой возлюбленный, сегодня Я Его зачал," - так говорят об этом древние

евангельские рукописи и так поистине должно было бы стоять в Евангелии. (Лк. 3, 22).

Кем же было Существо, которое соединилось тогда с телом натавовского Иисуса? Направляя взор лишь на развитие Земли, мы не сможем опять-таки понять Существа Христа. Христос - вождь тех духовных существ, которые в момент отделения Солнца от Земли отошли вместе с Солнцем, избрав для своей работы более возвышенную арену для того, чтобы иметь возможность воздействовать на Землю извне, с Солнца. Обращаясь к дохристовым временам Земли, начиная с выделения Солнца и вплоть до появления на Земле Христа, - мы должны сказать: когда достигший определенной зрелости восприятия чувств человек взирал на Солнце, то он должен был ощутить то, чему учил Заратустра, т. е., что солнечный свет и тепло представляют собой лишь физическое одеяние высшего Существа, стоящего за этим светом, ибо за последним скрыты те духовные излучения сил, которые проникают с Солнца на Землю. Вождь всех прочих существ, посылающих свои благодетельные влияния с Солнца на Землю, - Существо, позднее названное Христом. В дохристианские времена Его надо было искать не на Земле, а на Солнце. Заратустра был совершенно прав, когда, обозначив его именем Аура Маздао и установив, что Солнце было его обителем, сказал: "Странствуя по Земле, мы не можем найти этого Духа Света; взирая же на Солнце, мы видим то, что духовно живет на Солнце как Аура Маздао, а струящийся к нам свет - это тело Солнечного Духа так же, как человеческое физическое тело есть тело человеческого духа". Но все ближе и ближе подходило это высокое Существо через великие космические процессы к земной сфере. Ясновидчески можно было все яснее видеть приближение Христа к Земле. Великий предтеча Христа Иисуса - Моисей - в блеске молний на Синае путем откровения получил отчетливое познание о Христе.

Что же означали эти откровения Моисея? - Они означали, что близящееся к Земле Существо Христа, явлено поначалу как бы в отблеске, как бы в зеркальном отражении. Помыслим одухотворенным то явление, которое мы воспринимаем каждую лунную ночь, глядя на Луну: мы видим отраженными, отброшенными солнечные лучи. Это солнечный свет струится к нам с Луны, но мы называем его "лунным" светом, ибо он отражен Луной. Кого же видел Моисей в горящем терновом кусте и в огне на Синае? Он видел Христа! Но, как в лунном свете мы видим не прямой, но лишь отраженный солнечный свет, так же точно Моисей воспринимал лишь отражение Христа. И, как мы называем отраженный свет Солнца лунным, точно так же Христос был назван тогда Ягве, или Иеговой. Ягве, или Иегова, - не что иное, как отражение Христа до Его появления на Земле. Так возвестил о себе Христос человеческому существу, которое еще не могло Его видеть в Его истинной сущности, - точно так же, как лунной ночью человеку

открывается солнечный свет в тусклых лунных лучах. Ягве, или Иегова, - это Христос, но воспринятый не непосредственно, а лишь как отраженный свет.

Христос должен был все более приближаться к человеческому познанию, к способности человеческого восприятия. Он должен был какое-то время Сам странствовать по земле, стать человеком среди людей, стать современником человека на земле, в то время как до тех пор Он из космоса проявлял себя взору посвященных. Но для этого, прежде всего, был необходим правильный момент времени. Бытие Христа всегда ощущалось теми, кто был проникнут мудростью мира. Но так как Он открывался различным образом, то и имена, какими Его называли, были различны. Заратустра называл Его Аура Маздао, ибо Христос открылся ему, облеченный в одеяние, сотканное из солнечного света. Великие Учителя человечества, жившие в древней Индии в первую эпоху после атлантической катастрофы, святые риши, знали о Христе, ибо были посвященными. Но они знали также, что в ту эпоху Он был недостижим для земной мудрости, ибо это могло случиться лишь в позднейшие эпохи. Потому формулой той эпохи было то, что Христос жил по ту сторону сферы семи риши. Его называли тогда Вишва-Карман. Таким образом, и святые риши учили о Том Существо, Которое Заратустра называл Аура Маздао, а они - Вишва-Карман, все это лишь различные имена того Существа, Которое медленно и постепенно приближалось к Земле, с духовных высей, из своей космической обители.

Но развитие человечества должно было подготовить такое человеческое тело, которое стало бы способно воспринять в себя это Существо Христа. Для того же, чтобы это стало возможным, было необходимо, чтобы высокое существо, жившее в Заратустре, созревало от одного воплощения к другому и могло выработать в очищенном теле Иисуса из Назарета способности тела ощущений, души ощущающей и души рассудочной, развить их до столь высокой ступени, что человеческое тело получило возможность воспринять Христа. Но это должно было подготавливаться очень медленно. Для этого было необходимо, чтобы некое Я прошло путь Заратустры, путь большого опыта и многих переживаний, а затем претворить их в способности натановского Иисуса. Все это не было возможным в прежние времена, ибо над натановским Иисусом должно было работать не только Я Заратустры, но и Нирманакайя Будды. Оно работало над Натановым ребенком Иисусом извне, в особенности с момента рождения до двенадцатилетнего возраста. Но для этого было необходимо присутствие Нирманакайя, а само Нирманакайя явилось следствием того, что некий Бодхисатва сначала сам поднялся до степени Будды, чтобы в себе самом развить силу, способную образовать духовное тело, - Нирманакайю, - дабы с его помощью работать над натановским Младенцем Иисусом с рождения до его 12-летия. Сам Бодхисатва должен сначала подняться на ступень Будды, дабы обрести силу сделать тело зрелым для этого великого события. В ту инкарнацию, когда этот Бодхисатва стал Буддой, у него еще не было возможности вырабатывать

в себе такие способности. Для этого ему еще было необходимо прожить жизнь Будды.

В тот день, когда человечество действительно поймет, какая великая мудрость удивительным образом скрыта в старых легендах, оно получит возможность читать в соответствующих местах все то, что мы раскрываем в Акаша-хронике. Нам говорят, и по праву, что в древней Индии также учили о Христе, но как о Существе, находящемся по ту сторону сферы семи святых риши. Последние знали, что Христос живет в высях и лишь постепенно приближается к земле. Заратустра также знал, что для того, чтобы увидеть Христа, надо было взирать на солнце. Древнееврейский народ при помощи способностей и особенностей, о которых говорилось в прошлом докладе, получил возможность видеть сначала лишь отраженное Существо Христа. В одной из легенд о Будде говорится, что когда Гаутама готовился превратиться из Бодхисатвы в Будду, он соприкоснулся с Вишва-Карманом, позднее названным Христом. Древняя легенда говорит, что когда Гаутаме исполнилось 29 лет, он совершил свой знаменитый выезд из дворца, в котором его до тех пор всячески оберегали. Он встретил сперва старика, затем больного, затем труп, познавая, таким образом, одно за другим все несчастья жизни. Затем он увидел монаха, покинувшего эту жизнь, заключающую в себе старость, болезнь и смерть. Тогда, так гласит легенда - и в этом заключена глубокая истина, - Гаутама решил не сразу уходить из дворца, а сначала еще раз вернуться. Но во время этого выезда Гаутама был украшен той силой, которую божественный художник Вишва-Карман, открывшийся ему, ниспосылает на землю из духовной высоты. Так Бодхисатва был украшен силой самого Вишва-Кармана, Того, Кого в грядущем нарекут Христом. Христос был для него еще нечто внешнее, он не был еще соединен с Ним. В то время Гаутама приближался к 30-ти годам. Тогда он не мог еще приготовить человеческое тело к принятию Христа; он должен был сначала созреть для этого. Это было достигнуто переходом на ступень Будды. Когда Будда появился, облаченный в тело Нирманакайя, он имел задачу приготовить тело натавовского Иисуса к принятию Вишва-Кармана - Христа, Которого он сам вместить не смог.

Теперь напрашивается вопрос: в каком отношении стоит Христос, этот Вишва-Карман, к Бодхисатвам, один из которых позднее стал Буддой?

Этот вопрос затрагивает одну из величайших тайн земного развития. Современными человеческими чувствами трудно ощутить всю важность того, что кроется за этой тайной. В Космосе, которому принадлежит Земля, есть лишь 12 таких существ* (*См. доклад "Будда и Христос. Сфера Бодхисатв" (Милан, 21 сентября 1911 г.) в "Эзотерическом христианстве и духовном водительство человечества" (GA, том 130)), к которым принадлежал Бодхисатва, превратившийся в Будду и имевший миссию даровать человечеству великое учение сострадания и любви. Каждый

Бодхисатва имеет определенную миссию, которая должна быть исполнена в соответствующую эпоху земного развития. Будда стоит особенно близко к земной миссии, ибо задача нашей эпохи состоит именно в развитии нравственного чувства, начиная с появления Бодхисатвы в пятом-шестом веке до нашей эры и вплоть до времени, когда этот Бодхисатва будет сменен своим преемником - Бодхисатвой, которому позже суждено жить на земле как Майтрейя-Будда. Так идет вперед земное развитие: Бодхисатвы время от времени спускаются на землю и прививают земному развитию то, что составляет сущность их миссии. Рассматривая все земное развитие, мы находим 12 таких Бодхисатв. Они принадлежат тому мощному сообществу духов, от которого время от времени отделяется Бодхисатва, как особый посланец, и посылается на землю как Великий Учитель. Мы познаем Великую Ложу 12-ти Бодхисатв как правящую ложу всего нашего земного развития. Понятие Бодхисатва в сущности, совпадает с понятием, которое мы знаем на низших уровнях бытия как понятие "Учитель". Они - Учителя, великие инспираторы того или иного, что должно быть усвоено людьми.

Откуда же воспринимают Бодхисатвы то, что они сообщают Земле из одной эпохи в другую? Если бы вы могли взирать в Великую Духовную Ложу 12-ти Бодхисатв, то увидели бы, что в средоточии этих 12-ти в нашем мировом бытии находится Тринадцатое Существо, которое мы не можем назвать Учителем в том смысле, в каком мы говорим это о Бодхисатвах, ибо это Существо Само субстанционально изливает из Себя мудрость. Поэтому вполне правильно говорят, указывая на сущность вопроса, что 12 Бодхисатв восседают в Великой Духовной Ложке, вокруг некоего центра: они погружены в созерцание великого Существа, от которого струится к ним все то, что они затем приносят в земное развитие как свою миссию. Таким образом, из этого Тринадцатого притекает все то, чему должны учить людей остальные двенадцать, они являются Учителями, вдохновителями, Тринадцатое же Само как Существо является тем, чему учат другие. О Нем возвещают они из одной эпохи в другую. Этот Тринадцатый есть Тот, которого святые риши называли Вишва-Карман, а Заратустра - Аура Маздао, Тот, Которого мы называем Христом. В таком отношении находится Он ко всем Бодхисатвам; Он является вождем и руководителем Великой Ложки Бодхисатв. Содержанием провозвестия всего хора Бодхисатв является учение о Христе, о Вишва-Кармане. За пять-шесть веков до нашей эры Будда был украшен силами Вишва-Кармана. Тот же, кто воспринял в себя Христа, т. е. натавовский Иисус, был не просто "украшен" - он был "помазан", он был проникнут, пронизан Вишва-Карманом - Христом.

Везде, где люди имели предчувствие об этом факте, об этой великой тайне человеческого развития или познавали ее в посвящении, они воспринимали ее как в некоем символе, в некоей картине. Например, в малоизвестных таинственных мистериях европейского Севера, в мистериях троттов, до появления христианства был создан земной символ духовного

факта, о Ложе двенадцати Бодхисатв. К мистериям троттов в древнейшие времена Европы принадлежали те, которые были Учителями духовного развития, членами содружества двенадцати. Они благовествовали. И среди них был Тринадцатый, Который не учил, но Который простым своим присутствием излучал мудрость, воспринимаемую другими. Это было земным образом небесного духовного факта. С другой стороны, в стихотворении "Тайны", где Гете являет нам свою розенкрейцеровскую инспирацию, мы также видим, как сидят двенадцать вокруг Тринадцатого и как Этот последний не имеет нужды быть великим Учителем, ибо к брату Марку в его простоте, как к Тринадцатому, должны обращаться эти двенадцать, после того, как их покинет нынешний Тринадцатый. Он не должен был быть носителем учения, но носителем самой духовной субстанции. И так было повсюду, где имели понятие или знание об этом высоком духовном факте.

Итак, вместе с Иоанновым Крещением в Иордане в развитии человечества наступил момент, когда этот небесный Тринадцатый, как духовная субстанция, Сам явился на земле - Тот, о Котором учили все Бодхисатвы и Будда и потребовались все те колоссальные приготовления, дабы это Существо могло погрузиться в человеческое тело. Вот тайна Крещения в Иордане. Это Существо, описанное нам в Евангелиях: Вишва-Карман, Аура Маздао, или Христос, как оно позднее было названо, должно было в течение трех лет странствовать по земле в человеческом образе, как человек среди людей, в том страстотерпце, что в течение 30-ти лет своей земной жизни пережил все, о чем говорилось в предыдущих докладах. Натанов Иисус был пронизан Существом, ранее скрывавшимся за теплыми и светлыми солнечными лучами, Существом, Которое отошло от Земли вместе с Солнцем в момент их разъединения.

Но теперь встает другой вопрос: почему же это Существо так поздно соединилось с развитием человечества на земле? Почему Оно не спустилось на землю раньше? Почему Оно раньше не пронизало человеческое эфирное тело так, как это случилось при Иоанновом Крещении в Иордане? Представим себе явление, обозначенное в Ветхом Завете словом "грехопадение". Оно состоит в том, что известные существа, застывшие на ступени развития древней Луны, стали воздействовать в лемурийскую эпоху на человеческое астральное тело. Последнее было проникнуто люциферическими сущностями. Это образно представлено как грехопадение в раю. Вследствие проникновения этих сил в человеческое астральное тело человек глубже погрузился в земное бытие, чем это должно было произойти при нормальном ходе развития. Если бы человек избежал влияния Люцифера, он проделал бы путь своего земного развития, как бы в высших сферах, менее погружаясь в земную материю. Вследствие этого влияния человек раньше спустился на землю, чем это должно было случиться. И если бы не произошло ничего другого, то тогда влияние люциферических сил,

направленных на астральное тело человека, распространилось бы на его эфирное тело. И мировые силы должны были это предотвратить. Потому должно было произойти нечто совершенно особенное. Что под этим подразумевается, будет еще с другой стороны освещено в моем "Тайноведении", которое скоро должно появиться. Человек не должен был оставаться далее в этом положении, т. е. воспринявшим в свое астральное тело люциферические силы. Необходимо было оградить его эфирное тело от воздействия люциферических существ. Это было достигнуто тем, что человек был лишен возможности полностью использовать свое эфирное тело, он не мог по собственному произволу распоряжаться частью своего эфирного тела. Если бы не это совершенное богами благодеяние, человек удержал бы за собой возможность пользоваться всем своим эфирным телом и уже никогда не нашел бы нужного пути в земном развитии. Известная часть человеческого эфирного тела должна была быть выделена и сохранена для позднейших времен. Представим перед нашим духовным взором эту выделенную часть человеческого эфирного тела.

Человек состоит из элементов, находящихся также и во внешнем мире: из "земли", или твердого, из "воды", или жидкого, из "воздуха", или газообразного. Таковы элементы, образующие физическое тело человека и вообще все физическое. "Эфирное" начинается с первого эфирного состояния материи, которое называют состоянием огненно-эфирным, или просто "огня". Огонь или теплота, т. е. то, что современная физика не считает субстанциональным, а лишь простым движением, - суть первое состояние эфира. Второе состояние эфира - это светоносный эфир, или просто свет. Третье эфирное состояние есть нечто, что не проявляется сперва перед человеком в своем первоначальном образе. Человек воспринимает отблеск этого эфирного состояния в физическом мире в виде тона или звука. В основе же того, что внешне является звуком, лежит нечто утонченное, эфирное, нечто духовное. Физический звук есть лишь призрак духовного эфирного звука, или числового эфира. Наконец, четвертое эфирное состояние есть истинный жизненный эфир, лежащий в основе всего живого.

В современном физическом человеке все душевное запечатлевается в его физической и эфирной телесности. И все душевное соотнесено с определенными субстанциями эфирного. То, что мы называем волей, в эфирном выражено в том, что обозначается "огнем". Тот, кто хоть немного восприимчив к известным соотношениям, тот почувствует, что есть известное основание говорить, что воля, выражающаяся физически в крови, живет в огненной стихии эфира. Воля физически отражается в крови, точнее - в движении крови. То, что мы называем чувством, выражается в части эфирного тела, соответствующей световому эфиру. По этой причине ясновидящий видит волевые импульсы человека как огненные пламена, пронизывающие его эфирное тело и озаряющие его астральное тело. Чувства же он видит в виде световых образов. Пережитые человеком в собственной

душе и выраженные в словах мысли суть только призраки мыслей, так же как физический звук есть лишь призрак чего-то высшего. Слова имеют органом звуковой эфир. В основе наших слов лежат мысли; слова являются формой выражения мысли. Эти формы выражения наполняют эфирное пространство, посылая свои вибрации через звуковой эфир. Но физический звук - это лишь слабая тень подлинных мыслительных вибраций. Внутреннее всех наших мыслей, то, что придает им смысл, - это принадлежит по своему эфирному состоянию к истинному жизненному эфиру.

Смысл - Жизненный эфир

Мышление - Звуковой эфир

Чувство - Световой эфир

Воля - Огненный, или тепловой, эфир

Воздух

Вода

Земля

Из всех этих четырех форм эфира в лемурийскую эпоху, с момента люциферического влияния на человека, остались свободными в распоряжении человека лишь две низшие формы, огненный и световой эфир, а двумя же высшими, именно, звуковым и жизненным эфирами, человек был лишен возможности распоряжаться. В этом внутренний смысл Библейского повествования о том, как человек вследствие люциферического влияния получил возможность различать добро и зло, или, образно выражаясь, "вкусил от древа познания добра и зла", и был лишен возможности "вкусить от древа жизни". Это означает, что у человека было отнято то, что свободно, произвольно пронизало бы этот мыслительный эфир и смысловой эфир. С этого момента люди должны были развиваться следующим образом: в каждом человеческом волеизъявлении было представлено то, что соответствовало его воле. Свою волю, так же, как и свои чувства, человек может сделать "личными". Чувства и воля свободно даруются человеку как его личное. Отсюда проистекает индивидуальный, личный характер того, что связано с чувством и волей. Но личный элемент немедленно стирается, как только мы поднимаемся от чувства к мысли, даже к выражению мыслей на физическом плане - к словам. В то время как чувства и воля являются личными для каждого человека, слова и мысли являются чем-то всеобщим. Мы не можем каждый мыслить единолично. Если бы мысли были столь же личными, как чувства, мы никогда не могли бы понять друг друга. Итак, мысль и сознание были изъяты из человеческого произвола и сохранены в

божественных сферах для того, чтобы лишь позже быть переданными человеку. Потому мы на земле можем везде найти индивидуальных людей с индивидуальными чувствами и индивидуальными волевыми импульсами, но мы имеем повсюду у каждого народа одинаковое мышление и одинаковый язык. Там, где есть общий язык, там господствует и общее народное божество. Эта сфера изъята из человеческого произвола, в ней действуют временно Боги.

Когда Заратустра указывал на царство духовного, он мог сказать: "Вниз с неба струится теплота и огонь, с неба нисходит свет; все это лишь одеяния Аура Маздао. Но за этими одеяниями скрывается то, что еще не спустилось вниз, что еще остается там, в небесных высях, и лишь отбрасывает свою тень на физические мысли и физические слова людей". За солнечной теплотой и светом скрыто то, что живет в звуке, в сознании, что открывается лишь тому, кто может прозревать скрытое за светом, что относится к земному слову, как небесное слово к временно уберегаемой для становления человечества части жизни. "Взгляните вверх, на Аура Маздао: вы видите, как он открывается в физическом облачении из света и тепла. За этим облачением сокрыто Божественное Творческое Слово, Которое приближается к Земле".

Что такое Вишва-Карман, Аура Маздао, Христос в его истинном образе? - Божественное Творческое Слово! Поэтому в учении нам встречается поразительное сообщение о том, что Заратустра был посвящен, дабы воспринять в свете своего Аура Маздао, но также еще и божественное Творческое Слово, Гоновер, Которое должно низойти на землю и Которое низошло-таки при Иоанновом Крещении в отдельное человеческое эфирное тело. То, что хранилось с лемурийской эпохи, Слово, - Духовное Слово, - низошло при Крещении Иоанном с эфирных высот в эфирное тело натановского Иисуса.

Что же случилось по окончании Крещения? "Слово стало плотью". Что возвещали Заратустра и те, которые знали Его тайну? Как провидцы, они возвещали Слово, сокрытое за теплотой и светом. Они были служителями Слова. И автор Евангелия от Луки писал то, что возвещалось "самовидцами", ставшими вследствие этого служителями Слова.

Так мы видим на этом примере, насколько буквально надо принимать Евангелия. То, чего было лишено человечество вследствие люциферического принципа, стало плотью в одной единственной индивидуальности, низошло и жило на земле. Это Существо является величайшим образцом для того, кто мало-помалу начнет постигать Его природу. Наша земная мудрость должна брать пример у Бодхисатв, задачей которых было во все времена возвещать то, чем является среди них Тринадцатый. И мы должны синтезировать все то, что дает нам духоведение; должны использовать нашу мудрость, наши

познания, выводы духовного исследования, дабы проникнуть в существо и природу Вишва-Кармана, Аура Маздао - Христа.

ВОСЬМОЙ ДОКЛАД. Базель, 24 сентября 1909 г.

Мы пытались составить себе представление о том, что лежит в основе первых глав Евангелия от Луки. Лишь зная события, разыгравшиеся внутри человеческой эволюции, которые должны занимать нас столь долго, чтобы их обстоятельно обсудить, можно разгадать то, что рассказывает нам автор Евангелия от Луки в своего рода предыстории к описанию великого события - явления Христа. Лишь тогда мы узнаем, Кем был Тот, Кто на тридцатом году жизни воспринял мировой Принцип Христа. Для понимания того, что говорит нам автор Евангелия от Луки о личности и деяниях Христа Иисуса, т. е. Той Индивидуальности, Которая действовала в мире и представляла Христа внутри человеческого тела три года затем, - необходимо кратко описать развитие человечества и его способностей, о которых в наше время так трудно составить себе какое-либо представление. Наше время во многих отношениях весьма близоруко и полагает, что все то, что ныне или последние два-три века происходит с человеком, законы, лежащие в основании развития человечества, существовали всегда и что, наоборот, то, что не существует сегодня, не существовало никогда. Потому-то современному человеку так трудно постигнуть и непредвзято принять повествования о прошлом, например, рассказ о жизни Христа на земле.

Евангелие от Луки рассказывает нам о деяниях Христа Иисуса на земле таким образом, что если мы подлинно отдаемся внутреннему смыслу изображаемого, то все более получаем понятие о том, чем, собственно, было тогда развитие человечества. Исходный пункт нашего современного человечества лежит в атлантической катастрофе. Наши предки, т. е. наши собственные души в других телах, жили в древней Атлантиде, на том континенте, который мы должны искать между Европой и Африкой с одной стороны и Америкой - с другой. После атлантической катастрофы, изменившей лицо земли, группы людей из Атлантиды направились на Восток и на Запад, заселяя землю. В послеатлантическую эпоху возникли следующие культуры: индийская, древнеперсидская, египетско-халдейская, греко-латинская и, наконец, та, в которой мы живем теперь.

В течение этих эпох послеатлантического развития человек не оставался таким, каков он теперь. Человек всегда менялся, человеческая природа претерпевала существенные изменения. Внешние исторические документы повествуют лишь о немногих тысячелетиях. Единственный, но в то же время недоступный для внешнего исследования документ объясняет нам развитие Земли и человечества после атлантической катастрофы - это Акаша-хроника.

Из нее явствует, что после этой катастрофы развивалась первая культура Индии, в течение которой человек жил еще главным образом в своем эфирном теле, не погружаясь еще так сильно в физическое тело, как это случилось позже. Подавляющее большинство населения Индии, не развив, конечно, еще современного Я-сознания, обладало смутным, сумеречным ясновидением. Его сознание было подобно сновидческому, но зато оно могло еще прозревать в основы бытия - в духовный мир. Ныне важно акцентировать внимание на том, что связано с познанием и с формой познания. Современному человеку это необходимо знать, потому что это способствует его будущему прогрессу. Мы всегда подчеркивали, что наши предки в древней Индии обладали гораздо большим ясновидением, чем человечество позднейших времен. Но для понимания Евангелия от Луки надо подчеркнуть еще и другую особенность этих наших предков.

В те времена, когда эфирное тело выдавалось над физическим телом во все стороны гораздо больше, чем теперь, и было гораздо менее с ним связано, душевные силы и свойства человека имели еще большую власть над физическим телом. Но по мере погружения эфирного тела в физическое оно ослабевало и теряло власть над физическим телом. У древних атлантов в огромном большинстве случаев головная часть эфирного тела выдавалась над физическим телом. В известной мере то же было и у древних индусов. Это позволяло им развивать ясновидческое сознание и давало им, с другой стороны, великую власть над процессами физического тела.

Хотя они далеко отстоят от нас, но мы все же можем сравнить древнеиндийские тела с телами нашего времени. В наше время эфирное тело глубочайшим образом погружено в физическое тело и очень слабо влияет на его процессы. Ныне мы как раз стоим на границе, когда эфирное тело вновь начинает выступать из физического тела, освобождаться от него и делаться более самостоятельным. И чем более человек продвигается вперед, тем больше будет выступать его эфирное тело из физического. В настоящий момент человечество уже несколько отдалилось от точки максимального слияния эфирного тела с физическим телом. Сравнивая древнеиндусское тело с современным, находим, что в первом эфирное тело еще относительно свободно и душа может развивать силы, затрагивающие физическое тело. Эфирное тело воспринимает силы души, ибо оно еще не так сильно связано с физическим телом; но по этой причине оно располагает также большей властью над физическим телом, вследствие чего воздействия, которые в те времена исходили из души, в неслыханной мере распространялись и на тело. Когда в индийскую эпоху человек, ненавидящий другого, произносил полное ненависти слово, то оно "жалило" того, к кому было направлено, оно действовало вплоть до физической структуры человека. Душа еще воздействовала на эфирное тело, а это последнее - на физическое тело. Теперь эта сила от эфирного тела отнята. Когда, с другой стороны, произносилось слово любви, оно действовало согревающе, раскрепощающе и

освобождающе на другого человека и на его физическое тело. Потому тогда было очень важно, произносились ли слова любви или ненависти, ибо это влияло на все процессы тела. Но постепенно, с погружением эфирного тела в физическое тело, человечество лишилось этого способа влияния. Теперь произносимое нами слово действует прежде всего на душу, и очень редко теперь человек переживает жестокое, бессердечное слово как нечто удушающее, а слова любви - как нечто воодушевляющее и очастливливающее. Эти своеобразные влияния, ощущаемые и поныне нашим физическим сердцем как результат слов ненависти или любви, достигли огромной интенсивности в начале послеатлантического развития. Потому тогда эти влияния на душу могли быть использованы совершенно иначе, чем теперь. Ныне это воздействие на душу не зависит от того, как говорится то или иное слово. Слово, исполненное даже самой горячей любви, сталкиваясь с нынешней человеческой организацией, всегда более или менее отторгается ею, не проникая во внутреннее человеческого существа. Ибо теперь это зависит не только от того, как произносится то или иное слово, но и от того, как оно воспринимается.

В настоящее время невозможно непосредственно воздействовать на душу человека так, чтобы действительно пронизать его всего, вплоть до его физической организации. Теперь это возможно иным, косвенным, образом. Но в известном смысле станет вновь возможным прежний способ воздействия, ибо мы приближаемся к такому будущему, когда духовное вновь обретает свое значение. Теперь мы уже можем указать на это. В нынешнем цикле развития человечества мы не можем на этой ниве свершить многого для того, чтобы непосредственно пролить в другую душу то, что живет в нас как любовь, благоволение и мудрость, достичь в ней интенсивности воздействия вплоть до физической организации. Лишь постепенно становится для нас возможным вызвать такое воздействие. Эти духовные методы воздействия вновь возвращаются к нам, и они возникают именно на той почве, на которой возрастает духоведческое мирозерцание, ибо это последнее и являет собой начало усиления душевной активности. Теперь лишь в редких случаях возможно, чтобы слово несло за собой физическое воздействие. Но возможно, что люди соединяются, чтобы воспринять в свои души известную сумму духовных истин; эти последние будут укрепляться все больше и, наконец, достигнут в душе известной власти и силы воздействовать на человека вплоть до его физической организации и слагать последнюю по своему подобию. Так в будущем душевно-духовное снова обретет великую власть над физическим и будет формировать физическое по своему образу.

В древние времена индийской пракультуры, к примеру, так называемые святые были совершенно иные, чем в позднейшие времена, и это тесно связано с вышесказанным. Тем, что действовало на душу, можно было достичь и огромного влияния на тело. Потому словом, насыщенным

должным волевым импульсом, можно было так подействовать на , душу другого человека, что душа, в свою очередь, переносила воздействие на эфирное тело, а оно опять-таки на физическое. Если бы люди имели понятие о том, как можно влиять на другую душу, то при болезни можно было бы правильно воздействовать на душу, а через нее и на физическое тело, и вызвать выздоровление. Представьте себе высшую степень этого влияния, представьте себе индуса-врача, обладавшего в высокой степени этим влиянием на человеческую душу, и вам станет ясно, что всякое целительство в индийскую эпоху было гораздо более духовным, чем это может быть теперь. Но мы приближаемся вновь к прежнему способу воздействия. Ниспосылаемая с космических духовных высот сумма истин, соответствующих великому духовному содержанию мира, вольется в человеческие души и станет в будущем целительным средством, исходящим из самой глубины человеческого существа. В жизни человечества, вплоть до глубины будущего, духовная наука является великим исцеляющим душу средством. Мы должны только понять, что развитие человечества шло по нисходящей линии, духовные влияния отходили от него все более и более, и ныне мы стоим на низшей точке этого развития и лишь постепенно сможем подняться к тем высотам, на которых мы некогда были.

Влияния, достигавшие в древней Индии столь высокой степени, терялись медленно и постепенно. Еще в древнеегипетской культуре существовала, например, возможность воздействия одной души на другую. Чем дальше мы уходим вспять во времена египетской культуры, тем больше находим наличие непосредственного влияния одной души на другую, которое могло быть перенесено на физическую организацию. В персидскую эпоху эта возможность была гораздо меньше, ибо эта эпоха имела другое задание: она должна была дать первый импульс к проникновению в физический мир. Потому в отношении вышеописанных особенностей индийская и египетская эпохи достигли гораздо большего, чем персидская. В персидскую эпоху душа замыкалась все более в себе самой, теряя власть над внешней организацией человека, ибо тогда должно было все больше вырабатываться самосознание. Потому с направлением, сохранившим господство духовного над физическим, должно было слиться другое культурное течение, преследовавшее по преимуществу внутреннее углубление, рождение самосознания; оба эти течения уравнились в греко-латинскую культуру - четвертом послееатлантическом культурном периоде. В нем человечество уже так глубоко спустилось в физический мир, что наступило нечто вроде равновесия между физическим и душевно-духовным: дух и душа господствуют над телом приблизительно равно как и это последнее господствует над душой. Наступило своего рода равновесие между обоими: человечество вступило в состояние равновесия.

Чтобы получить возможность вновь подняться к духовным высотам, человечество сперва должно было пройти нечто вроде мирового искуса.

Потому начиная, собственно, с греко-латинской эпохи человечество еще глубже спустилось в физическую материю. Все, что касалось телесного и физического, спустилось на ступень ниже. В наше время (пятая послееатлантическая культурная эпоха) человек, в сущности, был низвергнут ниже уровня равновесия и может подняться сперва лишь в своем внутреннем, может иметь сознание о духовном мире более теоретического характера. Человек должен усилиться внутренне.

В греко-латинскую культуру было положение относительного равновесия, а в настоящий момент физическое достигло перевеса над духовным и душевным и господствует над ними. В некотором отношении духовно-душевное сделалось бессильным, оно может быть воспринято скорее лишь теоретически. На протяжении веков душевное человека ограничивалось тем, что усиливалось внутреннее, но это усиление не отражалось на внешнем сознании. Это внутреннее должно становиться все сильнее для того, чтобы таким путем могло развиваться новое сознание. И когда последнее достигнет известной силы, что произойдет в шестой послееатлантический период, духовно-душевное человека, благодаря все большему принятию духовной пищи, получит уже не теоретическую, а живую мудрость, живую истину. Тогда это духовное настолько укрепитя, что вновь, хотя теперь и с другой стороны, достигнет господства над физическим телом.

Как же с этой точки зрения объяснить миссию духовной науки? Когда в наше время духоведение будет становиться все более тем, что внутренне живет в душе человека, что не только затрагивает рассудок, интеллект человека, но все больше греет душу человека, тогда последняя станет настолько сильной, что обретет господство над физическим. Для этого, конечно, необходим известный переход, необходимо многое, что сначала покажется даже упадком или чем-то вредным. Но это переходные формы, которые уступят место тому будущему состоянию, когда люди примут в свои идеи духовную жизнь и когда все человечество вступит в то состояние, которое означает господство душевно-духовного над физически-материальным. И каждый человек, которого теперь духовные истины интересуют не только потому, что затрагивают его рассудок, но могут его воодушевить, и вызвать в нем внутреннее живое удовлетворение, может быть предвестником человека, вновь достигшего правильного господства души над телом. Уже в наше время мы имеем возможность говорить о таких великих истинах, как слияние элементов Будды и Заратустры, обо всем, что произошло в начале нашей эры в Палестине, когда в ходе развития мира космическая мудрость создала два детских образа - натавовского и соломоновского Иисусов - и с помощью этих могучих явлений осуществила слияние мировых духовных течений, до тех пор отдельно протекавших на земле. Можно двояко посмотреть на то, что говорилось нам в последние дни. Кто-нибудь скажет: для современного сознания это выглядит поначалу

весьма фантастичным, но если я взвешиваю все, что там присутствует как внешний результат, мне это представляется убедительным, и Евангелия впервые становятся мне понятными, когда я предпосылаю им то, что рассказывается из Акаша-хроники. Каждый, кто, к примеру, питает интерес к тому, что рассказывается о двух мальчиках Иисусах, может удовлетворить свой интерес. Он может сказать: теперь мне многое стало ясно из того, что я раньше не мог себе объяснить. А другой мог бы тогда сказать: для меня существует ведь и что-то другое. Когда я обзираю все эти процессы, когда я просматриваю, что сообщает оккультное исследование о том удивительном Нирманакайя Будды, лежащем в основе благовествования пастухам, и т. д. или когда я беру другое течение и вижу, как звезда вела приверженцев Заратустры, как им снова на земле явился их вождь, когда я вижу, как мировые течения текут навстречу друг другу, как соединяется то, что поначалу было разделено, - когда я даю всему этому воздействовать на свою душу, из всего этого у меня рождается одно впечатление: впечатление, что в ходе мирового становления все неопишимо прекрасно! И такое впечатление можно иметь, что все чудесно, необычайно и величественно! Это может зажечь человеческую душу и заставить ее воспламениться при виде истинных мировых событий.

Это самое прекрасное из того, что дают нам великие истины. Маленькие истины удовлетворяют наши познавательные потребности, великие же согревают наши души. Мировой процесс одновременно есть нечто невообразимо прекрасное. Когда мы ощущаем его в его красоте, в его величии, он проникает в нас до самых основ и возносит нас над чисто теоретическим пониманием. А что говорил Христос Иисус в духе Евангелия от Луки? "Вышел сеятель сеять семя свое; и когда он сеял, иное упало при дороге и было потоптано, и птицы небесные поклевали его. А иное упало на камень и взошед засохло, потому что не имело влаги; А иное упало между тернием, и выросло терние и заглушило его; А иное упало на добрую землю и взошед принесло плод сторичный." (Лк. 8, 5 - 8).

То же самое происходит и с антропософским мировоззрением, к нему приложимы также и те разъяснения, которые дает Христос Иисус по поводу этой притчи. Семя есть Царство Божие, Царство Небесное, Царство Духа; оно должно, подобно семени, проникать в человеческие души, должно сделаться деятельным на земле. Но есть люди, в которых заключены лишь такие душевные силы, которые отталкивают духовное мировоззрение, а вместе с тем и царство божественно-духовных существ. Эти воззрения встречают препятствие в человеческой душе и отбрасываются, прежде чем могут пустить в ней росток, иными словами, птицы клюют их и не дают проникнуть в истинную почву души. Слова Иисуса Христа годятся для многих, годятся в наши дни в отношении того, что антропософия несет в мир: она отторгается, птицы, так сказать, пожирают ее и не дают вообще проникнуть в почву. И даже если бы к такой душе обращались слова Христа

Иисуса или вообще слово духовной мудрости, такая душа недостаточно глубока, чтобы воспринять его. Душа бывает подготовлена как раз настолько, чтобы понять всю правдоподобность этих истин, но последние, однако, не соединяются с ее собственной субстанцией и существом. Может быть даже, душа в состоянии передавать другому эту мудрость, но сама она не слилась с ней воедино. Это подобно семени, упавшему на камень и не возросшему. Третье семя упало между терниями и хотя и взошло, но не смогло вырасти и заглохло. Христос Иисус поясняет, что есть люди, душа коих заполнена заботами и интересами обыденной жизни, и, хотя они в состоянии понять слово духовной истины, но все остальное в душе действует как терние, заглушая слова истины. Есть такие души - и их очень много, - которые очень охотно перерабатывали бы в себе эти истины, если бы натиск внешней жизни постоянно не удерживал бы их. И лишь немногие в состоянии взрастить в себе духовные истины как нечто свободное, подобно четвертому семени. Это те, которые начинают ощущать антропософский элемент как живую истину, воспринимающие его в душу как жизненный элемент и им живущие. Такие люди являются предвестниками будущей действительности духовной истины. Но ни один человек, если он не получил посредством своей собственной внутренней душевной силы полного доверия к способу действия этой духовной мудрости, не может быть ныне убежден в истинности и действительной силе духовной мудрости посредством чего-либо внешнего.

Ибо разве это является доказательством бессилия духовной мудрости, если в наше время она у огромного числа людей не проявляется физически? Напротив, то, что духовная мудрость часто отрицательно действует на мощь физического тела человека, есть лишь доказательство ее оздоровляющей силы. Представим себе, что некто, обладающий слабым физическим здоровьем, например, городской ребенок, с раннего детства дышавший лишь городским воздухом и с детства этим ослабленный, будучи перемещен в острый, здоровый воздух гор, не выздоравливает, а, наоборот, заболевает, - ведь это не может служить доказательством вредности горного воздуха? Точно так же, если духовные истины, проникая в известные человеческие существа, вызывают в них преходящие болезненные явления, это не может служить доказательством неправильного образа действия этих духовных истин. Они затрагивают то, что человеческие тела приобрели наследственным путем в течение веков и тысячелетий; но они поражают только то, что им не соответствует.

Во внешнем мире мы еще не можем найти в отношении этого никаких доказательств. Мы должны проникнуть в эти духовные истины и в них самих почерпнуть глубокую уверенность в их истинности. Сколько бы очевидных доказательств не находили бы мы во внешнем мире, мы должны проникнуть во внутреннее, должны выработать в нас самих уверенность в том, что если иногда антропософские истины оказывают на человека наступательное действие, то это происходит только потому, что они затрагивают нездоровые

стороны человека. Духовная мудрость здорова всегда, люди же, наоборот, часто оказываются больными. Потому понятно, что теперь не все может быть раскрыто из того, что скопил человек на протяжении времен в области духовной мудрости. О том же, чтобы вред не был слишком силен, - об этом заботятся; городского ребенка не шлют на изнурительный для него горный воздух.

Потому время от времени можно сообщать лишь то, что в среднем в состоянии перенести человек. Если бы сейчас открыть людям всю глубину духовной мудрости, то многие сломились бы под этой огромной тяжестью, как с физически слабым здоровьем на горном воздухе. Только медленно и постепенно могут быть явлены человечеству эти великие истины; но это произойдет и поведет к всестороннему оздоровлению человечества.

Все это скрыто за обобщенным понятием духовнонаучного движения. Люди лишь медленно и постепенно могут завоевать то, что они однажды потеряли, т. е. господство душевно-духовного над материальным. Это терялось медленно, начиная с древнеиндийской эпохи: еще в греко-латинской эпохе были люди, имевшие как наследие других времен выделенное из физического эфирное тело; такие люди всей своей организацией были доступны духовно-душевному влиянию. Потому именно тогда должен был появиться Христос Иисус. Если бы Он появился в наше время, то Он не мог бы теперь действовать так, как Он действовал тогда, и не смог бы стать великим прообразом человека. В настоящее время Христос столкнулся бы с человеческой организацией, гораздо глубже погруженной в физическую материю. Он Сам должен был бы воплотиться в физическую организацию, которая не могла бы оказывать такого могучего душевно-духовного влияния на физическое, как тогда.

Но это касается не только Христа Иисуса, но и всех подобных явлений, и мы пойдем эволюцию человечества лишь тогда, когда осветим ее именно с этой точки зрения. Это касается, например, и Будды и его появления на земле. Будда даровал нам великое учение о любви и сострадании и все, что с этим связано и описано в "восьмичленном пути". Но неужели вы думаете, что если бы он появился на земле теперь, то он мог бы нам даровать то же и тем же способом? Конечно, нет, ибо теперь невозможна та физическая организация, которая дала Будде возможность совершить его развитие. Физическая организация меняется постоянно. И нужен был именно тот момент и та образцовая человеческая организация, чтобы спустившийся на землю Будда мог даровать человечеству могучий импульс будущего развития, заложенный в "восьмичленном пути", чтобы люди могли постичь его духовно. Теперь человечеству предписано постепенно усваивать духовно-душевно этот "восьмичленный путь". Кажется поразительным, но это верно: все то, что было с тех пор достигнуто человечеством в его философских и нравственных учениях, - все это лишь слабая попытка

достигнуть того, что было даровано Буддой. Сколько бы люди не преклонялись перед различными философскими системами, сколько бы не мечтали о кантианстве и подобных вещах, - все это мелочи, все это самое элементарное из того, что заключено во всеобъемлющих истинах "восьмичленного пути". Лишь медленно и постепенно может человечество подняться до познания того, что скрыто за его словами. Такой импульс дается сперва в соответствующий момент в одном всеобъемлющем событии, и уже отсюда развитие идет дальше. Здесь лежит точка отсчета для человечества, и оно когда-нибудь через долгое время достигнет того, что первоначально как мощное деяние было прообразно установлено. Так в свое время восстал Будда и принес учение о любви и сострадании как знамение для грядущих поколений, коим надлежит медленно и постепенно овладевать способностью из самих себя познавать то, что заложено в "восьмичленном пути". И в шестом культурном периоде будет уже значительное число людей, обладающих такой способностью. О, мы еще весьма далеки от того, чтобы люди могли сказать себе: то, что прообразно было установлено Буддой за пять-шесть столетий до нашего летосчисления, это мы можем теперь найти из своей собственной души; в своей собственной душе мы теперь уподобились Будде.

Шаг за шагом человечество должно подниматься к вершине. Первыми последователями являются те, которые, обладая соответствующей индивидуальностью, пришли в великое время и путем унаследованных способностей получили возможность понимать такие вещи. Остальная масса человечества поднимается значительно медленнее и лишь позднее достигнет дарованного ему идеала. Когда большинство человечества станет способным переживать "восьмичленный путь" личным познанием своей души как свою собственность, а не как нечто, полученное извне от буддизма, тогда оно окажется далеко подвинутым и в другом отношении. Прочтите в моей книге "Как достигнуть познания высших миров" о том, как связано развитие 16-лепесткового лотоса с "восьмичленным путем". Именно посредством этого "восьмичленного пути" люди получают возможность развить в себе 16-лепестковый лотос, ибо они внутренне связаны друг с другом. И у человека, способного видеть развитие человечества, есть определенный критерий для того, чтобы судить о степени этого развития: это степень развития 16-лепесткового лотоса - одного из первых духовных органов, долженствующих служить человеку в будущем. Когда этот орган будет развит, тогда наступит определенное господство духовно-душевного над физическим. Лишь человек, уже теперь начавший свое духовное эзотерическое развитие, имеет право сказать, что он стоит на пути именно к воплощению в жизнь "восьмичленного пути". Другие же лишь изучают его. Это, конечно, тоже необходимо и послужит побудительным мотивом в дальнейшем.

Мы видим, что духовно-душевное может быть действенно лишь в том, кто начал органически сливаться с собственной душой то, что даровано ему как

духовная мудрость. Ибо, поскольку "восьмичленный путь" делается собственным переживанием души, постольку он действует на физическое. Материалисты могут сказать нам на это: "Представьте себе человека, ставшего на путь духовного развития, начавшего оживлять в себе духовные истины, как вы выражаетесь; если такой человек умирает в 50 лет, то из этого явствует, что духовные истины мало помогли ему в смысле удлинения его жизни". Жаль только, что при такого рода возражениях не говорится о том, сколько бы лет прожил этот человек, если бы он не пошел путем духовного развития; может быть, он жил бы тогда лишь до 40 лет? Сначала надо решить этот вопрос. Люди всегда констатируют только то, что есть, и не обращают внимания на то, чего нет. Важно видеть вещи под этим углом.

Вплоть до четвертой культурной эпохи, когда явился Христос, человечество постепенно лишалось господства духовно-душевного над физическим; в эту четвертую эпоху еще значительное число людей обладало возможностью действовать посредством духовного на физическое. Тогда-то и должен был явиться Христос. Если бы Он явился в мир позже, то не могли бы быть явлены те вещи, коими было отмечено Его пришествие. Столь великое явление должно было быть явлено миру именно в нужное время.

И что же означает вступление Христа в мир? Человек, правильно понимающий Христа, заполнивший Им все свое Я-сознание, учится пользоваться своим самосознанием, дабы Его Я вполне и всецело господствовало надо всем тем, что есть в человеке. Это и будет пришествие Христа в мир. Это себя само осознавшее Я и будет тем, что вновь покорит себе все то, что человечество потеряло в течение времен. Как "восьмичленный путь" должен был быть сперва дарован Буддой, так же однажды на исходе старых времен должно было быть зримо представлено господство принципа Я надо всем, что существовало в мире внешней телесности. Ныне это уже не могло бы совершиться в такой форме. Теперь появление Христа не могло бы оказать столь могучего, оздоравливающего влияния на окружающее, как в то время. Для этого было необходимо именно то время и те люди, которые обладали еще значительно выделенным из физического тела эфирным телом, позволявшим им воспринимать через простое слово, через простое прикосновение те мощные воздействия, от которых теперь остались лишь слабые отзвуки. Человечество начало развивать свое Я для того, чтобы сперва постигнуть Христа, а затем уже, исходя из этого, опять приобрести то, что оно однажды потеряло. На последних представителях древнего человечества должно было быть показано, как Я, выразившееся совершенно в одном человеке, Христе Иисусе, - так, как в конце существования Земли оно выразится во всех людях, - как это Я во всех областях могуче действовало на человека того времени. Это-то и представляет нам автор Евангелия от Луки, показывая, что Христос принес в мир такое Я, которое пронизывает физическое, эфирное и астральное тела человека так, что может могучим, оздоравливающим образом

влиять на всю телесность. Это должно было быть явлено миру для того, чтобы показать, что, когда люди в ходе грядущих тысячелетий усвоят силу, которая некогда исходила из Я Христа, тогда от Я людей смогут исходить воздействия, сродни тем, что некогда излучались в человечество Христом. Это должно было быть явлено во всех областях, но все это могло быть явлено лишь тогдашнему человечеству.

В числе прочего также было указано на болезни, имевшие истоки в астральном теле человека. То, как проявлялись эти болезни, связано с существом всего человека. Если теперь человек обладает дурными нравственными качествами, то эти последние проявляются, вероятно, лишь как дурные свойства его души, ибо в наше время душа не имеет той власти над телом, как во времена Христа, и потому теперь не каждый грех легко становится внешней болезнью. Но постепенно мы приближаемся к тому состоянию, когда эфирное тело опять начинает выступать за пределы физического тела. Для человечества наступает эпоха, когда надо особенно внимательно следить за тем, чтобы душевные пороки в моральном и интеллектуальном отношении не выразились бы как физическая болезнь. Это опять уже начинается, и многие из тех болезней, наполовину душевных, наполовину телесных, называемые иначе нервными, обозначают начало этой эпохи. Нынешние люди в своих восприятиях и мыслях восприняли дисгармонию внешнего мира, что может выразиться лишь в таких явлениях как истерия и т. п. Все это связано со своеобразностью нашего духовного развития, которому мы теперь идем навстречу, освобождая наше эфирное тело.

В то время, когда Христос появился на земле, существовало много людей, в которых грехи именно нравственного характера, проистекавшие от прежних отрицательных душевных качеств, проявлялись как болезнь. То, что, по существу, заключается в астральном теле как греховность, что проявляется как болезнь, названо в Евангелии от Луки бесноватостью. Когда человек вовлекает в свое астральное тело посторонних духов, не имея вместе с тем возможности властвовать над своим существом через свои лучшие качества, это называется бесноватостью. У людей, имевших древнее обособление эфирного тела от физического, в подавляющем большинстве случаев дурные качества и свойства проявлялись как болезненная форма, названная в Евангелии от Луки бесноватостью. Евангелие от Луки говорит, что подобные люди исцелились близостью и словами Той Индивидуальности, в Которой был воплощен Христос, и что Ею изгонялось все то злое, что заключалось в таких людях. Это дано нам как прообраз того, что в конце земного развития хорошие качества людей будут оздоравливающе влиять на все остальные человеческие свойства.

В главе, называемой обычно "исцелением расслабленного", описывается совсем не то заболевание, которое обычно здесь подразумевается, но люди не

способны замечать всех тонкостей, скрывающихся за евангельскими словами. В действительности эта глава должна называться "исцелением парализованного" (Лк. 5, 17 - 26) (ибо в греческом тексте на этом месте стоит слово "paralelymenos"; это означает человека с парализованными конечностями). В то время знали, что эта болезнь проистекала из дурных качеств эфирного тела. Рассказом об исцелении расслабленного нам дается понять, что силы Христа Иисуса простирались не только на астральное тело, но и на эфирное тело, и что люди с поврежденным эфирным телом могли переживать Его исцеляющие влияния. И, говоря об этом "тяжком грехе", проникающем вплоть до эфирного тела, Христос употребляет совершенно особое выражение. Он не просто говорит расслабленному: "Встань и ходи", - но Он подходит к причине, простирающейся на эфирное тело и проявившейся в форме болезни, и говорит: "Отпускаются тебе грехи твои". Это ясно указывает на то, что сперва должно быть удалено порождающее болезнь духовное, то, что как грех вьелось в эфирное тело. Но обычное исследование Библии не доходит до таких тонких различий, оно не видит того влияния, которое имел Христос не только на тайны астрального и эфирного тел, но даже и на тайны физического тела.

Почему же мы говорим о тайнах физического тела как о высших? Взаимное влияние астральных тел очевидно. Вы можете, например, поранить другого человека, произнося исполненное ненависти слово; это - процесс. Человек слышит оскорбление и переживает его как страдание в своем астральном теле. В подобном случае мы имеем как бы некий обмен между двумя астральными телами. Соответствующий обмен между двумя эфирными телами происходит уже гораздо сокровеннее, ибо к нему относятся утонченные влияния человека на человека, на которые ныне больше не обращают внимания. Но самыми скрытными являются влияния, обуславливающие взаимодействия физических тел, ибо последние наиболее забронированы от духовного плотной физической материей. И вот нам указывается, что Христос Иисус имеет власть над физическим телом. Но каким образом это делается? Здесь мы коснемся главы, совершенно не понятной современным материалистам. Хорошо, что на этом цикле докладов собрались только подготовленные слушатели духовной науки, ибо человек с улицы посчитал бы то, о чем пойдет речь, за полное безумие, даже если прочее держал бы за полу-безумие или четверть безумие.

Христос Иисус указывает на то, что Он прозревает сквозь физическую телесность и влияет на нее. Это доказывается тем, что Он Своей силой исцеляет даже те болезни, которые коренятся в физическом теле человека. Чтобы уничтожить болезни физического тела, необходимо знать таинственные влияния физических тел друг на друга. Для того, чтобы действовать духовно, нельзя рассматривать человека как существо, замкнутое в своей коже. В этом отношении собственный палец разумнее нас самих: он знает, что кровь циркулирует в нем потому, что он составляет

часть всего нашего тела, и что он засохнет, если будет отделен от остального организма. Подобным же образом, рассматривая организацию своего тела, человек должен знать, что своей физической организацией он принадлежит всему человечеству, что в мире происходит непрерывное воздействие одного человека на другого и что физическое здоровье одного человека нельзя отделить от здоровья всего человечества. Современные люди допускают это в отношении более грубых влияний и отказывают в этом воздействиям более тонкого порядка. Это происходит потому, что современное человечество не хочет знать фактов. Между тем, в Евангелии от Луки указывается именно на эти тонкие влияния. В восьмой главе говорится об исцелении дочери Иаира "Когда же возвратился Иисус, народ принял Его, потому что все ожидали Его. И вот, пришел человек, именем Иаир, который был начальником синагоги; и падши к ногам Иисуса, просил Его войти к нему в дом, потому что у него была одна дочь, лет двенадцати, и та была при смерти. Когда же Он шел, народ теснил Его. И женщина, страдавшая кровотечением двенадцать лет, которая, издержавши на врачей все имение, ни одним не могла быть вылечена, подойдя сзади, коснулась края одежды Его; и тотчас течение крови у ней остановилось" (Лука 8, 40 - 44). Христос Иисус должен был исцелить двенадцатилетнюю дочь Иаира. Но как мог Он сделать это, если она была при смерти? Это возможно лишь тогда, когда известна связь данной физической болезни с другим соответствующим явлением у другого человека. Данная болезнь не может быть исцелена до тех пор, пока не примется во внимание это другое явление. Ибо, когда рождалась эта дочь Иаира, существовало известное глубокое, обоснованное в карме взаимоотношение между ней и некой другой личностью. Потому нам говорится о том, как некая женщина, 12 лет страдавшая болезнью, приблизилась к Христу Иисусу и коснулась края Его одежды. Почему упоминается здесь об этой женщине? Только потому, что ее карма была связана с кармой дочери Иаира. Эта двенадцатилетняя девочка и женщина, 12 лет страдавшая болезнью, связаны друг с другом. И недаром указывается на эту тайну чисел.

Ко Христу Иисусу подходит женщина, 12 лет страдающая болезнью, и Он, исцелив ее, может войти в дом Иаира и исцелить двенадцатилетнюю девочку, уже считавшуюся мертвой.

Необходимо столь глубоко входить в положение вещей, чтобы установить карму связывающую людей друг с другом. Тогда можно увидеть третий род воздействия Христа, - тот, что простирается на весь человеческий организм. Высокая деятельность Христа должна быть рассмотрена именно с учетом вышесказанного, что явлено нам в Евангелии от Луки.

В нем наглядным образом указывается на то, как влияло Я-Существо Христа на все члены человеческого существа. В этом-то и заключается сущность всего. И автор Евангелия от Луки в подобных местах хотел

показать, что, в сущности, эти исцеления выявляют перед нами то, до какой высокой ступени развития может прийти человеческое Я. Он показывает, как должен был действовать Христос на астральное, эфирное и физическое тела человека. Лука как бы ставит миру великий идеал человечества: "Посмотрите на ваше будущее - как бы говорит он нам, - ныне, на настоящей ступени вашего развития, ваше Я еще слабо, власть его еще мала. Но постепенно оно будет становиться властелином астрального, эфирного и физического тел и будет преобразовывать их. Перед вами великий идеал Христа Иисуса, показывающий людям, какова может быть эта власть человеческого Я над астральным, эфирным и физическим телами человека".

Эти истины, лежащие в основе Евангелий, могли быть написаны лишь теми, кто опирался не на внешние документы, а на свидетельства "личнозрящих" и "служителей Слова". Человечество лишь постепенно будет усваивать убеждение в истинности того, что скрыто за Евангелиями. И тогда постепенно то, что лежит в основе религиозных документов, будет усвоено с такой интенсивностью и силой, что оно в действительности будет влиять на все члены человеческого существа.

ДЕВЯТЫЙ ДОКЛАД. Базель, 25 сентября 1909 г.

Евангелие от Луки может быть понято лишь тогда, когда развитие человечества понимается в том высоком смысле, который открывается нам духовной наукой, т. е. когда действительно принимаются во внимание перемены, происходившие в ходе развития человечества и совершенно изменившие организацию человека. Если мы хотим объяснить себе - а это необходимо для постижения Евангелия от Луки - тот радикальный процесс, происшедший с человечеством во времена Христа Иисуса, мы должны сравнить его с тем явлением, которое происходит в наше время, хотя и не так быстро, но все же достаточно ясно, чтобы его могли воспринять видящие.

Чтобы понять это, мы должны раз и навсегда порвать с часто высказываемым мнением, будто природа и эволюция не делают "скачков", как нам охотно диктует удобство мышления. Это совершенно ложное представление, ибо в действительности, наоборот, природа постоянно делает скачки, в этом и есть вся мудрость эволюции. Посмотрите на развитие зародыша растения: когда растение выпускает первые листки, в этом уже заметен скачок. Следующий скачок происходит тогда, когда растение переходит от листка к цветку; далее - при переходе от внешней части бутона к внутренней и дальнейший, особенно резкий скачок происходит в момент завязи плода. В природе постоянно происходят скачки, и кто этого не видит, тот ее никогда не постигнет. Такой человек, наблюдая, как иногда развитие человечества идет вперед черепашьям шагом, должен предположить, что и в

другие времена развитие шло тем же темпом. Однако, может быть, что в определенный момент времени, развитие, до тех пор медленно продвигавшееся вперед, вдруг делает скачок, наподобие того, как у растения после медленного развития листков вдруг появляется цветок.

Такой огромный скачок в развитии человечества произошел в момент явления на земле Христа Иисуса: тогда имел место такой скачок - в сравнительно короткое время почти совершенно исчезло древнее ясновидение и господство духовного над телесным. Но до того как произошел этот перелом должно было быть соединено воедино все, что являлось наследием древних времен. Этому и должен был содействовать Христос Иисус, лишь тогда могло быть еще раз воспринято человечеством нечто новое и лишь после этого оно могло медленно и постепенно развиваться.

Такой же скачок, хоть и не столь резкий, произошел и в наше время в другой области. Этот скачок протекал в более долгий период времени, но, тем не менее, он должен вполне ясно предстать перед всяким, кто стремится понять нашу эпоху. Лучшее представление об этом скачке мы получаем тогда, когда обращаемся к людям, которые, исходя из того или иного духовного направления, пришли к духовной науке. То, что я говорю, это только пояснение, отнюдь не порицание. Возможно, например, - и это случается довольно часто, - что представитель той или иной религиозной общины приходит на духовнонаучный доклад, связанный с сущностью христианства, прослушав который, говорит: "Все это прекрасно и, в сущности, совершенно не противоречит тому, что мы говорим с амвона и кафедры, но мы говорим так, что это понятно каждому, то же, что говорится здесь, может быть понято лишь немногими". Такое часто случается. Тот, кто говорит или думает, что можно понимать христианство лишь так, как понимает его или проповедует он сам, тот упускает из виду, что люди обязаны судить не сообразно своим склонностям, а согласно фактам. И однажды я должен был ответить такому человеку следующее* (*См. также доклад от 5 марта 1920 г. в "Противоположностях в развитии человечества" (GA, том 197)): "Вы, может быть, думаете, что вы проповедуете христианские истины для всех людей. Но ваша вера в данном случае ничего не решает, а решают факты. Все ли люди ходят к вам в церковь? Нет, факты говорят обратное. Тем, для кого вы знаете, как надо, - для тех именно не существует духовной науки; она существует для тех, кому нужно нечто иное". Мы должны судить согласно фактам, а не по нашим предпочтениям. Но людям очень трудно отличать свои собственные предпочтения от фактов.

И если бы таким людям, которыми заправляет мнение, что они знают, как надо, и которые приходят в ужас, когда другие говорят по-другому, духовная жизнь совсем не могла бы ничего противопоставить, что бы произошло тогда? Тогда все увеличивалось бы количество людей, которые не

могли бы слышать ту манеру провозвестия духовных истин, что принята до сих пор в том или ином традиционном течении. Все меньше бы становилось людей, которые посещали бы места, где говорится о духовных истинах в старой манере. И не будь духовной науки, эти люди не имели бы никакого удовлетворения своих духовных потребностей. Они погибли бы из-за отсутствия духовной пищи. Но форма, в которой дается людям духовная пища, не зависит от воли одного человека, она зависит от человеческого развития. В настоящий момент мы фактически переживаем время, когда люди ищут удовлетворения своих духовных потребностей, в том числе объяснения Евангелий и т. д. Но важно не то, как нам хотелось бы давать духовную пищу, а то, как этого требует человеческая душа. Поистине, в наше время родилась тоска по духовной науке. И возможность удовлетворения духовных потребностей времени вовсе не зависит от того, кто хочет учить чему-либо другому, ибо у него будет все меньше и меньше слушателей.

Мы живем в то время, когда из человеческих сердец все более исчезает возможность понимать Библию так, как ее понимала европейская культура в течение последних черытех-пяти веков. Или люди воспримут духовную науку и с ее помощью научатся познавать Библию в новом свете, или, наоборот, люди придут к тому, как это теперь и бывает, что совершенно не смогут воспринимать духовную науку и понимать Библию. Человечество совершенно потеряет Библию, она исчезнет, и ее духовные сокровища, наиважнейшие в развитии Земли, будут потеряны для человечества. Вот, на что нам надо обратить внимание. Мы стоим перед таким скачком в нашем развитии. Человеческое сердце требует духовнонаучного объяснения Библии; если человечество сможет его воспринять, Библия по-прежнему останется благословением человечества, если же этого не случится, Библия будет потеряна. Это должны сказать себе те, кто думают непременно удерживать свои предпочтения по части устоявшейся манеры подступов к Библии. Таким образом можно охарактеризовать этот скачок, делаемый нами в настоящий момент нашего развития. И того, кто знает этот факт, не собьют с толку преграды антропософского духовного течения, ибо он знает всю необходимость последнего для развития человечества.

Но то, что происходит ныне, рассмотренное с высшей точки зрения, есть нечто относительно малое по сравнению с тем, что произошло тогда, когда Христос явился на земле. В то время развитие человечества достигло такой ступени, когда существовали последние отпрыски древнего развития, начало которого надо даже относить к прежним воплощениям нашей Земли. Человек развивался, главным образом, в физическом, эфирном и астральном телах; хотя его Я вчленилось уже давно в телесную организацию, но в то время оно играло еще подчиненную роль. Совершенно самосознающее Я было еще покрыто тремя покровами: физическим, эфирным и астральным телами. Так было вплоть до появления Христа.

Предположим, что Христос не пришел бы на землю, - что произошло бы тогда? Тогда человеческое развитие шло бы к полному выявлению Я; но постольку, поскольку бы выявилось это Я, исчезли бы и все выдающиеся способности физического, эфирного и астрального тел; все прежнее ясновидение, прежнее господство души и духа над телом исчезли бы, ибо это было необходимостью развития. Человек стал бы "самосознающим Я", но это Я все больше бы вело человека к эгоизму и к тому, что любовь умерла бы, исчезла бы на земле. Человек превратился бы в эгоистичное Я - в этом самое главное.

В эпоху палестинских событий человечество созрело до возможности развития своей самости, своего Я, благодаря чему оно уже потеряло возможность воспринимать старый способ влияния. В древнееврейском развитии, например, Закон, Синайское провозвестие, мог воздействовать потому, что Я не было вполне выявлено и что астральному телу, которое тогда являлось наивысшим, могло быть внушено и запечатлено то, что правильным образом оно должно было действовать во внешнем мире. Таким образом, Синайский закон является последним провозвестием перед полным выявлением Я. Если бы Я выявилось и ничего другого не произошло бы, человек смотрел бы только на свое Я. Человечество уже созрело для развития Я, но Я было бы пустым - Я, которое думало бы только о себе самом и не желало бы трудиться для других или для мира.

Придать этому Я содержание, постепенно подвинуть это Я к такому развитию, чтобы оно изливалось из себя ту силу, которую мы именуем силой любви, - в этом было деяние Христа на земле. Без Христа Я стало бы пустым сосудом; благодаря явлению Христа Я все больше и больше сродни сосуду, наполняемому любовью. Потому Христос мог сказать окружающим: "Вы говорите, видя, как собираются облака, будет такая или другая погода; так по внешним признакам вы судите о погоде. Но знаков времени вы не понимаете. Если бы вы их понимали и могли судить о происходящем вокруг, то знали бы, что Бог хочет запечатлиться в Я, Он его проникает, наполняет; и тогда бы вы не сказали: мы можем жить и тем, что досталось от старых времен. - Что происходит из старых времен, это дают вам книжники и фарисеи, которые хранят старое и не хотят прибавить ничего к тому, что было дано людям ранее. Но это закваска, ставшая непригодной в эволюции человечества. А кто скажет: я хочу остаться при Моисее и Пророках, тот не понимает знамений времени, не знает, какого рода переход переживает человечество". (Лк. 12, 54 - 59). В многозначительных словах говорит Христос Иисус окружающим, что не от личных предпочтений зависит, будет ли человек теперь христианином или нет, но от необходимости грядущего развития человечества. Речью, переданной Евангелием от Луки словами о "знамениях времени", Христос Иисус хочет сделать понятным, что старой закваски книжников и фарисеев, сохраняющих только старое, недостаточно, а верить, что достаточно, могут лишь те, кто чувствует потребность судить по своим предпочтениям и не

считаются с необходимостью для развития мира учить иным вещам. Потому-то Христос называет ложью то, чего хотели книжники и фарисеи и что более не соответствует состоянию мира. Вот, что, собственно, значит это выражение.

Мы можем лучше поставить эмоциональную энергию Его речи перед своей душой, если сравним ее со сходными процессами, происходящими в наше время. Как надо в связи с указанным говорить в наше время, если хотеть целиком перенести на наше время то, что Христос Иисус сказал о книжниках и фарисеях? Есть ли в наше время кто-то подобный книжникам? Да, есть! И это те, кто не хотят идти вровень с более глубокими разъяснениями Евангелий, что хотят остаться при том, что им могут сообщить относительно Евангелий способности, приобретенные без духовной науки; это те, кто не хотят спуститься в подосновы Евангелий, что возможно благодаря духовной науке. Все попытки интерпретировать Евангелия - неважно, более прогрессивным ли или более ретроградным способом - неудовлетворительны. Ибо сила, чтобы смочь интерпретировать Евангелия, вырастает только на духовнонаучной почве, и только на ней. Только из духовной науки можно обрести истину относительно Евангелий! Потому-то все остальное, что в наши дни составляет евангельское исследование, так неутешительно, оставляет столь равнодушным, если мы в самом деле хотим исследовать истину. Только в наше время к книжникам и фарисеям прибавилась третья категория людей, - естественники, - так что на сегодня мы можем говорить о трех категориях, желающих исключить все, что ведет к духовному, и способности, которые может приобрести человек, чтобы придти к духовным основам природных явлений. И те, которым в наше время, говоря в смысле Христа Иисуса, надо противостоять, сидят теперь зачастую на кафедрах; они наложили руку на классификацию природных явлений и отклоняют духовные объяснения. Это те, что тормозят прогресс в развитии человечества, ибо прогресс человечества тормозится повсеместно, когда не хотят узнавать в указанном смысле знаки времени.

В наше время только отвечало бы следованию за Христом Иисусом, когда находят мужество, как Он, обратиться против тех, кто хотел бы признавать только Моисея и пророков, повсеместно обращаться против тех, кто хотят воспрепятствовать прогрессу человечества, когда они выступают против антропософской интерпретации Писаний, с одной стороны, и проявлений природы, - с другой. Порой это вполне приличные люди, охотно желающие там и сям внести некий неопределенный мир. Таким людям надо в своем сердце возвращать нечто из того, что именно Христос Иисус говорил в смысле Евангелия от Луки.

К числу прекраснейших и проникновеннейших притч Евангелия от Луки относится та, что обычно называют притчей о неверном управителе. (Лк. 16, 1 - 13). Там рассказывается: У одного богатого человека был

домоуправитель, на которого было донесено, что он расточает хозяйское добро, и поэтому хозяин решил уволить этого домоуправителя. Но тот был этим в высшей степени подавлен и спрашивал себя: что мне теперь делать? Не могу зарабатывать на хлеб землекопом, ибо не умею; не могу и побираться, ибо стыжусь. И тогда он нашел выход. Он сказал себе: ведь я, как управитель, имел дело с людьми, обходился с ними всегда так, что видел только интересы моего господина. Поэтому меня принимают не слишком охотно, ибо я не замечал их интересов; я должен что-то сделать, чтобы они приняли меня к себе, дабы я не погиб; сделаю я что-то, чтобы люди видели, что я желаю им добра. - Тогда он пришел к одному из должников своего господина и спросил его: сколько ты должен? - и списал ему половину долга. Так же поступил он и с другими. Так он старался снискать благоволение у должников, чтобы когда господин его прогонит, пойти к этим людям, найти у них прием и не умереть с голоду. Такова цель. - А далее Евангелие гласит нечто, чему, может быть, тот или иной из читающих Евангелие от Луки поистине будет изумлен: "И похвалил Господин управителя неверного, что догадливо поступил" (Лк. 16, 8). Без шуток, среди того сорта людей, которые в наше время толкуют Евангелия, есть такие, что ломают голову над тем, какой "Господин" здесь подразумевается, хотя там вполне ясно стоит, что сам Иисус похвалил управителя за его смышленость. И далее затем провозглашается: "Ибо сыны века сего догадливее сынов света в своем роде". Так столетиями стоит в Библии. Можно спросить себя, неужели никто не задумывался, что бы это могло значить: "сыны века сего догадливее сынов света в своем роде"? - "В своем роде" стоит повсюду в разных переводах Библии. Когда кто-нибудь с мало-мальским знанием греческого переведет текст - он должен, естественно, его правильно перевести, - то тогда правильно он будет гласить: "ибо дети мира сего умнее детей света на свой лад"! То есть, на свой лад дети мира умнее детей света, потому, как они его понимают, они умнее, разумеет Христос. Те, кто столетиями переводили это место, и до наших дней попросту обозначение "на свой лад" путали с одним словом, которое именно по-гречески звучит очень сходно: *ten genean*, они перепутали его с "родом", ибо при определенных обстоятельствах это слово употребляется в другом смысле. Как это возможно, хотелось бы спросить, протащить такую вещь через века, при том, что являются все новые люди, о которых говорят, что они сделали хорошие переводы Библии и потрудились дать правильный текст, и которые ничего не переменили? Например, у Вайцеккера* (*Рудольф Штайнер пользовался "Новым Заветом, переведенным Карлом Вайцеккером", Тюбинген, 1904 (9 издание)) написано именно так! Это поразительно, но это именно так, что люди теряют свои элементарнейшие школьные познания, когда намереваются исследовать истинный образ библейских провозвестий.

Прежде всего духовнонаучное мировоззрение должно вести к тому, чтобы вновь дать миру библейские провозвестия каковы они есть. Ибо в наше время мир не имеет Библии и не может составить себе никакого

представления об этих книгах. Можно как раз спросить: это и есть библейские книги? Нет, в своих важнейших частях, вовсе нет! Я хотел бы это вам показать еще ближе.

Что же хотел сказать Христос притчей о неверном управителе? Управитель придумал, что так как он должен отсюда удалиться, то он должен добиться расположения других людей. Он понял, что нельзя служить "двум господам". Так и вы должны понять, - говорит Христос окружающим, - что не можете служить двум господам: Тому, Кто теперь должен войти в ваши сердца как Бог, и тому, которого до сих пор возвещали вам книжники и фарисеи, толковавшие книги пророков. Ибо не можете вы служить Богу, вошедшему как Христово начало в ваши души и долженствующему привести человечество в его развитии к тому Богу, который является противодействием этому развитию. Ибо все то, что в прошедшие времена было правильным, для позднейшего развития становится препятствием. Развитие в известном смысле основывается на следующем законе: все то, что является правильным в соответствующий момент времени, обращается в препятствие для времени позднейшего. Силы, руководящие этим препятствием, назывались тогда техническим выражением "Мамона". - "Вы не можете служить Богу, помогающему эволюции, и Мамоне, задерживающему это развитие. Посмотрите на управителя, как он, сын века сего, понял, что нельзя служить одновременно двум господам. Так и вы должны понять, развиваясь, что вы становитесь сынами света, что вы не можете служить двум господам". (Лк. 16, 11 - 13).

Также точно и тот, кто живет в наше время, должен понять, что нет ничего общего между Богом и Мамоной, т. е. в наше время между книжниками, естествоиспытателями, и тем течением, которое призвано снабдить человечество той пищей, в которой последнее нуждается. Это сказано в христианском духе. И то, что хотел сказать окружающим Христос Иисус в духе Евангелия от Луки этой притчей о том, что "нельзя служить двум господам" и что ясно показано на примере управителя, - все это только облечено для нашего времени в соответствующие слова.

Мы должны воспринимать Евангелие живым. И сама духовная наука должна превратиться в нечто живое. Поэтому все ее содержание должно исходить из жизни. Евангелия должны превратиться для нас в нечто такое, что вливается в наши собственные духовные способности. Мы должны лишь не болтать о том, что во времена Христа Иисуса можно было порицать книжников и фарисеев, ибо тогда мы думаем опять о прошедших временах, тогда как мы, наоборот, должны знать, как оживают эти вещи в нашу эпоху и где ныне находятся последователи того, кого Христос Иисус в те времена называл Мамоной. Вот что называется живым познанием. Это в то же время играет глубокую, значительную роль в том, что рассказывается нам в Евангелии от Луки. Ибо с только что истолкованным нами воззрением - с

притчей, имеющейся лишь в одном Евангелии от Луки - связано одно из важнейших евангельских понятий. Это важнейшее евангельское понятие мы можем запечатлеть в душе, если еще раз представим себе несколько иным образом отношение Будды и данного им импульса ко Христу Иисусу.

Будда даровал человечеству великое учение сострадания и любви. Здесь перед нами один из тех случаев, когда мы должны совершенно точно принимать то, что нам дает оккультизм. Ибо иначе возможен был бы вопрос: "Один раз ты говоришь о том, что Христос принес на землю любовь, а другой раз - это учение любви принес на землю Будда". Но разве в этих двух случаях говорится об одном и том же? Один раз я говорю, что Будда принес на Землю учение любви, а другой раз - нечто совершенно другое, а именно, что Христос принес на землю любовь как некую живую силу. Между этими двумя понятиями большая разница. Там, где рассматриваются глубочайшие истины человечества, там надо прислушиваться вполне точно, ибо иначе бывает, что вещь, сообщенная в одном месте, распространяясь, принимает в другом месте совершенно другой вид, и тогда можно было бы сказать: "Чтобы потрафить всем, он дает двух провозвестников любви". В сфере оккультизма все дело в точном прислушивании. Когда мы важные истины, облеченные в слова, постигаем таким способом, тогда предстают они в правильном свете.

Великое учение о любви и сострадании, принесенное на землю Буддой, записано в "восьмичленном пути". Какова же, собственно, цель этого пути? Чего достигает человек, действительно из глубин души стремящийся к "восьмичленному пути" как к жизненному идеалу? Человек, столь ясно представляющий себе эту цель, спрашивает: "Каким образом я могу достигнуть совершенства? Как я могу очистить и просветлить свое Я совершеннейшим образом? Что я должен сделать, чтобы возможно совершеннейшим образом выявить в мире свое Я? Когда я соблюдаю все то, что содержится в "восьмичленном пути", мое Я становится совершенным, ибо тогда все направлено на облагораживание моего Я; все, что струится из этого чудного "восьмичленного пути", должно, так сказать, вработываться в нас, это является работой нашего Я над своим усовершенствованием". Вот что является самым существенным. Когда человечество будет развивать в себе далее то, что Будда привел в движение как "колесо закона", так гласит техническое выражение, то оно постепенно вырабатывает в себе совершенное Я и соответствующим образом будет знать, что такое это совершеннейшее Я. Человечество будет иметь в мыслях как мудрость это совершеннейшее Я. Будда принес человечеству мудрость любви и сострадания, и когда мы переработаем наше астральное тело так, что оно станет целиком результатом "восьмичленного пути", тогда мы узнаем то, что должны знать о законе учения "восьмичленного пути".

Но есть огромная разница между мудростью и живой действенной силой, между знанием того, каким Я должно быть, и живой силой, проникающей в нас, могущей из нас вновь струиться в мир, подобно тому, как эта сила струилась из Христа и действовала на астральные, эфирные и физические тела окружающих Его. Благодаря импульсу, принесенному на землю Буддой, человечество получило возможность знать содержание учения о любви и сострадании. А то, что принес миру Христос, было самой живой силой, а не учением. Жертвуя собой, Он Сам сошел на землю, чтобы не только проникнуть в человеческие астральные тела, но и в сами человеческие Я, дабы эти последние получили силу излучать из себя субстанцию любви. Это субстанциональное живое содержание любви, а не только мудрость любви принес на землю Христос - в этом сущность всего.

Будда жил на земле около двадцати четырех веков тому назад. И оккультные данные говорят нам, что земное развитие переживет еще около 3000 лет, прежде чем большая часть людей достигнет возможности развивать из собственных нравственных качеств, из собственной души и сердца "восьмичленный путь", т. е. дарованную нам Буддой мудрость. Будда должен был появиться на земле. Благодаря ему человечество получило силу постепенно развивать в себе мудрость "восьмичленного пути". И через 3000 лет от настоящего момента этот "восьмичленный путь" станет собственностью человечества. Люди смогут тогда сами из себя развивать это учение, не только просто воспринимать его извне.

Если бы в развитие человечества не вступило ничего иного, кроме "колеса закона", запущенного Буддой, то через 3000 лет от нашего времени человечество достигло бы лишь возможности знать учение любви и сострадания, и не имело бы той силы, которая дает возможность действительно в нем жить. В этом вся разница. Не только знать о сострадании и любви, но действительно иметь возможность развить из себя, из своей индивидуальности саму силу любви и сострадания. И эту способность мы получим благодаря Христу. Это Он влил в человечество любовь как таковую, и она будет постоянно расти. И когда люди, придя к концу своего развития, познают мудрость, являющуюся содержанием сострадания и любви, то этим они будут обязаны Будде. Но в то же время они будут обладать способностью излучать в мир из своих Я любовь, и этим они будут обязаны Христу.

Так совместно воздействовали на человечество Христос и Будда. И надо узнать это, чтобы понять Евангелие от Луки. Все это мы можем найти в его словах, если научимся понимать их правильно. Вспомним пастухов и "ангельскую рать", представляющую собой имагинативное выражение, Нирманакайя Будды. Всемудрый Бог, открывающийся с небес, - вот что возвещается Нирманакайей Будды, парящим над Натановым Иисусом в образе "ангельской рати". Но, кроме того, им возвещается и еще нечто: "И на

земле мир среди людей, проникнутых благой волей", т. е. живой силой любви. (Лк. 2, 13-14). Это и есть то, что должно постепенно осуществляться на земле благодаря Импульсу, данному Христом. Он даровал миру живую силу в дополнение к откровению с небес. Он даровал каждому человеческому сердцу, каждой человеческой душе то, чем они могли преисполниться. Он не дал просто только учение, т. е. то, что можно воспринять как мысль или идею, Он даровал человечеству силу, могущую струиться из человеческой души. И то, что в Евангелии обозначается как сила веры, есть именно эта Христова сила, действующая в человеческой душе и могущая ее переполнить. Вот что означает вера в смысле Евангелий. Веру имеет тот, кто воспринял в себя Христа, в ком Он живет, в ком Я не является просто пустым сосудом, но которое, наоборот, переполнено содержанием. И это переливающееся через край содержание есть любовь.

Почему Христос мог явить великий пример целения словом? Потому что Он первый запустил "колесо любви" (а не закона) как свободную способность и силу человеческой души, ибо он обладал любовью в высочайшей степени, любовью, переполнявшей Его и излившейся из Него. Эту любовь передавал Он людям, которых хотел исцелить, и Его слова, независимо от того, каковы они были ("встань и иди", "прощаются тебе грехи твои" или другие), исходили из этой переполнявшей все Его существо любви, изливавшейся за пределы его собственного Я. И те, кто хоть немного могли проникнуться этим, Христос называл верующими. Только эти мысли мы должны связывать с понятием веры - одним из наисущественнейших в Новом Завете. Вера - это способность возвыситься над самим собой, перелиться через край того, что могло бы поначалу сделать Я своим собственным совершенствованием. Поэтому Христос, воплотившийся в теле натовского Иисуса и таким образом связавшийся с силой Будды, учит не только тому, каким образом Я должно совершенствоваться, но и тому, как Я должно излиться, как оно может возвыситься над самим собой. Он часто говорит это простыми словами - Евангелие от Луки вообще обращается к простым, бесхитростным сердцам, - Он говорит: "Этого недостаточно, если вы даете нечто тем, о которых вы наверняка знаете, что они отдадут вам, ибо так поступают и грешники. В подобном случае ваш поступок исходит не из переполняющей вас любви. Но когда вы даете, зная, что не получите этого обратно, тогда вы поступаете, исходя из истинной любви. Такая любовь, не ограничиваясь пределами Я, изливается из Я в виде силы". (Лк. 6, 33 - 34). Иисус Христос различным образом говорит о том, как любовь должна изливаться в мир из избытка Я и как она должна действовать в мире.

Слова об этой переливающейся через край любви являются теплейшими словами Евангелия от Луки. Евангелие от Луки содержит эту силу переполняющей любви, если мы дадим его словам так на нас подействовать, что мы обретем ее, эту переполняющую любовь, дабы она так проникла все наши слова, чтобы дать нужную силу вершить ее дела во внешнем мире.

Другой евангелист - Матфей, - который в силу присущих ему особенностей менее акцентировал эту переливающуюся через край любовь, выразил, тем не менее, в кратких словах эту тайну христианства: от переполнения Я исходит любовь. И она естественно должна влиться во все, что мы говорим и делаем. В латинском переводе Евангелия от Матфея мы имеем еще верные первоначальные слова, сжато передающие прекрасное определение любви, содержащиеся в Евангелии от Луки: *Ex abundantia cordis os loquitur* (От избытка сердца глаголют уста) (Мф. 12, 34). Это один из высочайших христианских идеалов. То, что произносится устами, исходит от переполненного сердца, от того, что изливается за его пределы. Сердце приводится в движение кровью, а кровь есть выражение человеческого Я, т. е., иными словами: "Говори из переполненного любовью Я, излучающего из себя силу, - ибо эта сила есть сила веры, ибо такие слова действительно содержат в себе Христову силу". "Из преизбытка сердца говорят уста" - это основной тезис существа христианства.

А теперь загляните в современную Библию. Что стоит на этом месте? "Когда сердце полно, говорят уста".* (*Пер. Лютера (прим. перев.)). Этих слов достало, чтобы на века затемнить основной тезис христианства. Человечество так и не обнаружило, что за нелепость говорить, что сердце изливается, когда оно полно. Обычно вещи изливаются, когда они более чем полны, когда они переполнены. Так человечество - это не должно быть критикой - неизбежным образом увязло в представлении, которое затемнило наиважнейший тезис христианства, и ни разу не было замечено, что в этом месте стоит полная невозможность. Когда говорится, что немецкий язык не допускает буквального перевода "*Ex abundantia cordis os loquitur*" словами "от преизбытка сердца глаголят уста", и обосновывается это тем, что нельзя сказать: преизбыток кафельной печи делает комнату теплой, то это именно нелепость. Ибо если кафельную печь топить так, что тепло не идет дальше печной затворки, то в комнате не станет тепло; тепло станет, когда наступит именно преизбыток тепла, так что тепло выходит из печи. Здесь мы наталкиваемся на важную вещь. Основной тезис христианства, на котором отчасти строится Евангелие от Луки, затемнен, так что человечество именно на важнейшем месте не имеет того, что стоит в Евангелии.

Сила, которая может переливаться через край из человеческого сердца, это Христова Сила. Сердце поставлено здесь вместо Я. То, что способно творить Я сверх себя самого, это изливается наружу в слове. Лишь в конце развития Земли Я будет иметь в себе Всего Христа. И предвестником этого является то, что переливается через край сердца. Если же ваше сердце лишь "полно", то вы не имеете в себе Христа. Потому-то мы и затемняем христианство, если не принимаем этого места во всей его серьезности и ценности. Важнейшие вещи существа христианства проявятся через то, что сообщает духовная наука как разъяснение возвышенных провозвестий христианства. Через чтение в Акаша-хронике духовный мир открывает их

первоначальный смысл и дается возможность читать интересующие нас источники в истинном свете.

И теперь нам станет ясно, как человечество идет в будущее. Существо, превратившееся в пятом-шестом веке до нашей эры из Бодхисатвы в Будду, достигло столь высокой ступени духовного мира, что, начиная с этого момента, оно может проявиться лишь как Нирманакайя. Оно поднялось на более высокую ступень развития и перестало нуждаться в воплощении в физическом теле. Те виды сил, которыми это существо обладало, когда было Бодхисатвой, присутствуют теперь в другой форме. Становясь Буддой, оно уступило свое место другому Бодхисатве, следовавшему за ним и долженствовавшему стать Буддой. Буддийская легенда выражает это тем, что и для сокровенного христианства является глубочайшей истиной: перед тем как спуститься на землю и стать Буддой, Бодхисатва снял с себя небесную тиару и увенчал ею следовавшего за ним Бодхисатву. И далее этот Бодхисатва работал, самостоятельно исполнял свою собственную миссию. И ему тоже предназначено стать Буддой. Как раз в то время, когда известное число людей разовьет в себе учение "восьмичленного пути", т. е. приблизительно через 3000 лет, он станет Буддой. За пять-шесть веков до нашей эры ему была поручена эта миссия, но Буддой он станет лишь через 3000 лет от настоящего момента. В восточных учениях он зовется Майтрейя-Будда. Для того, чтобы современный Бодхисатва мог стать Майтрейей-Буддой, необходимо, чтобы большая часть людей могла развить из собственного сердца учение о "восьмичленном пути". И тогда современный Бодхисатва принесет в мир некую новую силу.

Если бы с момента появления Гаутамы Будды на земле в мире не произошло бы ничего иного, то этот современный Бодхисатва нашел бы на земле людей, которые путем внутреннего погружения могли бы лишь мыслить учение "восьмичленного пути", а не таких, которые могли бы из внутреннего существа души развить переливающуюся через край силу любви, подлинную, живую силу, которая должна была прийти на землю в промежуточный период, дабы Майтрейя-Будда мог найти на ней не только людей, постигающих любовь, но и обладающих силой любви. Для этого и должен был низойти на землю Христос, т. е. Сущность, прожившая на земле лишь три года и до тех пор ни разу на ней не воплощавшаяся. Трехлетнее пребывание Христа на земле, начиная с Крещения и кончая Голгофой, было причиной того, что любовь проникала все глубже в человеческие сердца и души, т. е. в человеческое Я. Люди все более пронизывались Христом, дабы к концу развития Земли человеческое Я было исполнено Христом. Как учение сострадания и любви было впервые принесено Бодхисатвой, так субстанция любви была принесена на Землю с небесных высот Христом для того, чтобы она постепенно сделалась собственностью отдельных человеческих Я. Мы не должны думать, что до тех пор на земле не было любви. Не было любви, которая могла бы стать непосредственной собственностью человеческого Я,

но любовь, инспирированная, посылаемая Христом с небесных высот, была и до этого. Она изливалась бессознательно так же, как бессознательно изливалось Бодхисатвой учение о "восьмичленном пути". Так же, как Будда относится к "восьмичленному пути", так же относился Христос к тому, что было до Него, до того, как Он низошел на землю и принял человеческий облик. Для самого Христа это принятие человеческого облика было продвижением вперед. В этом самое главное.

И когда наследник Будды, теперешний Бодхисатва (он хорошо известен всем опытным духоведам, и будет время, когда об этих вещах будут говорить открыто, называя имя этого Бодхисатвы, который некогда станет Майтрейей-Буддой; теперь же мы должны ограничиться тем, что уже открыли миру столько не известных вещей и лишь мимоходом указываем на это), станет Майтрейей-Буддой, то он найдет на земле посев Христа. Им будут люди, не только голова которых будет наполнена мудростью "восьмичленного пути", они будут обладать не только учением, мудростью любви, но и все сердце их будет переполнено живой субстанцией любви, переливающейся через край и изливающейся в мир. С этими людьми Майтрейя-Будда и поведет дальнейшее развитие мира, исполняя этим собственную миссию.

Так смыкаются вещи и так впервые постигаем мы Евангелие от Луки в его глубине. Оно говорит не об учении, оно гласит нам о Том Существо, которое субстанционально вступило в земное существо, в человеческую организацию. Это факт, который в оккультизме выражают говоря: Бодхисатвы, становящиеся Буддами, могут освободить путем мудрости лишь дух земного человека, всего человека они освободить не могут. Ибо весь человек может быть свободен не только мудростью, но и теплой силой любви, пронизывающей всю человеческую организацию. Миссией Христа было освободить человеческие души волною любви, принесенной Им на землю. Миссией Бодхисатвы и Будды было принести миру мудрость любви. Миссией Христа было даровать человечеству силу любви. И мы должны уметь это различать.

ДЕСЯТЫЙ ДОКЛАД. Базель, 26 сентября 1909 г.

Сегодня мы займемся вопросом, как привести приобретенные нами за эти дни познания к вершине всего, к Мистерии Голгофы, каковой она нам предстанет именно из духовного исследования, ведомого Евангелием от Луки.

Мы вчера попытались настоящим образом описать, что, собственно, имело место в тот момент развития человечества, когда Христос три года ходил по земле, и мы попытались в предыдущих докладах охарактеризовать,

как вообще это событие осуществилось через слияние тех духовных течений, которые мы рассматривали. Именно Евангелие от Луки описывает земную миссию Христа Иисуса особенно удивительным образом, но понять это описание можно лишь в свете того познания, которое черпается в Акаша-хронике. Можно спросить: почему, несмотря на то, что буддийское духовное течение целиком, органически слилось с христианским учением, в последнем нет никаких указаний на великий закон кармы, управляющий ходом отдельных человеческих воплощений. Но было бы недоразумением думать, что откровения Евангелие от Луки не содержит в себе учения о карме. Оно в нем есть. Для того чтобы понять вполне верно то, о чем мы будем говорить, надо уяснить себе, что потребности человеческой души в различные времена различны и что великие миссионеры мирового развития всегда имеют задачу давать людям абсолютную истину не в ее абстрактной форме, а так, чтобы люди, находящиеся на различных ступенях развития, могли ее понять; они должны говорить людям так, чтобы они могли воспринять известную сумму истинного в определенную эпоху. То, что человечество восприняло благодаря импульсу, данному Буддой в связи с учением сострадания и любви и "восьмичленным путем", может привести к исполненному мудрости познанию учения о карме. И если человек, исходя из "восьмичленного пути", не приходит к учению о перевоплощении, то это означает лишь неумение искать в собственной душе.

Мы говорили, что через 3000 лет от настоящего момента большая часть человечества достигнет возможности развивать из собственной души учение о "восьмичленном пути" и - сегодня можно это прибавить - учение о карме и перевоплощении. Но это придет весьма постепенно. Столь же мало как растение, вслед за тем как семечко посажено в землю, может сразу развить цветок, но должно, по непреложным законам, сначала развивать листок за листком, так и духовное воспитание человечества идет от ступени к ступени и в нужный момент является нужное.

Если современный человек при помощи способностей, открытых в нем духовной наукой, погрузится в собственную душу, то он постигнет учение о карме и перевоплощении как непреложные. В наше время души уже созрели и нашли возможность в себе самих находить учение о карме и перевоплощении. Но было бы плохо, если бы это учение было экзотерически возведено несколько веков тому назад; для развития человечества было бы плохо, если бы то, что является ныне содержанием духоведения, то, по чему томятся человеческие души и с которым связано исследование евангельских подоснов, было в открытой форме возведено человечеству пару веков тому назад. Ибо для того, чтобы воспринять учение о карме и перевоплощении, необходимо наличие жажды по духовному и соответствующих способностей. Для этого было необходимо, чтобы человеческие души прошли ряд перевоплощений в после пришествия Христа и приобрели душевный опыт, дающий необходимую зрелость для восприятия учения о карме и

перевоплощении. Если бы в первые века христианства это учение о карме и перевоплощении проповедовалось так же открыто, как ныне, то это означало бы, что с развитием человечества случилось то же, что с растением, на котором вместо появления первых листков расцвели бы цветы.

Человечество только теперь созрело настолько, чтобы принять духовное содержание учения о карме и перевоплощении. Поэтому не следует удивляться тому, что в том, что в течение веков заимствовалось человеком из Евангелий, содержится многое такое, что дает совершенно неверное представление о христианстве. Можно сказать, что в известном отношении Евангелие было даровано человеку слишком рано, ибо лишь в настоящий момент человечество созрело, чтобы в своей душе развивать способности, необходимые для познания истинной сущности Евангелий. Было совершенно необходимо, чтобы все возвещенное Христом Иисусом вполне соответствовало тогдашнему состоянию человеческого развития и настроению человеческой души. Потому-то тогда давалось не абстрактное учение о перевоплощении и карме, а человеческая душа пронизывалась чувствами, благодаря которым она настолько созрела, что могла воспринять учение о карме и перевоплощении. В то время надо было говорить то, что лишь постепенно должно было привести человечество к познанию этого учения, но не само учение.

Говорил ли это Христос Иисус или те, которые были с Ним? - Чтобы ответить на это, надо дать Евангелию от Луки верным образом предстать перед нашей душой, и мы сейчас же поймем, каким образом проповедовался тогда людям закон кармы.

"Блаженны нищие духом, ибо ваше есть Царствие Божие. Блаженны алчущие ныне, ибо насытитесь. Блаженны плачущие ныне, ибо воссмеетесь. Блаженны вы, когда возненавидят вас люди и когда отлучат вас и будут поносить, и пронесут имя ваше, как бесчестное, за Сына Человеческого. Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь, ибо велика вам награда на небесах". (Лк. 6, 20-23).

В этих словах мы имеем учение о компенсации; Христос Иисус, не сообщая учения о карме и перевоплощении в его абстрактной форме, внедряет эмоционально в душу чувственную уверенность в том, что тот, кто голодает в том или ином отношении, будет позже за это вознагражден. В человеческую душу должно было проникнуть чувство такой уверенности. И души, жившие тогда и проникнувшиеся этим учением в такой форме, воплотившись вновь, первыми созрели настолько, чтобы воспринять как мудрость учение о карме и перевоплощении.

В то время в человеческие души должно было проникнуть то, что в них должно было созреть. Теперь наступило совершенно иное, новое время, в

течение которого люди работают над развитием до степени полной зрелости своего Я, своего самосознания. В то время как раньше человек воспринимал откровения, действовавшие в его астральном, эфирном и физическом телах, теперь его Я должно было стать самосознающим. Для этого оно должно было постепенно наполниться силами, которые оно должно было удерживать. Лишь одно Я, странствовавшее тогда по земле в теле, достаточно подготовленном, могло осуществить в себе всеобъемлющий Принцип Христа: это была индивидуальность Заратустры, воплощенная в натавовском Иисусе. Остальные люди должны были постепенно, следуя Христу, развивать в себе то, что тогда существовало на земле в течение трех лет, заключенное в одной личности. Лишь импульс, лишь зародыш мог быть дарован тогда Христом Иисусом человечеству. И этот зародыш должен был постепенно расти и развиваться. Высшие силы всегда заботились о том, чтобы в определенное время в развитии Земли появлялись те, которые давали человечеству известный импульс, который оно воспринимало позднее, когда достигало соответствующей зрелости. Христос заботился о том, чтобы человечество непосредственно после Его появления на земле получило соответствующее откровение, которое могло бы быть понято им. Он должен был также позаботиться и о том, чтобы впоследствии, по мере созревания душ, на земле появлялись бы индивидуальности, которые оказывали бы помощь человеческим душам в духовном воспитании.

То, каким образом Христос позаботился о временах, следовавших за событием Голгофы, - это изображает нам автор Евангелия от Иоанна. Он показывает нам, как сам Христос пробудил в Лазаре ту индивидуальность, которая затем уже работала под именем Иоанна и от которойизошло учение в той форме, как это описано в цикле моих докладов о Евангелии от Иоанна*(*См. "Евангелие от Иоанна в его отношении к трем другим Евангелиям, в особенности к Евангелию от Луки" (GA, т. 112)). Но Христос должен был позаботиться о том, чтобы позднее могла прийти на землю та индивидуальность, которая должна была принести в дальнейшее человеческое развитие то, что лишь позже могло быть усвоено человечеством. Для этого Христос должен был воскресить некую индивидуальность. Как это случилось, достоверно описывает нам автор Евангелия от Луки. В то время, как он говорит, что желает передать то, что рассказывали о палестинском событии имажинативные и инспиративные ясновидящие, он в то же время указывает на то, что будет некогда возведено кем-то другим. И чтобы описать нам это исполненное тайны явление, автор Евангелия от Луки приводит случай такого воскрешения. (Лк. 7, 11 - 17). Рассказ о "воскрешении юноши из Наина" содержит в себе тайну об этом непрестанно действующем в христианстве начале. В то время как из рассказа о дочери Иаира которую позавчера, по крайней мере, намеком можно было пояснить, видно, что тайна, связанная с этим исцелением, была так глубока, что Христос Иисус позволяет лишь некоторым из близких Ему людей присутствовать при этом исцелении, запрещая им разглашать его, наоборот,

пробуждение юноши из Наина происходит всенародно, и все говорят о нем. Первое исцеление показывает нам, что совершивший его проникал во все явления физической жизни. Другое исцеление было пробуждением, инициацией. Индивидуальность, жившая в теле наинского юноши, должна была пережить совершенно особую инициацию.

Существуют различные виды посвящения. Один вид состоит в том, что в посвящаемом, непосредственно после процесса посвящения, вспыхивает познание высших миров; посвященный может сейчас же наблюдать явления и законы духовных миров. Другой вид посвящения состоит в том, что сперва в душу посвящаемого закладывается лишь зародыш и посвященному указанным образом приходится ожидать следующего воплощения, в течение которого этот зародыш развивается и превращает посвящаемого в посвященного в полном смысле этого слова.

Именно такое посвящение и пережил юноша из Наина. Тогда, во время палестинских событий, душа его была преображена, но она еще не обладала сознанием, простиравшимся вплоть до высших миров. И лишь в ближайшем воплощении проявилась в нем эта сила, заложенная тогда в его душу. В настоящем экзотерическом докладе не может быть названа та индивидуальность, о которой идет речь; можно лишь указать на то, что позже она, пробужденная Христом в наинском юноше, воплотилась в могущественном религиозном Учителе и что таким образом в последующие времена мог проявиться новый Учитель христианства, в котором были сокрыты силы, заложенные в него Христом Иисусом в начале нашей эры.

Таким образом, Христос позаботился о том, чтобы в последующие времена на земле появилась индивидуальность, продолжавшая проповедь христианства. Она была призвана к тому, чтобы впоследствии все более пронизывать христианство учением о перевоплощении и кармаг связать христианство с тем учением, которое в те времена, когда Христос еще жил на земле, не могло быть возведено как учение мудрости, ибо тогда человеческая душа должна была еще воспринять его эмоциональным образом.

В сущности, Христос Иисус достаточно ясно - также в смысле Евангелия от Луки - указывает на то, что в развитие человечества вступило нечто новое - сознательное бытие человеческого Я. Нужно лишь уметь читать Евангелие, чтобы увидеть, что Христос указывает на то, что раньше люди не видели духовного мира, проникающего в их собственное Я. Это духовное начало пронизывало их физическое, эфирное и астральное тела, но в том, как раньше божественно-духовные силы проникали в людей, была известная степень бессознательности. И теперь это должно было измениться. Раньше люди в том потоке, в котором непосредственно проявился Христос, воспринимали Синайский закон, на который реагировало лишь одно

астральное тело; несмотря на то, что этот закон действовал на человека, это влияние не было непосредственным влиянием сил человеческого Я. Эти силы стали возможны лишь во времена Христа Иисуса, ибо лишь в этот момент люди пришли к сознанию своего Я. На это указывает Христос Иисус в Евангелии от Луки, говоря о том, что люди должны вполне созреть к восприятию совершенно нового принципа; на это и указывает Христос, говоря о своем предтече - Иоанне Крестителе. (Лк. 7, 18 - 35).

Как смотрел сам Христос на индивидуальность Иоанна Крестителя? Он говорил о том, что Иоанн был призван, чтобы до Его пришествия явить людям в чистейшей, благороднейшей форме учение пророков, т. е. то, что дошло из древней эпохи в чистом и благородном образе. В Иоанне Христос видел того, кто последний принес в чистой и благородной форме то, что уже принадлежало древним временам. "Закон и пророки" доходят вплоть до Иоанна. Он должен был еще раз явить людям то, что еще могло быть даровано человечеству древним учением и древним душевным содержанием. Как же действовало это древнее душевное содержание во времена, предшествовавшие вступлению Христова Импульса?

Это станет когда-нибудь учением новейшего естествознания, если последнее отдастся инспирации духоведения несмотря на то, что пока оно кажется ему весьма странным. Мне придется здесь обратиться к чему-то, чего могу вообще только бегло коснуться, но что покажет вам, какие глубины естествознания призвана освещать духовная наука. Новейшее естествознание стремится ограниченными способностями человеческого мышления проникнуть в тайну человеческого бытия. Например, вы найдете в нем установленным, что взаимодействие мужского и женского зародышей приводит к образованию человека. Основным стремлением новейшего естествознания является стремление показать, каким образом, путем взаимодействия мужского и женского зародышей, образуется человек. Оно с помощью микроскопа пытается тщательно установить то, что проистекает из особенностей как мужского, так и женского зародышей, и бывает вполне удовлетворено, если находит мнимое доказательство того, каким путем образуется человек из взаимодействия мужского и женского зародышей. Но естествознание принуждено сознаться в том, что лишь часть человеческого существа определяется взаимодействием мужского и женского зародышей и что в настоящем цикле человеческого развития оно не может объяснить себе всего человека.

В каждом человеке есть нечто, что не зависит от зародыша, что является, так сказать, следствием "непорочного зачатия", т. е. тем, что изливается в зародыш из совершенно иных областей. С человеческим зародышем связывается нечто, хотя и не относящееся к его родителям, но, тем не менее, предопределенное ему, то, что изливается в его Я и что может быть облагорожено принятием Христова Импульса. Девственно рожденным

в человеке является то, что в ходе развития человечества связывается с Христом. Когда-нибудь естествознание дойдет до понимания собственными средствами, что эта часть человеческого существа связана со знаменательным событием, разыгравшимся во времена Христа. До этого во внутреннем человека не могло быть ничего, что не произошло из человеческого зародыша. В ходе времен действительно произошло некое изменение человеческого Я. С тех пор человечество стало другим. Оно должно прибавить к основным частям простого человеческого зародыша то, что будет постепенно развиваться и облагораживаться путем восприятия Принципа Христа.

Этим мы приблизились к очень тонкой истине. Для того, кто знаком с современным естествознанием, особенно интересно и знаменательно, что уже существуют области, в которых естествоиспытатель, можно сказать, носом утыкается в тот факт, что в человеке есть нечто, происходящее не из человеческого зародыша. Условия для этого уже налицо. Но ум исследователя, к сожалению, не настолько проницателен, чтобы правильно оценить собственные наблюдения и опыты. Ибо в том, что объективно происходит в опыте, действует нечто большее, чем то, что признается в нем современным естествознанием. Потому-то оно не пошло бы далеко, если бы было предоставлено одной изобретательности исследователя. В то время как исследователь работает в лаборатории, клинике или кабинете за ним стоят руководящие и правящие миром силы, дающие выйти на поверхность тому, что оставалось бы непостижимым для самого исследователя. И вполне правильно будет сказать, что даже объективными исследованиями руководят высокие духовные индивидуальности, Мастера. Но обычно на все эти вещи не обращают внимания. Они будут приняты во внимание лишь тогда, когда познавательные способности исследователей будут проникнуты духовным учением антропософии.

Благодаря тому факту, который я только что упомянул, со способностями человека со времени появления на земле Христа произошла огромная перемена. До сих пор человек мог использовать лишь те способности, которые получались им от отцовского и материнского зародышей, ибо лишь они могли образовываться в человеке. Между рождением и смертью мы развиваем способности того, чем мы являемся в наших астральном, эфирном и физическом телах. До появления Христа орудия, которыми пользовался человек, были образованы из простого зародыша; лишь после прибавилось то, что было непорочно рождено и что не было связано с зародышем. Конечно, это может быть сильно испорчено, когда человек отдается исключительно материалистическим воззрениям. Если же он проникается теплотой Принципа Христа, оно может быть облагорожено, и он пронесет это тогда в следующие воплощения во все более и более чистых формах.

Нам должно быть понятно, что во всех откровениях, предшествовавших откровению Христа, содержался элемент, связанный с наследственными способностями, получаемыми человеком вместе с физическим зародышем. Христос должен был обращаться не к тем способностям, которые связаны с земным зародышем, а к тем, которые произошли из божественно-духовных миров. Все те, которые появлялись до Христа, могли взывать к людям, обращаясь лишь к тем человеческим способностям, которые были приобретены земным существом человека наследственно, от зародыша. Все пророки и проповедники, как бы высоки они ни были, даже если они являлись на землю как Бодхисатвы, должны были для того, чтобы проповедовать, пользоваться способностями человека, происшедшими от зародыша. Христос Иисус, наоборот, обращался к тому в человеке, что произошло не через зародыш, а через небесное царство. Именно на это указывает он в духе Евангелия от Луки, когда говорит ученикам о существовании Иоанна Крестителя. "Я говорю вам, что среди тех, кто родился от женщины, не существует большего пророка, чем Иоанн", т. е. что его существо, каким он нам предстанет, может быть объяснено через физическое рождение от мужского и женского зародышей. Но далее Он говорит: "Мельчайшая часть того, что не рождено женщиной, связующая себя с людьми из Царства Божьего, больше нежели Иоанн". (Лк. 7, 28).

Насколько глубоко все то, что связано с этими словами! Когда люди начнут изучать Библию, освещенную духоведением, они увидят, что в ней скрыты, между прочим, физиологические истины, которые значительнее всего того, что может ныне предьявить новейшее дилетантское учение о физиологии. В только что приведенных словах Христа лежит побуждение к признанию одной из величайших физиологических истин. Столь глубоки библейские истины.

То, что я только что сказал, было объяснено Христом иным образом и в иной форме. Он указывает, что то, что благодаря Ему должно вжиться в мир, является совершенно новым и иным, чем то, что было возведено раньше, ибо это новое воспринимается способностями, рожденными из божественно-духовного мира, а не переданными наследственным путем. Он указывает на то, как тяжело человеку подниматься мало-помалу к познанию такого учения. Люди будут требовать возможности убедиться в этом так же, как они убеждались раньше. Но вместе с тем Христос говорит: "В том, что пришло в мир как новое, в этой новой истине вы не можете убедиться тем же образом, как вы это делали раньше, ибо свидетельство древней формы не может убедить вас в истинности новой формы". Способы и формы в смысле древней истины явлены нам в высшей степени в образе, символизируемом знаменем Ионы, явлены постольку, поскольку они еще могут быть поняты человеком. В этом древнем образе символизируется, как человек постепенно поднимается в духовный мир или, выражаясь библейским термином, становится пророком. (Лк. 11, 29 - 32).

Это и есть древний способ подхода к инициации: сначала душа созревает, готовится все, что способствует этому созреванию; затем в течение трех с половиной дней человек находился в состоянии полного выключения из внешнего мира, и лишенный орудий познания последнего. Потому те, кого приводили к духовным мирам, сперва тщательно к этому готовились; их душа готовилась к познанию духовной жизни; затем на три с половиной дня они выключались из мира, будучи при этом удалены в такое место, где внешние чувства не могли ничего воспринять и где их тело пребывало в состоянии, подобном смерти; по истечении этих трех с половиной дней они пробуждались, и душа их возвращалась опять в их тело. Люди, пережившие это, приобретали способность после пробуждения помнить все свои впечатления о высших мирах и могли уже сами возвещать человечеству истину об этих мирах. Такова была великая тайна инициации. Постоянно в том или ином месте появлялись люди, способные возвещать духовные миры; все они пережили то, что обозначено Библией как "пребывание Ионы во чреве кита". (Иона, 2, 1). Когда такие люди появлялись перед народом, то они несли на себе знак, который несли те, кто как древние посвященные могли пережить реальность духовного мира, то есть "знак Ионы".

Это было одним из видов посвящения. Христос сказал: "В древнем смысле нет больше того знамения, чем знамение Ионы". (Лк. 11, 29). В другом месте Он, в смысле Евангелия от Луки, выражается еще яснее: "Есть еще способ проникновения в духовные миры, он является наследием древних времен и заключается в том, что человек без инициации, без собственной работы приобретает смутное, сумеречное ясновидение; такой человек подводится к духовным мирам путем откровения сверху". Этим Христос хотел указать на то, что рядом с только что описанным существует еще и другой способ посвящения: что существуют люди, которые вследствие определенных наследственных данных, без особого посвящения, в состоянии некоего высокого транса способны получать откровения с духовных высот. Христос Иисус указывал на то, что этот второй способ проникновения в духовный мир был наследием древнего времени. Он говорил: "Вспомните о царе Соломоне. Он был именно такой индивидуальностью, которая без собственной работы, путем откровения свыше проникала в духовный мир". Поэтому царица Савская, пришедшая к Соломону, является носительницей этой мудрости сверху, представительницей тех, кто обладал наследственным смутным, сумеречным ясновидением, которым обладали все люди в атлантическую эпоху. (Лк. 11, 31).

Итак, существовало два вида проникновения в духовный мир: один, представителем которого был Соломон и явившаяся к нему "царица Савская", "царица Южная", и другой, обозначающийся "знамением Ионы", т. е. древняя инициация, при коей человек, выключенный на три с половиной

дня из внешнего мира, достигал мира духовного. Далее Христос говорил: "Здесь более, чем Соломон, и более, чем Иона", (Лк. 11, 31 и 32), указывая на то, что в мир вступило нечто новое. Теперь уже духовное не сообщается просто эфирному телу человека путем внешнего откровения, как это было с Соломоном, но и не сообщается эфирному телу изнутри путем внутреннего откровения, сообщаемого особо подготовленным астральным телом человека эфирному телу, как это было у тех, кто отмечен "знамением Ионы". Ныне наступит момент, когда созревшее человеческое Я свяжется с небесами, ибо силы небес свяжутся теперь с девственной частью человеческой души, принадлежащей небу, и которую человек губит, если отвергается от Импульса Христа, и наоборот, которой он содействует, когда пропитывается тем, что струится из Импульса Христа.

Таким образом, Христос Иисус включил в свое учение, в духе Евангелия от Луки, то, что как новый элемент появилось тогда на земле. И мы видим, что палестинское событие изменило все древние методы провозвестия духовного царства. Потому-то Христос Иисус, обращаясь к тем, которые благодаря известной подготовке могли хотя отчасти понимать Его, говорит: "Истинно, между вами есть люди, которые могут видеть Царствие Божие не только посредством Соломонова способа, т. е. путем откровения, или путем посвящения в смысле Ионы; если бы такие из вас не достигли бы ничего иного, то в этом воплощении они никогда не увидели бы Царствия Божьего; они умерли бы, не успев узреть его". Это означает, что такие люди не увидят Царствия Божьего до смерти, если они не будут посвящены, но тогда они должны пережить некое состояние, подобное смерти.

Этими словами Христос хотел показать, что существуют и такие люди, которые до своей смерти, посредством этого нового, вступившего в жизнь элемента могут увидеть Царствие Божие. Ученики сперва не поняли, о чем, собственно, говорит Христос. Он же хотел сказать им, что это именно они должны быть теми, которые до своей естественной смерти, а не той, которую переживают при посвящении, должны узнать тайну Царствия Небесного. Поистине удивительно то место Евангелия от Луки, где Христос, говоря о высоком откровении, замечает: "Говорю же вам истинно, есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие". (Лк. 9, 27). Но они все-таки не поняли того, что именно они, окружавшие Христа, были предназначены испытать могучее влияние этого Я, влияние Принципа Христа, посредством Которого они должны были непосредственно проникнуть в духовный мир. Духовный мир должен был им открываться без знамений Соломона или Ионы. - Произошло ли это в действительности?

Непосредственно за этими словами следует Преображение, когда три ученика - Петр, Иаков и Иоанн - вводятся в духовный мир и им является то, чему в духовном мире соответствуют Моисей и Илья, и, наконец, Само Духовное, обитающее во Христе Иисусе. (Лк. 9, 28 - 36). На один момент они

заглядывают в духовный мир лишь для того, чтобы получить доказательство того, что в духовный мир можно проникнуть и без знамения Соломона или Ионы. Но сейчас же выясняется, что они лишь начинающие ученики, ибо они засыпают тотчас, как только властью всего происшедшего они были вырваны из своих физических и эфирных тел. Потому-то Христос Иисус находит их спящими. Этим путем Христос указывает на третью возможность проникнуть в духовный мир помимо знамений Соломона и Ионы. Тот же, кто тогда понимал знамения времени, знал, что Я должно развиваться, что теперь оно должно быть непосредственно инспирировано, что теперь божественные силы должны были непосредственно воздействовать на Я.

В то же время должно было быть показано, что тогдашние люди, даже если они были лучшими представителями человечества, не были способны воспринять в себя Принцип Христа. Начало в этом отношении должно было быть положено "Преображением", и в то же время надо было показать, что и ученики не способны вполне воспринять Принцип Христа. Поэтому, когда они хотели использовать этот Христов Принцип и исцелить человека, одержимого злым духом, силы тотчас оставили их и исцеление не удалось. Христос указывает тем самым на то, что они пока лишь начинающие, и говорит: "Я принужден еще долго оставаться с вами, пока вы научитесь переносить ваши силы на другого человека". (Лк. 9, 41). И Он исцеляет того, кого не смогли исцелить Его ученики. Далее Он указывает еще раз на тайну, скрывающуюся за всем этим: "Ныне настало время, когда Сын Человеческий будет предан в руки человеческие", т. е. ныне наступило время, когда то, что должен был развить из себя человек, исполняя свою земную миссию, должно постепенно проникать в людей, когда человеческое Я должно было быть передано человеку, дабы он смог в высшем образе узнать Христа. "Вложите вы себе в души слова сии: Сын Человеческий будет предан в руки человеческие. Но они не поняли слова сего, и оно было закрыто от них, так что они не постигли его". (Лк. 9, 44 - 45).

А теперь разве многие поняли эти слова? Но постепенно люди будут все более понимать эти слова о том, что Я - Сын Человеческий - должен был тогда быть передан людям. Далее Христос Иисус поясняет эти слова: современный человек является продуктом тех древних сил, которые были действительны тогда, когда люциферические существа еще не внедрялись в человека, но после появились люциферические силы и повлекли человека вниз. Все это отразилось на способностях, которыми обладает человек. Благодаря всему тому, что происходит из зародыша, к сознанию человека присоединилось то, что его влечет к низшим сферам.

Человек - двоякое существо. То, что он развил в себе до сих пор как сознание, - это всецело проникнуто старым, проникнуто люциферическими силами. Лишь то в человеке, где царит бессознательное и что является последним остатком развития Сатурна, Солнца и Луны, когда еще не было

люциферических сил, лишь эта часть человека является ныне девственной его частью. Но эта часть может связаться со всем человеком лишь путем того, что должен развить в себе человек посредством Христова Принципа. Современный человек является поначалу продуктом наследования, слиянием того, что происходит от зародышей. И, развиваясь таким образом, человек с самого начала является двойственным. И эта двойственность уже проникнута люциферическими силами. До тех пор, пока человек еще не озарен своим собственным самосознанием, пока он своим собственным Я не в состоянии проникнуть в различие между добром и злом, - до тех пор он являет нам сквозь позднейшие наносы свою прежнюю природу. Лишь то, что является в современном человеке еще детским, есть последний остаток того существа, которое принадлежало человеку до тех пор, пока он не подпал под влияние люциферических существ.

Таким образом, в современном человеке мы имеем "детскую" часть и "взрослую" часть. Последняя пронизана люциферическими силами, которые оказывают на ее влияние с первого момента зарождения. Люциферические силы пронизывают также и ребенка, т. е. в обыкновенной жизни в человеке уже не проявляется то, что было заложено в него еще раньше, до люциферического влияния. Но это должно быть заново пробуждено силою Христа. Она должна связаться с лучшими силами детской природы человека. Она не должна связываться со способностями, испорченными человеком, с тем, что происходит из простого интеллекта рожденного существа; она должна соединиться с детской природой человека, исходящей из древности, т. е. с лучшим, что есть в человеке. Сила Христа должна возродить это и исходя из этого оплодотворить все остальное.

"Пришла же им мысль, кто из них был больше", - т. е. кто из них более пригоден для восприятия Христова Принципа. "Иисус же, видя помышление сердца их, взяв дитя, поставил его перед Собою и сказал им: кто примет это дитя во имя Мое - т. е. тот, кто во имя Христа соединяется с тем, что осталось от долюциферических времен, - тот Меня принимает, а кто примет Меня, тот примет посланного Меня", т. е. Того, Кто послал на землю эту часть человека. (Лк. 9, 46 - 48). Здесь подчеркивается великое значение этой оставшейся детской части человека, которую необходимо оберегать и охранять.

Современный человек имеет в действительности хорошие природные данные. Можно приложить все усилия, чтобы развить в себе эти задатки, в чем обычно человек и преуспевает. Но так, как мы это делаем теперь, мы обращаем мало внимания на то детское, что осталось еще в человеке, ибо именно на этом обходном пути, через оставшееся детским должны быть согреты силой Христа остальные человеческие способности. Детское мы должны сделать мудрым, чтобы исходя из этого и другие способности снова стали мудрыми. В этом отношении каждый несет в себе детскую природу,

которая, если она жива, обнаруживает восприимчивость к слиянию с Христовым Принципом. Силы же, находящиеся под люциферическим влиянием, как бы высоки они сами по себе ни были, все-таки, если они действуют одни в человеке, отклонят и высмеют все то, что может жить на земле как сила Христа; Сам Христос предсказал это заранее.

Так проясняется перед нашей душой смысл нового провозвестия в духе Евангелия от Луки. Когда древний посвященный, носивший на лбу знак Ионы, выступал среди людей, то в нем признавали того, кто возвещал духовные миры. Но лишь специально обученные люди могли по внешнему виду судить об этом. Нужны были особенные приготовления к тому, чтобы понять "знамение Ионы". Нужна была новая подготовка для того, чтобы приготовить новый способ познания, новый способ развития души для нового знамения, которое было больше знамений Соломона и Ионы. Современники же Христа Иисуса могли понимать лишь древний способ посвящения. Одним из наиболее известных способов был способ Иоанна Крестителя. Людям было совершенно чуждо все то, что Христос Иисус принес в мир как нечто совершенно новое, то, что Он искал человеческие души среди тех, которые выглядели совсем не так, как представляли себе таких людей раньше. Они предполагали, что Христос должен сидеть среди тех, кто шли путем древнего праксиса, и полагали, что именно им должен Он возвещать Свое учение. Потому они не могли понять, как может Он сидеть с теми, кого они считали грешниками. Он же сказал им: "Если бы Я возвещал то новое, что Я принес в мир, древним способом, если бы на место древней формы не явилась бы иная, то Я был бы подобен тому, кто ставит новую заплату на ветхом платье или наливает молодое вино в старые мехи, то же, что Мною даруется человечеству - это более, чем знамение Ионы или Соломона, и оно должно быть влито в новые мехи, в новые формы. И ныне все должны стремиться к тому, чтобы постигнуть это новое провозвестие в его новой форме". (Лк. 5, 36-37).

И те, которые должны были постигнуть это, те должны были понять это не посредством того, чему они научились, но посредством могучего влияния Я, посредством того, что было излито в них из духовной сущности Христа. Но к этому были предназначены не те, которые подготовлялись в смысле древнего учения, а те, которые прошли через ряд воплощений и несмотря на то, что казались простыми людьми, могли понять излитую в них Христом силу веры. Потому и им также должно было быть явлено некое знамение, которое и было дано прилюдно. То, что на протяжении 1000-летних происходило в храме мистерий - прохождение через "мистическую смерть", - это должно было открыто произойти на мировой арене. Все то, что таинственно происходило в великих храмах посвящения, это выступило теперь наружу и предстало перед миром как единственное событие Голгофы. Интенсивным образом выступило перед человечеством то, что обыкновенно происходило с посвященными в три с половиной дня, в течение которых

совершалось древнее посвящение. Потому знакомый с сущностью события на Голгофе должен был описывать его таким образом, каким оно было в действительности: древнее посвящение, ставшее историческим фактом и поставленное на передний план мирового развития.

Вот что произошло на Голгофе. То, что немногие посвященные видели раньше в храмах посвящения, когда проходили через состояние подобное смерти, благодаря которому они убеждались в том, что духовное всегда будет преобладать над физическим, что духовно-душевное человека принадлежит духовному миру, - все это должно было теперь единожды произойти перед лицом всего человечества. Посвящение, вынесенное на арену мировой истории, - вот что означает событие Голгофы. Но тем самым это посвящение совершилось не только для тех, кто был близок к этому событию, но и для всего человечества. И то, что излилось тогда с Креста на землю, - это излилось для всего человечества. Поток духовной жизни исходит из тех капель крови, которые вытекли тогда на Голгофе из ран Христа, и проникает во все человечество. То, что как мудрость исходит из древних провозвестников, должно было теперь как сила излиться в человечество через Христа. Именно в этом и заключается огромная разница между событием Голгофы и учениями других основателей религии.

Необходимо более глубокое понимание, чем обычное современное человеческое понимание, для того, чтобы постигнуть все то, что произошло тогда на Голгофе. В начале земного развития человеческое Я было физически связано с кровью. Кровь является внешним выражением человеческого Я. Люди все больше усиливали бы свое Я, и, если бы не появился Христос, то они пошли бы по пути развития эгоизма. События на Голгофе спасли человечество. Что должно было излиться? То, что явилось излишней субстанцией Я, т. е. кровь. Кровь, излившаяся из ран Христа на Голгофе, должна была служить продолжением того, что началось на горе Елеонской: капли пота, как кровь, падали с чела Спасителя. Истекшая тогда кровь является знаменем того, что как излишек эгоизма в человеческой природе должно быть принесено в жертву. Поэтому мы должны глубже проникнуть в духовное значение жертвы, принесенной на Голгофе. То, что произошло на Голгофе, - это не может понять химик, т. е. человек, изучающий это событие чисто внешним, интеллектуальным путем. Если бы кто-нибудь химически исследовал кровь, излившуюся на Голгофе, то он нашел бы в ней те же вещества, что и в крови других людей. Тот же, кто исследует эту кровь путем оккультного изыскания, убеждается в том, что эта кровь, по существу, является другой кровью; благодаря преизбытку крови люди должны были бы проникнуться эгоизмом, если бы на землю не пришла бесконечная любовь, и оккультный исследователь находит эту любовь пронизывающей кровь Христа. И целью автора Евангелия от Луки было именно описать, как пришла в мир, благодаря Христу, эта бесконечная любовь, которая постепенно должна была изгнать из человеческой души эгоизм. Каждый из

Евангелистов описывает именно то, что соответствует сияющей перед ним цели.

Если бы мы могли заглянуть еще глубже в соотношения отдельных Евангелий, мы увидели бы, как исчезают все противоречия, на которые указывает материалистическое исследование, так же точно, как на наших собственных глазах пропали все противоречия в предыстории Иисуса из Назарета, когда мы познали все то, что относилось к биографии Иисуса. Каждый из Евангелистов описывает то, что ближе всего к его точке зрения. Поэтому Лука описывает то, что восприняли благодаря особой подготовке "самозрящие и свидетели Слова". Он описывает струящуюся, изливающуюся любовь, прощавшую даже то ужаснейшее, что может произойти в физическом мире; с Креста раздались слова, являющиеся выражением идеала этой любви - прощение злейшего, что могло быть совершено: "Отче, прости им, ибо не ведают, что творят". (Лк. 23, 24). Он, свершивший на Кресте Голгофы, бесконечное из своей бесконечной любви, умолял о прощении распявших Его.

И еще раз Евангелия говорят нам о силе веры. Следует укрепить то, что заключено в человеческой природе, что должно излиться из нее. Одного присутствия этого довольно, чтобы отторгнуть человека от чувственного мира, как бы сильно он не был с ним связан. Представим себе человека, который в силу совершенных им всевозможных преступлений тесно сросся с чувственным миром и этим же чувственным миром был приговорен к наказанию; представим себе, что он все-таки спас в себе то, что может в нем зародить силу веры, тогда он будет отличаться от другого, который не в состоянии зародить в себе этого, - так же, как отличались друг от друга два разбойника. Один человек лишен веры, над ним приведен в исполнение приговор. У другого есть эта вера, как слабый огонек, просвечивающий в духовный мир, - и такой человек не может потерять связи с духовным. Поэтому ему должно быть сказано: "Так как ты знаешь, что ты связан с духовным миром, еще сегодня ты будешь со Мною в раю". (Лк. 23, 43).

Так звучат слова с Креста по Евангелию от Луки, слова веры и надежды в истине и любви.

Человек, проникнутый любовью, струившейся с Креста Голгофы, может посмотреть вглубь будущего и сказать: "Постепенно все земное развитие должно видоизмениться таким образом, чтобы обитающий во мне дух шаг за шагом преобразовывал бы все физическое земное бытие". То, что было до люциферического влияния - Принцип Отца. Дух, воспринятый нами, - мы постепенно возвратим Отцу. Но весь наш дух мы пронизаем Принципом Христа, и наши руки станут выражением того ясного отчетливого образа, что живет в нашей душе. Так же, как наши руки созданы не нами, но Принципом Отца, - они будут проникнуты Принципом Христа. По мере того как человек

будет переходить от воплощения к воплощению в то, что совершает человек в своем внешнем теле, будет постепенно струиться то, что излилось в него из Мистерии Голгофы, вплоть до Принципа Отца, - так что весь внешний мир будет проникнут Принципом Христа. Люди станут переживать ту невозмутимость, что прозвучала с Креста и что ведет к высочайшей надежде в будущем, к идеалу: пусть возродится во мне вера и любовь; тогда во мне будет жить вера и любовь, и я знаю, что когда они сделаются достаточно сильными, они пропитают собой все внешнее. Я знаю, что тогда Принцип Отца будет проникнут ими. Надежда будущего человечества примкнет к вере и любви, и люди поймут, что в будущем они должны будут приобрести эту невозмутимость. Если только есть во мне вера и любовь, я смогу надеяться, что то, что во мне живет от Христа Иисуса, будет постепенно передаваться внешнему миру. И лишь тогда люди поймут слова, высоким идеалом прозвучавшие с Креста: "Отче, в руки Твои передаю дух Мой". (Лк. 23, 46).

Так звучат слова Любви, Веры и Надежды в Евангелии, которое описывает нам, как в душе Иисуса из Назарета соединились два прежде обособленных духовных течения. То, что до тех пор было дано человечеству как мудрость, это влилось в него как душевная сила, как высокий идеал Христа. Задачей человеческой души является необходимость все лучше понять то, что нам возвещено таким провозвестием как Евангелие от Луки, для того, чтобы человеческой душе все живее звучали проникновенные слова, раздавшиеся с Креста. Когда в людях разовьются духовные способности, дарованные духовной наукой, то они будут чувствовать, что с Креста прозвучало не что-то мертвое, но живое Слово. Тогда люди скажут: "Мы начинаем понимать, что живое Слово заключено в Евангелии от Луки". Так духовная наука должна постепенно раскрывать то, что скрыто в религиозных источниках.

Конечно, по отношению к Евангелию от Луки целого цикла докладов недостаточно для того, чтобы раскрыть все. Многие остались необъясненным, не говоря уж о том, что в источнике с таким всеобъемлющим содержанием многое должно остаться необъясненным. Но, идя по пути, указанному этими докладами, вы сможете все глубже проникать в Евангелие от Луки, и ваши души будут все более созреть для восприятия скрытого за внешним живого Слова. Духовная наука, или теософия, - учение не новое. Это прежде всего инструмент для постижения того, что было дано человечеству. Она дает возможность понять религиозные источники христианского откровения. Если вы ее поймете в этом смысле, то не будете более говорить: есть христианская теософия, а есть теософия иная. Есть лишь одна теософия, или духовная наука, одно средство для возвещения истины. Мы применяем его для того, чтобы дать человечеству сокровище духовной жизни. Одну единственную духовную науку мы применяем для объяснения и Бхагавад-Гиты, и Евангелия от Луки. Это и составляет великое преимущество духоведения, что оно может проникать в любое духовное

сокровище, дарованное человечеству, оно не ограждается ни от какого провозвестия, дарованного человечеству.

Евангелие от Луки проникнуто инспирацией любви, и все то, что вы учились познавать посредством духоведения в Евангелии от Луки, будет стремиться в вашу душу и даст вам возможность не только взирать на тайны окружающего, на то, что открывает нам духовные подосновы бытия, но и понять то, что скрывается за проникновенными основополагающими словами: "И на земле мир, в человеках благоволение", т. е. мир в человеческих душах, в которых обитает благая воля. Ибо Евангелие от Луки изливает горячую любовь в человеческую душу, благодаря которой обретается мир на земле. Этот мир есть прекраснейшее из отражений, могущих возникнуть, когда божественные тайны открываются земле. То, что может быть явлено, это должно отразиться на земле и, как отражение, вновь подняться в духовные миры. Если мы научимся понимать духовную науку именно в этом смысле, она откроет нам тайны божественно-духовных существ и духовного бытия, и отражение этого откровения будет жить в наших душах как любовь и мир - прекраснейшее отражение, отдающее Земле то, что струится с высот.

И так мы можем принять слова Евангелия от Луки, прозвучавшие тогда, когда Нирманакайя Будды струила свои силы на натановского младенца Иисуса. Откровения изливаются из духовных миров на землю, они отражаются в человеческих сердцах как любовь и мир в той мере, в какой люди раскрываются тому, что Принцип Христа подлинно раскрывает в центральной точке человеческого существа, в его Я, - поистине доброй воле.

Это ясно звучит из следующих слов Евангелия от Луки, когда мы их верно понимаем:

"Откровения духовных миров из высей и их отражения в человеческих сердцах несут мир тем людям, которые в ходе земного развития хотят раскрыть в себе благое воление".